

vk.com/fashionable_library

ПРОДАНА

ребекка
брук

Данная книга предназначена только для
предварительного ознакомления! Просим вас удалить
этот файл с жесткого диска после прочтения.
Спасибо.

Эмма Харт

Грязный секрет

«Братья Бёрк # 1»

Оригинальное название: *Rebecca Brooke «Traded» (Traded #1), 2015*

Ребекка Брук «Продана», 2019

Переводчик: *Мария Бирих*

Редактор: Ариадна Леонтьева

Сверка: Ирина Д.

Вычитка: Екатерина Ш.

Обложка: Врединка Тм

Перевод группы: http://vk.com/fashionable_library

*Любое копирование и распространение
ЗАПРЕЩЕНО! Пожалуйста, уважайте чужой
труд!*

Оглавление

Эмма Харт

Любое копирование и распространение ЗАПРЕЩЕНО! Пожалуйста, уважайте чужой труд!

Аннотация.

Глава 1.

Глава 2.

Глава 3.

Глава 4.

Глава 5.

Глава 6.

Глава 7.

Глава 8.

Глава 9.

Глава 10.

Глава 11.

Глава 12.

Глава 13.

Глава 14.

Глава 15.

Глава 16.

Глава 17.

Глава 18.

Глава 19.

Глава 20.

Глава 21.

Глава 22.

Глава 23.

Глава 24.

Глава 25.

Глава 26.

Глава 27.

[Глава 28.](#)

[Глава 29.](#)

[Глава 30.](#)

[Эпилог.](#)

Аннотация.

Я пешка, часть имущества, игрушка – использованная и забытая.

Попользовавшись мной, вы можете уйти без сожалений. Так считает мой муж. Я стараюсь быть для него самой лучшей женой.

В конце концов, он принял меня, когда никому другому я не была нужна. Теперь, будучи банкротом, он должен кучу денег ростовщику. Больше, чем мы можем отдать.

Но не беспокойтесь, он решил ситуацию, правда не так, как я ожидала.

...Я ПРОДАНА.

****Внимание:** книга содержит непристойные выражения, сексуальные ситуации и ситуации эмоционального насилия.

Пожалуйста, будьте осторожны при прочтении. Книга предназначена ТОЛЬКО для лиц старше 18 лет.

Глава 1.

Елена

— Какого чёрта ты уставилась?

Язвительность в его голосе заставила меня опустить глаза в пол.

Мне следовало приготовить что-нибудь другое на ужин.

— Прости, может, ты хочешь, чтобы я приготовила что-то другое? — спросила я голосом чуть громче шёпота, чтобы не причинить боли его ушам.

— Нет, — отрезал он. — Раз ты не можешь приготовить приличный ужин, я перейду к десерту. Поторопись и приготовь свою задницу в спальне, уж эту игру я не пропущу.

Боясь снова разочаровать его, я вскочила из-за стола и принялась расстёгивать верх, пока шла по коридору. В спальне было темно, только приглушённый свет доходил из кухни и зала, так Доминику нравилось больше. Он говорил, что для него это единственный способ насладиться жизнью. Если бы он видел меня, это разрушило бы его фантазии о том, что под ним великолепная женщина. Кроме того, он запрещал мне говорить или прикасаться к нему.

Когда моё платье и нижнее бельё упали на пол, я заняла свою позицию на кровати — лежа на спине, руки по бокам, ноги расставлены настолько широко, насколько возможно — в ожидании, когда Доминик присоединится ко мне. Через несколько минут он вошёл через дверь, сбрасывая по дороге одежду. Он схватил смазку со стола рядом с кроватью и несколько раз быстрыми движениями погладил себя рукой, прежде чем забраться на меня сверху. Одним болезненным толчком он вошёл в меня, и я прикусила щеку, чтобы скрыть свою дрожь. Всё что угодно лишь бы помочь ему насладиться происходящим.

Снова и снова он вонзался в меня, кряхтя всё громче с приближением кульминации. Издав стон, он излился в меня и отстранился, позволяя себе закапать мои ноги и простыни, прежде чем скатиться, поднять свои боксеры и натянуть их.

— Я пойду, послежу за игрой. Убедись, что застираешь простыни до того, как пойдёшь спать, — и покинул комнату.

Делая глубокие вдохи, я пыталась сдержать слёзы, непрерывно напоминая себе, что Доминик заботится обо мне. Он был мужчиной в доме. Я должна была сделать всё, что в моих силах для его счастья. Я не могла себе позволить ни физически, ни эмоционально потерять его. Взяв себя в руки, я встала, вытерлась простынёй и поискала, что бы ещё закинуть в стирку. На столе в изножье кровати лежали аккуратно сложенные пара шорт и футболок. Натянув одежду, я стащила с кровати постельное бельё и пошла по коридору. Звуки игры в бейсбол из гостиной были слышны на кухне.

Я не хотела беспокоить его звоном посуды, поэтому спокойно схватила стиральный порошок, ключи от подвала и вышла из комнаты. Стирка займёт около получаса, достаточно времени, чтобы быстро принять душ и вернуться обратно. Включив машинку, я поднялась наверх. Доминик стоял на кухне перед холодильником.

— Сколько раз я должен говорить тебе, что никто не хочет видеть твои бледные белые ноги? Надевай брюки, так будет полезнее для всех, — качая головой, сказал он, а потом схватил пиво и вернулся к просмотру игры.

— Я забыла, прости. Исправлюсь после душа.

Минуту спустя он вышел из комнаты, а я помчалась в ванную, закрыла за собой дверь и сползла по ней. Мои глаза горели. Если бы я следовала его указаниям, то не было бы причин расстраиваться от его слов. Я яростно потёрла лицо, встала с пола и в рекордно короткие сроки приняла душ.

Вспомнив слова Доминика, я надела штаны для йоги и футболку, чтобы вернуться вниз к стирке, бросила простыни в сушилку, а затем поднялась наверх, чтобы прибраться на кухне. Собрала тарелки и выкинула остатки еды в мусорку, принявшись отскребать их.

— Ты можешь уйти вниз? Я пытаюсь слушать телевизор, — крикнул Доминик. — Ты ничего не можешь делать тихо?

— Прости. Я не хотела тебе мешать. Я сделаю всё возможное, чтобы быть тише.

Пытаясь сделать всё настолько тихо, насколько это возможно, я крадучись на цыпочках закончила уборку. Услышав срабатывание таймера на сушилке, я поспешила в подвал. Оставалось мало времени до окончания игры. Доминик всегда отправлялся прямиком в постель, после окончания матча. Он работал массу времени и заслуживал

много времени для сна. Его работа обеспечивала нас.

Я быстро, насколько могла, застелила кровать. Ликующие звуки донеслись до меня в спальне, и я поняла, что игра кончилась. Мои руки тряслись в ожидании появления в спальне Доминика. Одобрят ли он работу, которую я проделала? Бесшумно я села на край кровати в ожидании его, желая убедиться, что больше ничего не надо делать, пока он не лёг спать.

Доминик вошёл в дверь и устался на кровать.

— Простыни мятые. Ты должна погладить их завтра. Сейчас я слишком устал.

Моё сердце замерло. Я так старалась для того, чтобы он похвалил меня. Встала, подошла к дверям и кивнула.

— Я сделаю это, как только вернусь с работы домой, — сказала я дрожащим голосом.

Он откинул простынь и забрался в постель.

— Ты уже приготовила мне обед?

Вперилась глазами в пол.

— Ещё нет. Я хотела убедиться, что простыни будут готовы к твоему приходу в постель.

Он повернулся на бок, спиной ко мне.

— Я собиралась приготовить всё сейчас, пока ты спишь.

— Хорошо. И ничего из того дерьма, что было на ужин.

Я наблюдала за тем, как он ложится в постель, желая, чтобы однажды он захотел, чтобы я легла с ним.

— Нет, конечно, нет.

Я вышла из комнаты, выключила свет, закрыла дверь и тихо прошла на кухню, давая ему время заснуть, прежде чем лягу я, иначе потревожу его своим ворочанием. Я сделала ему сэндвич на обед и налила прохладительный напиток. Таким образом, он сможет схватить его по пути к дверям утром и не опоздает в офис. Я просканировала комнату напоследок, удостоверюсь, что всё соответствует стандартам Доминика.

На печке светились часы. Уже было за одиннадцать, он, должно

быть, спал. Выключила свет и телевизор, бесшумно пробралась в спальню, переоделась в пижаму и настроила будильник в телефоне на четыре утра. Медленно и осторожно я забралась в кровать.

Доминик должен был установить будильник на 8, но я обязана перепроверить его прежде, чем уйду на работу. Долгий день в закусочной, потом возвращение домой, чтобы вести домашнее хозяйство, — восемнадцатичасовой день нагонял меня быстро. Как только моя голова коснулась подушки, я незамедлительно провалилась в глубокий сон.

Было такое чувство, что как только я закрыла глаза, вибрация телефона вырвала меня из сна. Солнце ещё не взошло, но если я не встану сразу, то опоздаю на работу. Перед рабочим днём в закусочную приходит много клиентов, и я не могла позволить себе опоздать. Выползая из постели так, чтобы не разбудить Доминика, я взяла чистую форму из шкафа и на цыпочках впотьмах прошла в ванную, включив свет только когда убедилась, что дверь закрыта.

Менее чем через двадцать минут я уже была одета и готова к выходу, у меня было в запасе ещё десять с лишним минут, чтобы дойти до работы. К счастью, закусочная располагалась всего в нескольких кварталах от дома, и я могла дойти пешком за пять минут, если не тратить время зря, поэтому я использовала дополнительное время чтобы перепроверить обед и кофе Доминика.

Убедившись, что всё готово, схватила свою сумку и вышла за дверь.

Благодаря кондиционеру, я не замечала увеличение влажности, но теперь, даже в такую рань, ощущалось, что жара подавляет. Обмахивая себя рукой, я как можно быстрее добралась до работы и отметила время прихода.

— Доброе утро, Елена, — крикнула Гретхен из-за стойки.

— Доброе. Положу сумку и буду готова.

Она подошла к столику для принятия заказа, а я вышла, чтобы повесить свою сумку на крючок в подсобке. Схватив фартук,

обвязала его вокруг талии, положила блокнот и ручки в передний карман и поспешила за стойку.

— О ком ещё не позаботились?

Гретхен указала на ряд клиентов.

— Обо всех, но, думаю, те, которые за дальним столиком, готовы сделать заказ.

У нас не было старшей официантки, которая помогала бы нам, мы были единственными, кто выходил на ранние утренние смены в течение недели. Мы обслуживали любые столы, которым требовалась наша помощь, и делили их пополам. Это было проще, чем выяснять, кто какой столик возьмёт согласно таблице. Приняв заказ, я вернулась назад и стала ждать Гретхен, которая уже сервировала напитки.

— Ты давала ему деньги прошлой ночью?

Я вздохнула.

— Нет. Доминик был дома.

— Да и, дай угадаю, относился к тебе, как к дерьму весь вечер, — отрезала она.

Гретхен никогда не сталкивалась с таким лично. Это был старый аргумент. Она не понимала, что я нужна Доминику. Что он любит меня. Мои глаза начали затуманиваться, и я отвернулась, пытаясь скрыть слёзы.

— О, Елена, — Гретхен отбросила пустую чашку и потянула меня в свои объятия. — Прости. Я не хотела заставлять тебя плакать. Я хочу, чтобы ты видела какая ты замечательная, и что ты заслуживаешь лучшего, чем он.

Выскользнув из её объятий, я покачала головой и вытерла лицо.

— Нет. Он единственный мужчина, который когда-либо захочет меня. Я не такая красивая, как ты. Я плоская.

У Гретхен были длинные светлые волосы и зелёные глаза, не говоря уже о свиданиях каждые выходные. У меня был один парень в старшей школе, и я вышла за него.

Её руки приземлились на мои плечи.

— Неправда, но пока ты сама этого не увидишь, так и будешь с ним. Пожалуйста, не давай ему деньги на азартные игры.

Я опустила тему. Она не стоила спора. Я прекрасно понимала, что если бы Доминик попросил у меня денег, я бы дала их ему. Гретхен не понимала, что каждым предложением, он только пытался улучшить мой внешний вид и то, как люди смотрят на меня. Всё это было для того, чтобы помочь мне. Доминик никогда бы не сделал мне ничего плохого.

Глава 2.

Елена

После нашей ссоры время прошло быстро; странно, учитывая, что это был двенадцатичасовой рабочий день. Позже Гретхен принесла извинения, которые я приняла, и когда подошло время, быстро помахала на прощанье и выбежала за двери. Она подняла подбородок в ответ, зная, что я не остановлюсь, так как мне нужно вернуться домой и приготовить Доминику ужин. Я не могла позволить Доминику придти с работы и разочароваться во мне. Быстрым шагом пройдя квартал, я резво добралась до дома, всю дорогу с благодарностью думая о курице, которую замариновала перед сном. В сочетании с гарниром и овощами это будет идеальное блюдо, и, безусловно, будет готово вовремя.

Я накрывала стол, когда пришёл Доминик.

— Опять чёртова курица, — сказал он резким тоном. — Для тебя лучше, чтобы это было не так дерьмово.

Он кинул свои вещи и сел за стол. Я бросила взгляд в сторону, делая мысленную заметку убрать их, как только закончу уборку после ужина. Мы ели в тишине, Доминик всё время смотрел в телефон. По крайней мере, ему это нравилось. Съев всё, что было в тарелке, он бросил вилку и встал.

— Наконец-то что-то съедобное. Теперь, когда ты показала, что можешь готовить, убеждайся, что это всё вкусно.

Он вышел из кухни, и я приступила к уборке. Моя цель состояла в том, чтобы убедиться в безупречной чистоте кухни к тому моменту, когда он вернётся к просмотру телевизора, и услышав скрип душевой насадки, я поняла, что у меня есть около десяти минут. Когда я вытирала со стола и загружала посудомоечную машину, Доминик появился одетый и готовый к выходу. Его влажные тёмно-каштановые волосы были близки к цвету глаз. Ростом пять футов и девять дюймов, он был на шесть дюймов выше меня. Он наблюдал за мной, и на мгновение я понадеялась, что заработала очки за ужином и он возьмёт меня с собой.

— Где твои чаевые?

Опустив плечи, я полезла в карман формы, вытащила заработанные шестьдесят долларов и передала их ему. Нравится Гретхен это или нет, мы женаты, и всё, что было моим — принадлежало ему.

Он выхватил деньги из моей руки и пересчитал.

— Это всё? Иисус, ты не можешь даже заработать приличную сумму, разнося еду к столам, — он засунул телефон и деньги в карман. — Убедись, что на завтра мой обед будет готов.

Не говоря ни слова, он вышел. Моё горло жгло от попыток сдержать слёзы. Я сделала, как он сказал — приготовила обед и быстро приняла душ. Доминика не было и мне не надо было ждать, пока он уснёт, так что я рано легла спать. Измученная, забралась под простыни и позволила сну завладеть мной.

Кровать прогнулась, давая мне знать, что Доминик вернулся домой. Быстрый взгляд на часы: три часа ночи. У меня был ещё час до того, как сработает будильник. Я попыталась вернуться ко сну, но постоянное ворочание Доминика разбудило меня окончательно. В конце концов, на телефоне зазвонил будильник, и я начала новый день.

Я не знала, заснул ли Доминик, но когда я вернулась со своей смены, его не было. Я закончила раньше, потому что Гретхен отпросилась на день, и я не видела причин торчать там.

Через несколько часов ужин стоял на столе, но Доминика всё ещё не было дома. Я позвонила ему. Он не ответил. Зная, что невоспитанно есть без него, я стала ждать его. И ждала.

Через час он появился.

— Елена, блядь, где ты? — крикнул он, хлопнув дверью.

— На кухне, жду тебя, — не хотела, чтобы он подумал, что я начала без него или ничего не делала весь день. Я стойко сидела за столом, надеясь, что он заметит по пути, как чисто в гостиной.

Он стремительно зашёл на кухню.

— Иди, переоденься во что-нибудь... посимпатичнее. Не уверен, что у тебя есть что-нибудь, но попробуй. И собери сумку.

Волнение заполнило моё тело, мои руки тряслись. Послушание и следование инструкциям Доминика наконец-то окупились. Он принял

меня. Роясь в своём шкафу, я нашла старое платье, которое было идеальным вариантом, независимо от ситуации. Кто позаботится об ужине? Я уберусь позже.

Я поспешила упаковать сумку, не позволяя себя передумать. Когда я вышла в коридор, он окинул меня взглядом.

— Я догадывался, что ты наденешь это. Поехали.

Взяв за руку, он повёл меня к машине.

— Куда мы едем? — я практически подпрыгивала на месте от волнения.

— Тебя это не волнует. Увидишь, когда мы окажемся там, — огрызнулся он.

Почти незаметное дрожание рук Доминика привлекло моё внимание. Он нервничал, я никогда не видела его таким — даже когда мы проснулись женатыми после долгой ночи в Вегасе. Как много поменялось с тех пор.

Мы подъезжали к огромному бейсбольному стадиону. Волнение пронзало меня. Бейсбол был любимым видом спорта Доминика и тот факт, что он пригласил меня на игру с ним, очень много значил.

— Ты привёл меня на игру, — было трудно сдержать ликование в голосе, но я пыталась. Не хотела, чтобы он передумал или пожалел о своём решении, думая, что я не умею себя вести.

— Просто закрой свой рот и делай, что я говорю, — он вышел из машины и стал ждать меня снаружи. Я открыла дверь. — Хватай сумку.

Мне хотела спросить, зачем нужна на вечер сумка, но на сегодня я расстроила его уже достаточно. Бесшумно я вышла из машины и последовала за ним к Will Call, где он, зарегистрировавшись, направился к лифтам. Крепче ухватившись за ручки сумки, я поспешила дальше через холл, где не было ни одного сиденья, стараясь не отставать от него. Перед нами было около десяти дверей.

Часть закрытого клуба? Как он позволил себе это?

Доминик постучал в предпоследнюю дверь и принялся ждать. Тишина была тяжелой, и у меня возникло ощущение, что этот вечер не будет таким, как я думала. Я украдкой бросила взгляд на Доминика, стараясь держать голову наклонённой к полу. Его кожа

была лишена цвета. Звучало глупо, но это было правдой. Чаще всего его щёки краснели от алкоголя, и, увидев его таким, я занервничала ещё больше. Его руки нервно дёргались по бокам, и он переминался с носков на пятки. Послышался шум с другой стороны двери, и он замер. Через несколько секунд дверь распахнулась, и показался парень, которого вы могли бы увидеть возле клуба проверяющим удостоверения личности подпрыгивающих идиотов, которые им не принадлежали. Его серая футболка была очень узкой, а мышцы такие огромные, что парень или принимал стероиды или жил в тренажёрном зале.

— Не стойте здесь и не держите дверь открытой. Или заходите, или убирайтесь.

Моё внимание привлек человек, сидящий в одиночестве в центре комнаты. Я сделала глубокий вдох и лёгкие обожгло. Воздух здесь был другой — ненасыщенный. Мурашки пробежали по всему телу, хотя температура не отличалась. Я сказала себе, что это глупо, хоть и имела врождённую способность чувствовать опасность. Эта способность несколько раз спасала меня от Доминика. Я всегда была в состоянии сказать, когда его настроение было хуже, чем обычно, и была ещё более осторожна. Чувство, которое проделало свой путь от сожжённых легких до основания моего позвоночника и сейчас оборачивалось вокруг моей груди, затрудняя дыхание, я знала, без сомнения — этот человек не был святым.

Доминик толкнул меня в спину, заставляя зайти в комнату. Я посмотрела на него, но он ничего не сказал и не объяснил, что происходит. Он схватил меня за руку и потянул вперёд.

— Я надеюсь, эта сумка означает, что вы принесли мне мой грёбаные деньги, — сказал парень в кресле, и впервые мне открылась возможность рассмотреть его; волосы тёмно-медового оттенка, зелёные глаза, которым контрастировали очки в тонкой чёрной оправе, умный взгляд, направленный на моего мужа.

Доминик поднял руки.

— Эштон, выслушайте меня минутку.

— Я так понимаю это означает, что у тебя всё ещё нет остальной части моих денег, — протянул мужчина, его слова были медленными и растянутыми.

Волосы на затылке встали дыбом, и я почувствовала чьё-то

присутствие за своей спиной. Бросив быстрый взгляд через плечо, я увидела, что тот огромный, страшный парень стоит за Домиником, сузив глаза и скрестив мускулистые руки на груди.

— Дай ему шанс объясниться, Брок, — сказал Эштон, поднимая стакан с янтарной жидкостью к губам. — Я не думаю, что этот мудак настолько глуп, чтобы прийти сюда без моих денег и другого плана. Правда, Доминик?

— Нет... эээ, нет... конечно, нет. У меня есть, что предложить вам, — голос Доминика дрожал на каждом слове. Моя интуиция кричала на меня, что что-то не так. Я сложила руки за спиной, боясь, что Доминик увидит и отчитает меня.

О каких деньгах говорит этот парень? Мне было известно, что у нас задолженность по кредитной карте, но сколько именно я не знала. Доминик заботился обо всех счетах, потому что не хотел, чтобы я сделала ошибки.

Я отступила, когда Доминик толкнул меня, и споткнулась о ковёр.

— Я принёс товар.

Эштон рассмеялся, но этот звук не был дружелюбным.

— Товар? Что ты можешь дать мне, чего у меня нет, или я не смогу получить с моими деньгами?

— Мою жену.

Дёрнула головой в сторону Доминика. Я не могла его правильно слышать. Он бы не продал меня. Я могла где-то напортачить, но я была хорошей женой. Я заботилась обо всех его потребностях и желаниях, или, по крайней мере, пыталась. Я не была столь худой, как он хотел, или такой красивой, но старалась компенсировать это в других областях.

Эштон снял очки и потёр глаза большим и указательным пальцами.

— Твоя жена. Ты разыгрываешь меня? — он поднял взгляд, возвращая очки на место.

Я стояла перед человеком, которого никогда не видела, и наблюдала за мужем, пытаясь понять что, чёрт возьми, происходит.

— Не тупи, Елена. Повернись, чтобы он мог рассмотреть тебя. Это вопрос жизни и смерти. Ты должна спасти меня, — прошипел Доминик.

В его глазах я видела страх, поэтому медленно повернулась, не зная, что делать.

— Какого чёрта, Доминик? Ты пришёл сюда, задолжав мне двести тысяч долларов, и хочешь, чтобы я взял твою жену вместо оплаты?

Двести тысяч.

Всё, что было в моём желудке, захотело вернуться обратно. Как мы могли заплатить такие деньги? Мою грудь сдавило. Мне казалось, что я задыхаюсь.

— И да, и нет. Я предлагаю сделку, — он толкнул меня вперед. — Елена будет делать всё, что вам захочется в течение следующих трёх месяцев. После этого, мой долг будет выплачен. Кроме того, я вчера отдал вам пятьдесят тысяч.

— Это жалкие крохи и ты, блядь, знаешь это. Дерьмо, это лишь четверть того, что ты должен.

— Я знаю, но у меня нет денег. Мне придётся работать целую вечность, чтобы отработать то, что я задолжал. Полагаю, так проще и быстрее. Она не очень яркая, но она сделает всё, что вы захотите в спальне. Она обучена. Вам даже не придётся заботиться о ней. Получите всё, что хотите, и можете спать.

Горячие слёзы жгли глаза. Мой муж, которому я пыталась угодить во всём, продавал меня, чтобы погасить свой долг. Рациональная часть меня ощущала, что если я не пойду с этим человеком, то с Домиником что-то случится. Я одна могла это остановить.

И я это сделаю.

Глава 3.

Эштон

Что за хуйня?

Всё что я хотел — это насладиться игрой в полной тишине. Вместо этого, я вошёл в грёбаную сумрачную зону. Мне было известно, что в тот момент, когда я одолжил этому мудаку деньги, он стал проблемой. Но даже через миллион лет я бы не поверил, что он попытается продать свою жену, чтобы погасить долг. Какой мудак так делает?

Моей первой реакцией было сказать долбоёбу катиться в ад от меня подальше и дать ему двадцать четыре часа, чтобы принести остальные деньги. А потом я увидел, как он обращается со своей женой. Может, я и не самый добропорядочный гражданин, однако это не значит, что у меня нет собственных моральных принципов; один из них — никогда не обращаться с женщиной так, как только что это делал Толли. Я даже не мог назвать его человеком.

В своём бизнесе я часто балансировал на тонкой грани между правильным и неправильным. Так и было. Да, я знаю, как сделать насилие средством для получения желаемого, но применяю его только в крайних случаях. Когда женщина вздрогнула от его слов, как будто её хлестнули кнутом, я понял, что это не впервые.

Я оглядел её. Она была хорошенькой, и имела потенциал стать сногсшибательной, если обращаться с ней правильно. У неё были тёмно-каштановые волосы, которые под резким освещением отсвечивали красноватыми отблесками, глаза цвета самого тёмного шоколада, и она была худой, слишком худой на мой взгляд. Толли, наоборот, стоило бы сбросить фунтов двадцать.

Не существовало видимых причин для объяснения слов, слетевших с моих губ. Мне не нужен был ещё один человек, требующий заботы, тем более, такой покорный, какой казалась она, но вид скатывающихся по её лицу слёз оказался довольно убедительным. Кто-то же должен спасти эту бедную женщину.

— Вот мои условия. Она останется со мной в течение следующих трёх месяцев, — я услышал, как она ахнула, но продолжал: — За это время ты придумываешь способ, как найти ещё сто тысяч долларов.

Если нет, то я приду за тобой.

— По рукам.

Слова вырвались изо рта ублюдка даже прежде, чем я закончил. Блядь, этот парень невероятен. Каким человеком он должен быть, чтобы так легко отдать её? Женщина пыталась контролировать свои слёзы, но её плечи продолжали вздрагивать даже когда Доминик подошёл к ней.

— Тебе лучше делать всё, что он скажет. Если он захочет, чтобы ты раздвигала ноги каждый час, ты будешь это делать.

Кровь шумела в ушах, пока я слушал, как он разговаривает со своей женой. Я ждал, что она будет спорить с ним, но она просто кивнула, так и не проронив ни слова. Поиграли и хватит.

— Доминик, убирайся к чёрту с моих глаз, прежде чем я позволю Броку застрелить тебя.

Его глаза расширились, и он попятился к двери, оставляя позади одну очень испуганную женщину. Брок проследил за тем, как он уходит, а потом повернулся ко мне.

— Что теперь? — одними губами спросил он.

Махнув ему рукой, я дал сигнал на перерыв, и через несколько секунд за ним тихо закрылась дверь. Я подошёл к женщине, которая попала под мою ответственность на последующие три месяца.

Как, блядь, я оказался в этом дерьме?

Её взгляд был устремлён вниз. Когда я потянулся за сумкой в руке и задел её пальцами, она вздрогнула.

— Давай мне свою сумку, и пойдём поедем.

Слава богу, мы были в закрытом боксе, и повар заботился о каждом нашем капризе, в противном случае бедной девушке пришлось бы есть нечто отдалённо напоминающее нормальную еду. Ладно, да, у неё и так непростой день. Она отдала свою сумку, и поставив её рядом со стулом, на котором сидел, я вытащил ещё один стул. Не хотелось, чтобы она думала, будто её единственный вариант — это стоять, пока мы не уйдём.

Я бы отвез её домой прямо сейчас, не будь у меня назначена встреча с другим клиентом. Это было редкостью, чтобы в одну ночь я

встречался с двумя клиентами, но мне требовалось ещё время для ресторана, и поэтому приходилось приложить здесь вдвое больше усилий. Кроме того, мне нужно было кое о чём договориться. Она по-прежнему не двигалась и стояла как вкопанная.

— Елена, верно? Подойди и сядь.

Когда она так и не сдвинулась с места, я опустил руки ей на плечи в ожидании реакции. Она вздрогнула, но не оттолкнула меня, и я направил её ко второму стулу.

Я не винил её в том, что она мне не доверяла. Даже если бы я смог представить через что она прошла, трава на моей стороне не стала бы зеленее, в этом я уверен. Как бы я не пытался держаться подальше от этой жизни, она требовала моего вмешательства, — по крайней мере, на данный момент, — однако остаться жить таким образом означало стать тем человеком, кого я ненавидел. Когда я думал о том, что должен сделать, мой желудок сжимался в тугий узел. И такое случается с теми, кто рос как я, познавая то, что знаю я. Я не хороший парень. Девушка права, что опасается меня. Я бы никогда не ударил женщину, но она этого не знала. Она выживала единственным способом, который знала.

Прямо как я.

— Ты голодна?

Наконец, Елена подняла взгляд. Её большие карие глаза затравленно поблёскивали. Она покачала головой.

— Нет, спасибо.

Большинство женщин, которых я видел, бросались в истерику, потому что не могли добиться своего, но мимолётом посмотрев на то, как Толли обращается с Еленой, я понял, что это было инстинктивно. Она будет отвечать на приказы и распоряжения. Завтра мы начнём работать над этим, но сейчас я был готов уступить. Это напомнило мне, как мой дядя обращался с моей тётёй, пока отец не поймал его. Ни один ублюдок не имел права обращаться с его сестрой таким образом. Папа вырастил нас с братом в уважении к женщинам. Он говорил, что мужчины, которые не уважают их, своё получают. Увидев дядю Дэйва в инвалидном кресле с постоянным креплением, я убедился в этом.

— Елена, я полагаю, это не то, чего ты ожидала, когда шла сюда

вечером. Чёрт, это не то чего ожидал я, но тебе необходимо поесть. Ты будешь здесь в течение следующих трёх месяцев. Ты не можешь морить себя голодом до тех пор, пока Доминик не вернётся за тобой.

— Если вы хотите, чтобы я ела, я буду есть.

Ещё раз она дала понять, что если я скажу «прыгай», она только спросит «как высоко». Это дерьмо я изведу, начиная с завтрашнего дня.

— Я дам тебе меню.

— Меню? — в течение половины секунды она выглядела заинтересованной в чём-то помимо своего несчастья.

— Да, меню. Этот бокс принадлежит мне. У нас есть шеф-повар, который готовит пищу по вкусу и близко не напоминающую ту, что можно найти на бейсбольных матчах.

— Я буду то же, что и вы.

Я покачал головой.

— Нет. Ты выберешь то, что *сама* хочешь съесть.

Меню положили на столе рядом с моим скотчем. Пяти бокалов, которые я выпил, будет явно недостаточно. Я протянул ей меню и подошёл к бару. Мне не нужен бармен, чтобы наливать скотч. Организация стадиона позаботилась, чтобы мой любимый «Гленливет» был в наличии. Достав бутылку, я посмотрел, как Елена сканирует меню, будто не верит своим глазам.

— Хочешь чего-нибудь выпить? — я указал на бар, когда она посмотрела на меня. — Назови, и я принесу.

— О, Доминик говорит, что я не должна пить. Это делает меня сумасшедшей.

— Ну, Доминика здесь нет, и я не думаю, что от одного бокала напитка ты одичаешь и начнёшь танцевать на столе. На самом деле, я уверен, что это поможет тебе успокоить нервы.

— Ладно, если вы так думаете.

Опять разрешение. *Какого чёрта он сделал с ней?*

— Да. Если обычно ты не пьёшь, как насчёт бокала вина?

— Хорошо.

Я схватил бутылку белого вина из кулера и налил в бокал. Передавая ей бокал, я посмотрел на меню на её коленях.

— Выбрала что-нибудь?

— Всё, что вы закажете себе, подойдёт и для меня.

Елена не отрывала глаз от пола с тех пор, как кусок дерьма в лице её мужа ушёл. Она была угодлива и покорна — две вещи, которые я любил в женщинах, но только в спальне.

— Елена, когда в последний раз ты заказывала еду для себя?

Девушка подняла голову. Взгляд был ошеломлённым.

— Доминик не водит меня в рестораны. Он говорит, что я выгляжу недостаточно хорошо, чтобы брать меня туда.

Блядь, становилось всё хуже. Платье, которое было на ней, не очень ей подходило, но у неё было привлекательное лицо. Первым, что я собирался сделать утром — это купить ей новую одежду и другие предметы. У меня было чувство, что эту бедную женщину никогда в жизни не баловали. Меня поразило, что причина, по которой она сидела передо мной, это её муж, задолжавший мне денег, но я всё равно собирался потратить их на неё.

Я накрыл её руку своей, но Елена отдернула её. Вздохнув, я убрал свою.

— Не уверен, что муж говорил тебе, но ты красива. И ты можешь выбрать на ужин всё, что пожелаешь, — зная, что, если она получит моё разрешение, мы сможем двинуться дальше, я взял в руки меню и начал предлагать. — Ты предпочитаешь мясо или рыбу?

— Я никогда не ела рыбу, кроме камбалы.

— Ты никогда не пробовала лосося?

Она покачала головой.

— Тогда ладно. Давай ты попробуешь что-то новое. Я закажу ещё куриное блюдо, в случае, если тебе не понравится.

— Вы не должны этого делать. Всё, что вы закажете, будет отлично.

— Елена, это не проблема. У тебя был сложный день. Теперь сделай глоток вина. Я закажу ужин.

Я наблюдал, как она подносит бокал к своим полным губам. Мгновенье смотря на жидкость, она наклонила бокал и сделала первый глоток. Удовлетворённый, я подошёл к телефону, который был подключён напрямую к консержу и сделал заказ.

Она смотрела на меня, пока я разговаривал, и её глаза стали ещё больше, когда я заказал столько еды, что можно накормить пятерых.

— Конечно, мистер Хоуз. Мы всё принесём так быстро, как сможем.

— Спасибо, Роберт.

Положив трубку, я вернулся на своё место и наблюдал за Еленой в течение нескольких мгновений. Она выглядела напряжённой, странно ютившись на краю стула. Я хотел найти способ заставить её расслабиться. *Хоть на время мирной ночи бейсбольной игры.*

— Вам не нужно было заказывать всю эту еду.

— Ну, Броку и мне надо есть.

— Броку? — она вскинула голову и осмотрела комнату.

— Да, Броку. Он вселяет ужас, но обещаю тебе, что он не причинит тебе вреда.

— Это не то, что вы сказали Доминику.

Немного проявления воли. Может быть, она не безнадежна, в конце концов.

— Да, но я не мог больше слушать дерьмо, которое он изрыгал. У идиота был словесный понос.

Она посмотрела в фасадное окно вниз на поле.

— Он просто хочет, чтобы я была лучшей женой. Я не очень хороша в этом.

— Не думай так. Немногие женщины продолжали бы двигаться дальше после всего, что произошло здесь сегодня вечером, но мы можем поговорить об этом завтра. Ты когда-нибудь смотрела бейсбол?

Маленькая слеза скатилась из уголка глаза.

— Никогда.

— Тогда, пожалуй, сегодня откинься на спинку стула и

наслаждайся. Мы сможем побеспокоиться обо всём остальном завтра.

Ничего не сказав, она откинулась на спинку стула и крепко сжала в руке бокал с вином. Чтобы её муж не делал с ней, внутри она была сильной женщиной. Моё предположение: она пряталась так долго, что забыла, как постоять за себя.

Елена округлила глаза, когда официант прикатил тележку с едой. Она сконцентрировалась только на ней, пропустив возвращение Брока, который бесшумно сел в баре позади неё. Расставив нашу еду, официант понёс Броку его стейк.

Елена взяла вилку и наколола кусочек лосося. Также, как и с вином, она осмотрела его, прежде чем положить в рот. Стало очевидно, что он ей понравился, когда она тотчас же взяла ещё один. Я едва коснулся своего стейка. Наблюдение за тем, как она ест, очаровало меня.

— Это было вкусно, — она слегка дотронулась салфеткой до уголков рта и положила её на тарелку.

— Я рад, что тебе понравилось.

Прозвучал ещё один стук в дверь. Принимать два долга за одну ночь было опасно, но я устал находиться в ресторане.

Вошёл Деррик Рейнольдс. В отличие от Доминика, он зашёл уверенно с ухмылкой на лице. Первое, что я заметил — это отсутствие сумки. Я имел дело с наличными. Не уверен, о чём он думал.

Опираясь руками на стул, я смотрел на него, ожидая, когда он начнёт. Парень не говорил, просто скрестил руки на груди.

Вот так оно и было. Отлично.

— Ты хочешь объяснить мне, почему, будучи должен мне сто пятнадцать тысяч долларов, ты пришёл сюда с пустыми руками?

Он пожал плечами.

— Почему я должен возвращать тебе деньги, если не похоже, что ты собираешься с этим что-то сделать? — он кивнул в сторону Брока. — Он нужен тебе, чтобы решать твои проблемы, и я уверен, что мы вдвоём могли бы договориться.

Краем глаза я увидел застывшую на своём стуле Елену. Брок пришёл в движение, но я отрицательно покачал головой, и он

остановился

— Видишь, что я имею в виду. Тебе нужны мышцы, которые смогут позаботиться о твоём дерьме. — Он бросил через плечо: — Что скажешь, чувак, я отдаю тебе половину того, что должен, и ты позволяешь мне уйти.

В мгновение ока я подскочил с места, и мой кулак встретился с лицом Рейнольдса. Он упал. Я схватил его за запястье, переворачивая его, и вывернул руку за спину.

— Не ошибись, ты, кусок дерьма. Мне не нужен *никто*, чтобы разбираться с моими проблемами. Я могу сделать это самостоятельно. Брок помогает мне, когда я не хочу заниматься ими. Но сегодня — для тебя — я сделаю особенное исключение.

Свободной рукой он упёрся в пол, пытаясь найти достаточную точку опоры, чтобы отбросить меня. Воспользовавшись этим, я поднял ногу и ударил каблуком туфля по его руке. Кости хрустнули, и ублюдок закричал только для того, чтобы Брок затолкнул платок в его рот.

Резкий вдох прозвучал за моей спиной, но я проигнорировал его.

Я нагнулся к нему.

— Слушай очень внимательно. Ты уберёшься с моих глаз и поработаешь над тем, чтобы вернуть мне мои деньги. Ты вернёшься сюда через неделю со ста тридцатью тысячами долларов, или сломанная рука будет меньшей из твоих забот. Я ясно выражаюсь?

Он кивнул.

— Теперь Брок проводит тебя и объяснит ещё несколько вещей.

Выпрямившись, я обернулся и увидел Елену, сидящую с широко распахнутыми глазами и прикрытым дрожащей рукой ртом. Я думал о том, чтобы успокоить её, но реальность была такова — это её жизнь на следующие три месяца. Но это не значит, что я снова приведу её сюда.

Когда она вернулась к игре, снова повисло молчание. Откинувшись в кресле, я продолжал наблюдать за ней, и ближе к концу матча увидел признаки её нервозности. Колено немного подрагивало, после чего она поспешно сжала ножку бокала с такой силой, что побелели костяшки. Я наклонился и осторожно убрал

бокал в сторону, чтобы она случайно не порезалась.

Когда был сыгран последний аут, глаза Елены заметались по комнате, как будто она искала спасения. Когда Брок заговорил, она подпрыгнула на стуле.

— Мистер Хоуз, я уже распорядился об автомобиле для вас.

— Спасибо, Брок. Мы готовы идти.

Елена потянулась за сумкой, в которой, очевидно, одежды и на неделю не хватит, не говоря о трёх месяцах, но Брок опередил её.

— Позвольте мне, миссис Толли.

Она удивилась, что он знал, как её зовут.

Я заметил вскользь:

— У меня были дела с твоим мужем на протяжении многих лет. Это первый раз, когда он не смог вернуть деньги.

Она вздохнула, и это был очень покорный, мрачный звук.

— Поэтому он всегда хотел мои чаевые.

Я проводил её из комнаты, вдоль по коридору к лифтам.

— Чаевые?

— Да, я — официантка в закусочной в центре города, — она остановилась, как вкопанная. — Как я завтра доберусь на работу?

— Позволь мне позаботиться об этом.

Если кому-нибудь и нужен был отдых от работы, этим кем-то была Елена, и до тех пор, пока она была со мной, я должен убедиться, что она его получит.

— Но как я помогу Доминику оплатить его долг, если не буду работать?

Я развернул её лицом к себе.

— Запомни одно, Елена. В то время, как я с большим удовольствием отправил бы Брока к Доминику для небольшого разговора, я не делаю этого ради тебя. Это долг Доминика, и он его погасит. Ты уже выполняешь свою часть, оставаясь со мной.

— Эм... хо-хорошо. — Поражение окрасило её тон, и было ясно, что она думает, что должна сделать больше.

Чёртов ублюдок.

Забудьте о том, что я могу позволить Броку надрать ему задницу. Я хочу это сделать сам. Опять же, любой человек, который относится к женщинам так же плохо, как Толли явно поступал с Еленой, заслуживает худшего, чем это. Я должен был позвонить отцу завтра и объяснить весь беспорядок, но уверен, что он примет моё решение. Разместив руку на спине Елены, я повел её к двери моего автомобиля Bentley Flying Spur 2014 года выпуска, ожидающего нас у обочины.

Брок открыл заднюю дверь и жестом пригласил Елену первой сесть в машину. Я последовал за ней и сел рядом. Брок положил сумку в багажник и занял переднее пассажирское сиденье. Машина тронулась, но Елена не смотрела на меня всю поездку до дома. Причина стала очевидна после того, как Льюис высадил нас.

Стоя в фойе с её сумкой в руке, я предложил показать ей комнату, и она замерла всем телом, округлив глаза до размеров саблюда.

— Сколько у меня времени прежде, чем вы захотите увидеть меня голой?

Я повернулся к ней лицом.

— Прости?

Её щеки вспыхнули ярко-розовым цветом, глаза опущены в пол.

— Голой. Доминик сказал заняться с вами сексом.

Скользнув пальцами по её подбородку, я приподнял его, чтобы она смотрела на меня.

— Елена, ты не будешь трахаться со мной в качестве уплаты долга только потому, что Доминик так сказал. Женщина оказывается в моей постели лишь если сама этого желает. Ты поняла?

Она кивнула, но в секунду, как я опустил руку, снова опустила взгляд в пол. Существовало много всего, что я был вынужден делать с момента вступления в бизнес моего отца — то, чем я не горжусь. Надеюсь, что никогда не стану частью этого, но сейчас это уже не имеет значения, потому что я погряз в этом слишком глубоко.

Но трахать женщину в уплату долга? Это была черта, которую я никогда не переступлю, независимо от обстоятельств.

Со вздохом, я поднялся по лестнице в спальню для гостей. Распахнув дверь, включил свет и жестом показал внутрь.

— Это будет твоя комната. Чувствуй себя как дома, — поставил сумку на кресло рядом с дверью. — Я оставлю тебя в покое, чтобы ты могла устроиться, и мы встретимся утром. Нам много о чём нужно поговорить.

Я шагнул в сторону, позволяя ей пройти мимо меня. Когда наши тела поравнялись, я услышал, как она тихо проговорила «Спасибо за ужин», а затем вошла в комнату, и, не сказав ни слова, закрыла за собой дверь.

Мне нужна выпивка. И план.

Первым делом мне нужно было связаться с моим помощником и устроить всё на завтра. Я мог быть ответственным за займы моего отца, но у меня до сих пор был собственный бизнес. Направившись назад в гостиную, я вытащил телефон из кармана и набрал Джоанну, которая пообещала всё сделать и отправить отчёт мне утром. Она не настаивала на большем количестве информации. Я плачу ей достаточно, чтобы она не задавала вопросы.

После того, как большинство звонков было сделано, — я всё ещё должен был позвонить отцу, но это могло подождать и до утра, — я сбросил туфли и сел на диван с ещё одним бокалом скотча. Ясная голова на обдумывание всего беспорядка была бы предпочтительнее, но, чтобы понять последние три часа, мне нужен был алкоголь.

И что, блядь, я собирался с этим делать?

Глава 4.

Елена

Когда дверь за моей спиной закрылась, я упала в кресло на свою сумку. Как, чёрт возьми, я оказалась в этой ситуации? Я думала, что Доминик заботится обо мне, но как это возможно, когда у него появилась идея отправить меня жить к другому мужчине, приказав заниматься с ним сексом, когда тот пожелает?

Слёзы обожгли глаза, и, подойдя к кровати, я зарылась головой в мягкую подушку. Я не знала, куда ушёл *Эштон*, — как его называл Доминик, — а тем более, где находилась его спальня. Не хотелось, чтобы он слышал, как я плачу. Особенно после того, как я предложила ему себя, ведь Доминик приказал мне, а он отверг меня. Поэтому я не имела ни малейшего понятия, как помочь мужу погасить долг. Я знала, что была не очень хорошенькой, но Доминик обычно всё равно занимался со мной сексом. Он говорил, что это меньшее, что я могу сделать.

Увидев, как Эштон сломал руку другому мужчине, я пришла в ужас. Но с другой стороны, Эштон не сделал ни одной попытки навредить мне.

Как только я позволила слезам пролиться, их стало невозможно остановить. Прошли годы с тех пор, когда я в последний раз плакала так сильно. Каждый день я узнавала и запоминала всё больше и больше о том, как сделать Доминика счастливым, а это означало совершать меньше ошибок, чтобы у него не возникло причин придирается ко мне. Моё тело содрогалось от рыданий. Горло жгло. В конце концов, всего этого стало слишком много, и слёзы потянули меня в сон.

Впервые за всё то время, что я себя помню, мне довелось проснуться от чего-то яркого. Мои глаза горели, когда я распахнула их и увидела солнечный свет, проникающий через окно. Я села, пытаюсь сориентироваться. Я знала, где находилась, но это было

шоком — проснуться не по будильнику.

Потерев свои опухшие глаза, я вспомнила ночную истерику, и решила избавиться от своих чувств. Мой муж просил меня сделать что-то, и я собиралась сделать это. Заставив себя встать с кровати, я обнаружила сумку там же, где и оставила её прошлой ночью. Комната была обставлена мебелью из тёмного дуба, который доминировал в комнате. Мои ноги утонули в большом и мягком ковре, как только я коснулась пола. Пройдя дальше, я заметила ванную. Там было также роскошно с дополнительными халатами, полотенцами на крючках и разнообразными туалетными принадлежностями на столике.

Взяв то, что мне нужно, я решила, что душ поможет мне начать заново. Двойной душ способствовал самым расслабляющим двадцати минутам в моей жизни и слегка придал мне мужества; по крайней мере, пока я не поняла, что не смогу прятаться в своей комнате весь день.

Открыв дверь, я, следуя путём, которым Эштон вёл меня вчера, оказалась в главном фойе. Я, должно быть, испытывала те же ощущения, что и Джек, когда тот забрался в дом великана по бобовому стеблю. Всё было намного больше, чем я привыкла. Намного... *больше*. Сводчатые потолки находились так высоко, что до них невозможно дотянуться даже со стремянкой. Винтовые лестницы вели на второй этаж. Тяжёлые шторы, украшающие двойной высоты окна, вероятно, стоили больше, чем весь мой гардероб. Всё вокруг было невероятно ошеломляющим.

Запах свежего молотого кофе доносился из коридора справа. Следуя за успокаивающим ароматом, я обнаружила дверь на кухню и толкнула её, обнаружив Эштона читающим газету за столом. Я остановилась в дверном проёме, неуверенная, что сказать или сделать.

— Доброе утро, Елена, — Эштон отложил газету.

— Доброе утро, — сказала я, мой голос сорвался к концу фразы.

Он смотрел на меня, и, когда я не двинулась с места, сказал:

— Ты можешь сесть и позавтракать. В отличие от твоего мужа, я не жду от тебя прислуживания мне, пока ты здесь.

— Эээ... хорошо.

Как же объяснить ему, что Доминик не рассчитывал, что я буду прислуживать ему? Что это была моя работа, как его жены — заботиться о его потребностях?

Я выдвинула стул перед собой и села, сложив руки на коленях. Сидела и смотрела на стол.

— Елена, ты голодна?

Я пожала плечами.

— Предполагаю, что могу поесть.

— Елена, посмотри на меня.

Подняв голову, я увидела, что взгляд Эштона прикован ко мне. Близость придавала мне смелости, и я решилась рассмотреть его. Светлые волосы и зелёные глаза были только началом, объединяющим вместе все его черты, — он тот тип мужчин, о котором мечтают женщины. К сожалению, для таких женщин как я, люди вроде Эштона были несбыточной мечтой. Я должна следовать правилам. Доминик — единственный человек, готовый заботиться обо мне, и он не будет делать этого, если я подведу его. Мне нужно быть полезной.

— Что бы вы хотели на завтрак?

Я встала со стула и прошла к середине комнаты.

— Я могу приготовить вам что-нибудь, если вы позволите мне...

— Стоп.

О Боже, что я сделала не так?

Эштон подошёл и провёл меня обратно к стулу.

— Ты мой гость. Это я сделаю для тебя что-нибудь.

— Но...

— Никаких «но». Я понимаю, что Доминик ожидает от тебя неких действий, и мы поговорим об этом позже. Но сейчас, тебе надо понять, что у меня *нет ничего общего* с твоим мужем. А теперь скажи, чтобы ты хотела на завтрак, и я сделаю это для тебя.

— Я... эээ... я обычно ем блины в закусочной.

— Тогда блины.

Эштон начал собирать ингредиенты из разных шкафов, доставая всё необходимое для готовки блинов. В отличие от «Просто добавь воды», которые я обычно покупала в магазине, он готовил их с нуля. Пока нагревалась сковородка, он принёс чашечку кофе.

— Я не уверен, какой тебе нравится. Блины будут готовы через пару минут.

Кофе пах вкусно. Взяв чашку в руки, я сделала первый глоток. Он был непохож ни на что другое, что я пробовала раньше, вкус был богатым и сладким. Эштон сделал превосходный кофе.

— Спасибо, он восхитительный.

— Я рад, что тебе нравится.

Моё колено начало дрожать под столом. Немногие люди были милыми со мной, за исключением Грехтен. Много раз она пыталась уговорить меня уйти от Доминика, и как я поняла, она хотела просто помочь, а не получить его. Она не видела, что мой муж делал для меня. Он помогал мне. Доминик не самый простой человек, с ним не легко ужиться, но такова была его жизнь. Мне приходила в голову идея заставить их провести немного времени вместе, чтобы показать Грехтен другую его сторону, но когда я упомянула об этом, Доминик сказал: «Если у тебя есть время проводить его с друзьями, то ты, очевидно, лодырничает», поэтому я бросила эту затею. По правде говоря, Грехтен это тоже не воодушевило, так что всё сложилось к лучшему.

Эштон вернулся к столу, держа две тарелки с высокими стопками блинов и сосисками. Определённо больше еды, чем я могла или должна съесть за раз.

— Боже мой, так много еды.

— Прости. Я привык делать большие порции. Ешь столько, сколько хочешь, оставишь, что не съешь.

Эштон впился в блины, пока я медленно брала вилку, мой ум фокусировался на его извинениях и лёгкости, с которой он произнёс их. «Прости» не то слово, которое я слишком часто слышала, особенно из уст мужчины. И что с ним делать, я не знала.

— Всё в порядке?

Подняв голову, я обнаружила, что мужчина смотрит на меня.

— Я не привыкла, что люди извиняются передо мной.

Эштон уронил вилку на свою тарелку и откинулся на спинку стула.

— Думаю, нам стоит поговорить прежде, чем мы поедим.

Я с трудом сглотнула.

— Поговорить?

Он откинулся на стул, скрестил пальцы перед ртом и вздохнул.

— О ближайших трёх месяцах.

Мой желудок скрутило, и я положила до сих пор не использованную вилку.

— Елена, я не знаю точно, как сказать это, но я собираюсь покончить с этим здесь и сейчас. Твой муж — мудака мирового класса. — Мой рот приоткрылся в шоке, но это не помешало Эштону продолжить: — Я встречал таких людей раньше. Тех, кто недостаточно хорош, чтобы оберегать женщину. Они манипулируют, внушая, что больше никто тебя не захочет. Позволь сказать, что это всё фигня. Каждое слово, которое он говорит тебе — полное дерьмо. Ни один порядочный мужчина никогда не подумает о том, чтобы отдать жену, лишь бы уберечь свою задницу. Гораздо меньше тех, кто скажет ей трахаться с другим человеком. Это не нормально, и я не буду относиться к тебе таким образом. Я согласился на эту сделку в надежде вытащить тебя из его лап на достаточно долгое время, чтобы ты увидела, что заслуживаешь лучшего, чем ублюдок, который заставляет тебя чувствовать себя хуже собачьего дерьма, которое он задел подошвой ботинка.

Слишком много информации для осмысления. Мои глаза горели от попыток сдержать слёзы, но слова Эштона громко звучали в моей голове, и каждое из них резало глубже, чем предыдущее. Может, он прав? Больно осознавать, что Доминик был готов оставить меня с посторонним человеком, не волнуясь, что мне придётся спать с другим мужчиной. Горячие слёзы опалили щёки, плечи задрожали.

— Пожалуйста, не плачь. Я не хочу видеть тебя расстроенной, но ты заслуживаешь увидеть, как должен относиться настоящий мужчина к женщине, — он протянул ладонь и накрыл мою руку своей. — Давай я помогу тебе.

Он протянул мне салфетку, чтобы вытереть слёзы, и я стерла их, отчаянно пытаюсь взять себя в руки. В его словах не могло быть правды.

— Мой муж любит меня.

Эштон покачал головой.

— Если бы твой муж любил тебя, тебя бы тут не было. Ты бы завтракала с ним дома. Можно я спрошу, когда в последний раз Доминик делал что-нибудь для тебя?

— Он заботится обо мне, работает, чтобы платить за аренду.

— Хрен не заботился о тебе ни дня в своей жизни. Но я спросил не об этом.

Его взгляд нервировал, будто он мог заглянуть в самую глубь моей души.

— Он женился и остаётся со мной, в то время как никто другой не захотел бы меня, — я указала рукой на себя, имея в виду очевидное.

— Этот человек полностью промыл тебе мозги, — мужчина откинулся на спинку стула и указал на мою тарелку. — Позавтракай, а потом я покажу, что собираюсь сделать для тебя.

Мой желудок скрутило от мысли положить что-то в рот, но я бы не послушалась Эштона из-за риска, что моё поведение станет причиной боли Доминика. Схватив вилку, я ела блины, пока не набила ими желудок до отказа. Эштон закончил свой завтрак, встал из-за стола и протянул руку.

— Пойдём. Я хочу показать тебе, как мужья должны относиться к своим жёнам.

— Вы не должны брать меня куда-либо. Уверена, вам надо работать. Подождите... вы пойдёте на работу? — моё лицо горело. *Я только что спросила ростовщика, есть ли у него работа.*

Он засмеялся.

— Да, я работаю, и нет, это не взыскания долгов для моего отца. У меня три различных ресторана в центре города, но сегодня я взял себе выходной, чтобы помочь тебе устроиться. В отчёты я могу заглянуть и завтра.

— Не беспокойтесь обо мне. Я могу не высовываться из комнаты. Я не буду мешаться под ногами. Мне просто нужно сделать один быстрый телефонный звонок, и я исчезну. Я оставила свой телефон в квартире, если вы не против, могу я воспользоваться одним из ваших?

— Ты можешь использовать мой телефон, но это именно то, о чём я говорю. Это твой дом на следующие три месяца. Тебе не нужно оставаться в комнате или скрываться от меня.

— Не нужно? Я думала, вы хотите убрать меня со своего пути как можно быстрее?

— Нет. Я хочу, чтобы ты приятно провела время и поняла, что такое другая жизнь. Теперь давай найдём тебе телефон.

Он протянул руку, и я взялась за неё, молча следуя по коридору в его кабинет.

— Подумал, что тебе нужно будет личное пространство. Я буду в гостинной, когда ты закончишь.

— Спасибо.

Дверь за ним закрылась, и, сняв трубку, я набрала номер Гретхен.

— Алло? — ответила она, её голос звучал неуверенно.

— Гретхен? Это я.

— Боже мой. — Её крик был настолько громким, что мне пришлось убрать трубку от уха. — Елена, ты в порядке? Они сказали, что ты уволилась. Никто не смог сказать мне что-либо. Я не знала, как тебя найти.

Её печаль съедала меня, и я чувствовала слёзы на лице.

— О, Гретхен, я помогаю Доминику погасить его долг.

— Что эта сволочь сделала на этот раз?

Рассказать ей значит навлечь ещё больше проблем, и всё может оказаться ещё хуже. Я не могла позволить ей вмешиваться, но она была моим другом и заслуживала правды.

— Он должен большую сумму денег и заключил сделку с ростовщиком.

— И что за сделка? — по тону её голоса я могла сказать, что она

хмурила брови.

— Я... эм... Я должна оставаться с ростовщиком в течение трёх месяцев, — я выпалила эти слова.

— Блядь, ты шутишь? — закричала она. — Хватит. Я звоню в полицию.

— Нет! — запаниковала я. — Пожалуйста, Гретхен, я должна сделать это.

— Итак, он торгует тобой, делает *непристойные предложения*, и ты считаешь, что всё в порядке?

— Это не то, чем кажется. Эштон не ждёт, что я буду спать с ним. И если я не останусь, он сделает ужасные вещи с Домиником.

— Мудак этого заслуживает, — пробормотала она.

— Пожалуйста, Гретхен, ты должна пообещать мне, что ничего не скажешь. Если ты мне друг, ты сделаешь это для меня.

— Это бесит меня, — она сделала паузу. — Я никому ничего не скажу, пока ты не сообщишь мне, что этот парень пытается навредить тебе. В любом случае звони, и я приду за тобой.

— Я обещаю. Спасибо. Слушай, я должна идти. Эштон хочет что-то мне показать. Я перезвоню тебе позже.

— Пока, Елена. Я надеюсь ты знаешь, что делаешь.

— Знаю.

— Будь осторожна.

Вызов завершён. Я всё ещё сжимала трубку, пытаюсь сдержать слёзы, когда раздался лёгкий стук в дверь.

— Елена, всё в порядке? — спросил Эштон.

Надев маску храбрости, я встала и открыла дверь.

— Я в порядке.

— Хорошо, — сказал он мягко. — Теперь пойдём. У меня есть для тебя сюрприз.

Я не решилась сказать что-то ещё. В последний раз, когда меня что-то удивило, я в конечном итоге оказалась связана с незнакомцем на следующие три месяца. Мне было достаточно *сюрпризов* до конца

моей жизни. Но, казалось, что у меня не было вариантов.

Эштон провёл нас через весь дом, и мы остановились у двери.

Гараж.

Он схватил связку ключей с крючка и открыл для меня пассажирскую дверь спортивного автомобиля. Забравшись, я стала ждать.

Эштон сдал назад из гаража и выехал по подъездной дорожке. Я так нервничала, что у меня дрожали руки, и стараясь скрыть это, я вцепилась пальцами в мягкую, эластичную кожу сиденья.

— Что это за автомобиль?

Эштон искоса взглянул на меня.

— Это Aston Martin DB9.

— Он прекрасен.

— Спасибо.

Я вцепилась руками в колени.

— Куда мы едем?

Он ухмыльнулся.

— Ты не любишь сюрпризы?

— Точно нет после последнего раза. Я думала, что Доминик пригласил меня на ужин. Он сказал мне собрать сумку. Последнее время от него не было замечаний. Я была уверена, что он награждает меня. И я никогда не ожидала, что окажусь продана за его долг.

Я не могла поверить, что только что всё рассказала незнакомцу, человеку, которого встретила только вчера. Доминику не нравилось, когда я разговаривала с другими людьми, поэтому я чувствовала себя некомфортно рядом с ними, особенно в такой непосредственной близости. Тем не менее, по какой-то причине я обнаружила, что было легко открыться Эштону.

— Прости, я не думал об этом в таком ключе. Мы едем в SPA-салон. Я понял, что тебя никогда не баловали.

— День в SPA? Вы не должны делать этого. Мы уже достаточно должны вам денег.

— Я скажу это снова, Елена, — его голос был твёрд. — Только твой *муж* должен мне денег, не ты. Кроме того, я делаю это для тебя. Ты упаковала много вещей в свою сумку?

Я посмотрела в окно, смущённая и не готовая к этому.

— Только то, что на мне, плюс вчерашнее платье.

— Как я и думал.

— Да, мне понадобится стиральная машинка сегодня вечером, после того как вы ляжете спать. Могу я использовать её?

— Нет.

Широко распахнув глаз, я повернулась к нему лицом.

— Что это значит? Что я буду носить?

— У меня есть персональный ассистент, и она встретит тебя в спа. Она снимет с тебя мерки и пришлёт одежду для примерки домой.

— Эштон, пожалуйста, вы не можете продолжать тратить деньги. Я не способна вернуть их вам.

— Я не ожидаю, что ты вернёшь деньги. Эти вещи для тебя, и ничего общего с долгом Доминика.

Машина остановилась перед зданием, которое выглядело как жилое, высокие колонны по обе стороны от деревянной двери придавали ему грандиозность. Прочитав вывеску на латунной доске слева от двери, я поняла, куда Эштон привёз меня. Я читала об этом месте в журналах в закусочной. Здесь были замечены знаменитости. Это было одно из самых дорогих мест в городе.

— Сюда? — в моём голосе слышался скептицизм. Это было слишком.

— Да, сюда. Пошли, я зайду с тобой.

На ватных ногах я вышла из машины и последовала за Эштоном внутрь. От моих шагов по мраморному полу фойе раздавался характерный звук, на стенах висели фотографии моделей с различными причёсками. За стойкой стояла женщина со свободно распущенными волосами, одетая в жёлто-коричневый деловой костюм. Мягкая музыка наполняла пространство.

— Здравствуйте, мы по записи для Елены.

— Позвольте мне проверить, — сказала администратор. — Ах, да, вот здесь. Полный курс?

— Правильно.

Я заметила, как глаза девушки останавливались на Эштоне каждый раз, когда она думала, что он не смотрит. Учитывая его аккуратно уложенные светлые волосы и зелёные глаза, скрытые за стёклами очков, было нетрудно понять, почему она смотрела. Эштон был абсолютно великолепен. Подождите.

— Что значит полный курс?

Эштон улыбнулся мне.

— Это означает процедуры. Сегодня ты получишь их все.

— Все? — я знала, что просто повторяла его слова, но мне нужно было убедиться, что я не ослышалась.

— Да. Теперь пообещай мне кое-что.

— Что?

Трудно было не улыбнуться в ответ, когда он был таким милым. Прошлой ночью этот мужчина напугал меня, когда сделал больно другому человеку, Эштон мог использовать меня, сделав то, что хотел, и выбросить, но он этого не сделал. Вместо этого, он поселил меня в красивую комнату, сказал лечь в кровать и немного поспать, и теперь отравляет меня баловать себя весь день.

— Пообещай мне, что не будешь беспокоиться о какой-либо ерунде, связанной с Домиником. Расслабься и наслаждайся.

— Постараюсь, — я повернулась к администратору. — Хорошо, я готова.

Моё сердце бешено колотилось, но было трудно перестать улыбаться.

— Отлично, — сказала она, светясь от бодрости. — Меня зовут Лиза, и я покажу вам всё перед вашей первой процедурой.

Эштон наклонился к моему уху.

— Льюис будет здесь, чтобы забрать тебя. И запомни: расслабься.

Я кивнула и сжала вместе руки, чтобы унять дрожь.

— Спасибо. Увидимся.

Следуя за Лизой к двери, я начала свой первый день со SPA. Зачем Эштон всё это устроил? Он хочет, чтобы я переспала с ним? Нет, это глупо. Я пыталась прошлой ночью, но он отверг меня. Должна быть причина, почему он привёз меня сюда, но пока я её не выяснила, меня будут здесь баловать.

Можно насладиться этим.

Глава 5.

Эштон

Увидев выражение лица Елены, я удостоверился, что вчера ночью поступил правильно. В той череде вещей Елена не могла увидеть чего стоит, но я намерен изменить всё. Но это должно происходить медленно. Её низкая самооценка, безусловно, укоренялась благодаря её мужу на протяжении многих лет. Понадобится время, чтобы изменить то, какой она видит себя со стороны. Мне нужно было делать это не спеша.

Направляясь к лифту, я заметил в фойе группу людей, идущих по своей жизни и не обращающих внимания ни на что, кроме самих себя. Двери открылись, и я вошёл внутрь, нажав на кнопку пентхауса, но двери не закрывались. Через секунду я вспомнил. Ключ. Каждый раз я забывал об этой чёртовой штуке. Я вытащил ключ-карту из портмоне, провёл по слоту, и двери закрылись. Лифт быстро стал подниматься на верхний этаж.

Я плотно сжал челюсть, но он прочитал это.

— Объяснишь позже, да?

— О, дела идут не очень хорошо?

Он открыл рот, затем быстро закрыл. Мой брат был одним из немногих людей, которые знали меня достаточно хорошо, чтобы понять — моё молчание означало, что случилось какое-то серьёзное дерьмо. Но будучи таким умным, каким он был, он также знал, когда надо оставить меня в покое.

Когда я остановился около камердинера у дома моих родителей, я увидел, как мой брат садится в свою машину.

— Миллер, — я позвал его прежде, чем он захлопнул дверь.

Перво-наперво я должен был заехать к отцу и рассказать ему, что произошло. Рано или поздно он будет ожидать денег. Я решил объяснить ему своё решение глаза в глаза.

Поездка к его дому дала мне возможность спланировать, что сказать. Я предпочитал жить за пределами городского хаоса, но папе нравилось обитать прямо в его сердце. Чертовски тупо, если спросите

меня. Со всеми политическими связями, к которым отец приложил руку, окружающие правоохранительные органы так и искали возможность обеспечить неприятности.

До тех пор, пока папу не посадят, полиция будет на чеку. Для общества он был не более, чем местным бизнесменом, но в этом и был мой замысел. Он был умён. Независимо от своих подозрений, копы могли завтра вломиться в любой из его четырёх автосалонов, потребовать показать отчётные документы и ничего не найти. Ему помогало то, что в команде у него был бухгалтер-криминалист. Устав работать на правительство, он помогал скрывать все погрешности, утаивая их от любопытных глаз. Мой отец платил ему в три раза больше, чтобы каждая сделка выглядела чисто.

Мой брат, Миллер, не был настолько незаметным. Ставки на спорт скрывать труднее. У него было несколько стычек с полицией, но к счастью для него, умеем было несколько политиков, благодаря которым любые потенциальные проблемы исчезали. Миллер стал умнее после одного такого случая. Он ушёл в подполье на некоторое время, а вернувшись, создал систему, благодаря которой задняя комната бара больше не используется для приёма ставок. В последнее время он также помогал отцу в одном из дилерских центров. Я не мог отрицать, что бизнес был красивым прикрытием. Он был не настолько уж плохим.

Однажды я надеялся выйти из отцовского бизнеса, но мне не удалось бы достигнуть того, что у меня есть, без него. Взрослея, я хотел быть шеф-поваром в собственном ресторане, но реальность постучалась в дверь скоро после окончания кулинарной школы. Отец был настойчив в передаче бизнеса мне. Он обещал, что мне не придётся иметь дела с людьми, которые не платят — он оберегал меня от этого, — мне просто надо было собирать платежи. В итоге вышло так, что несколько людей отца присоединились ко мне, и то, что должно было стать моим сторонним делом, стало моей ответственностью — моей *работой*. Я взялся за это не с лёгким сердцем, но отец помог в осуществлении моей мечты, дав деньги для покупки ресторана. Я использовал прибыль от первого, чтобы купить два следующих. Моя мечта стала реальностью, но с условиями.

После того, как он заплатил за ресторан и кулинарную школу, я чувствовал себя обязанным. Я надеялся, что когда-нибудь это изменится. Но когда-нибудь — не сейчас.

— Эштон, привет, — он вышел из машины и похлопал меня по спине. — Что ты делаешь здесь?

— Просто бизнес.

Мы оба знали, о чём нельзя говорить в открытую. Это помогало нам спасать задницы от тюрьмы.

— Всё в порядке. Ты же знаешь, что бы это ни было, я помогу.

— Я знаю.

— Только позвони.

— Позвоню. Позже.

Двери распахнулись, открывая парадную дверь моих родителей, и я вошёл без стука.

— Мам? Пап?

Мама вышла из кухни в фартуке, в муке и с фирменной улыбкой.

— Эштон, что ты здесь делаешь?

Я наклонился и поцеловал её в щёку, когда она обняла меня.

— Мне надо поговорить с папой.

Она отступила назад и упёрла руки в бёдра.

— Хоть бы раз приехал просто, чтобы увидеть меня. Дай угадаю — *бизнес*.

Я засмеялся. Как бы много она не ворчала, мама знала, как всё работает. В конце концов, это был бизнес отца, который позволял ей жить так, как она любит. Тем не менее, это не означало, что она любила говорить об этом.

— Да, бизнес, но мне нужно поговорить и с тобой. Просто сперва надо поговорить с папой.

Она просияла.

— Я смогу с этим смириться. Буду на кухне, когда ты закончишь.

— Спасибо, мам.

Несмотря на то, что у неё были возможности нанять службу, моя мама предпочитала сама всё готовить. Она отказалась нанимать кого-то для работы на её кухне. Когда я вырос, она научила меня готовить

различные блюда, и была тем, кто вдохновил меня пойти в кулинарную школу. Вот почему я должен был поговорить с отцом в первую очередь. Я знал, что в конце буду помогать ей там, как минимум час, перед отъездом.

Дверь кабинета была открыта, но я всё равно постучал прежде, чем войти. Большую часть времени я не желал знать, с чем имеет дело мой отец, ведь чем меньше я знаю, тем лучше.

— Пап?

— Эштон. Заходи, — он закрыл папку и оперся руками на стол.
— Как дела?

Обычно я бы закрыл дверь, но мама всё равно узнает обо всём произошедшем, так что в этом было малою смысла.

— У нас проблема.

Его глаза сузились.

— Неуплата? Ты знаешь, как с этим разобраться, — он отмахнулся от меня и открыл папку, закончив разговор.

— Больше, чем это, — я сел и стал ждать, пока он обратит внимание.

Папа поднял голову.

— Иисус Христос, Эштон. Чёрт возьми, разберись с этим. У меня своего дерьма полно.

Иногда шокировать моего отца было единственным способом привлечь его внимание.

— Доминик Толли не смог собрать наличные. Предложил продать свою жену, чтобы покрыть долг.

Отец резко вскинул голову.

— Что ты, блядь, только что сказал?

— Ублюдок предложил мне свою жену на три месяца, и дал понять, что она готова трахаться со мной каждую ночь, чтобы погасить его долг.

Папа резко поднялся с места, и с силой ударил руками по столу, заставляя ручку подпрыгнуть и скатиться на пол. Он не стал её поднимать.

— Ублюдок! Я надеюсь, что Брок у тебя для того, чтобы отправить его задницу домой и позаботиться о нём.

— Нет.

Мышцы на его шее напряглись, синие вены выступили под кожей, словно реки на карте.

— Ты отправил её домой с ним, не так ли? — я вперился взглядом в ботинки, и он зарычал. — Скажи мне, что ты этого не сделал, Эштон. Скажи мне, что не взял девчонку вместо оплаты. — Я поднял подбородок, и он понял мой ответ. — Иисус, блядь.

— Я заключил с ним сделку, — сказал я. — Я забираю Елену на три месяца, и он платит половину того, что должен.

— Половину? Ты сумасшедший? У неё золотая киска или что? У неё должна быть... Должны быть веские основания для этого... *маразма.*

Сказав это, отец обогнул стол и схватил меня за рубашку, вплотную приблизив к себе. Его лицо оказалось в миллиметрах от моего, пока он кричал от недовольства. Мои кулаки были прижаты по бокам. Со своим ростом в сто восемьдесят четыре сантиметра я был крупным парнем, но папа даже был большим ублюдком, чем я. Он мог уложить меня, не вспотев. Тем не менее, мой голос был твёрдым, когда я посмотрел ему прямо в глаза и ответил:

— Он плохо обращается с ней, пап, — громкость голоса слегка снизилась, когда я продолжил: — Я не знаю, насколько плохо всё было, но она даже боится посмотреть мне в глаза, когда я, блядь, разговариваю с ней. Не может принять решение самостоятельно. Клянусь Богом, она подпрыгнула на шесть чёртовых футов, когда я дотронулся до её руки. У меня не было мысли прикоснуться к ней, но я не мог позволить ей уйти с ним. Если бы я застрелил его и позволил Броку избить его, представь, что бы это означало для неё. — Я сделал паузу, прежде чем спокойно продолжить: — Ты лучше всех *знаешь*, что это означало бы.

Понимание заскользило по его чертам, и он опустил меня на землю, освобождая рубашку, разглаживая мятый материал.

— Она останется с тобой?

— Да, — за долю секунды я решил поделиться с ним планом. — У меня только три месяца, чтобы исправить то, что он сломал. Это

будет трудно, но будь я проклят, если не попробую.

Отец прислонился к своему столу, его тяжёлый вздох пронзил тишину комнаты.

— Я не понимаю, почему ты не убил этого ублюдка.

— Поверь мне, я думал об этом, но ты знаешь, что это не принесёт пользы. Так же как тётя Вероника, она окажется с другим лузером, который будет запугивать её. Я могу разорвать порочный круг. Покажу ей, что она достаточно сильна, чтобы оставить его по своему желанию. Мне нужны эти следующие три месяца, — я сделал паузу. — Вот *тогда* я отправлю Брока к нему.

Папа кивнул.

— Интересный план. В принципе, три месяца — не долгий срок. Ведь понадобился, по крайней мере, год, чтобы исправить то, как членосос сломал Ронни.

Откинувшись в кресле, я закинул лодыжку на колено, озвучивая мысли:

— Я начну с простых вещей, например, покажу ей как делать собственный выбор. Она не могла даже выбрать блюдо в меню на матче прошлой ночью. А сегодня я отправил её в SPA.

Он кивнул.

— Имеет смысл. Покажи ей, как с ней должны обращаться, — пробормотал отец себе под нос.

— Именно. Я надеюсь, мама сможет приготовить большой ужин на следующей неделе, и пригласить тётю Веронику. Думаю, их разговор с Еленой может быть полезным.

— Кажется отличной идеей, — он похлопал меня по плечу. Затем понизив голос, продолжил: — Я горжусь тем, как ты поступил в этой ситуации. Знаю, что ты не всегда согласен с тем, что мы делаем, но ни одна женщина не должна иметь дело с такими мужчинами.

— Нет, она не должна. Это сделает нас ненамного беднее, но я думаю, оно того стоит.

— Да. Но половина лучше, чем ничего. Я позвоню Ронни сегодня вечером после твоего разговора с мамой.

— Спасибо, отец, — я встал. — Уже пойду. Знаю, что, в конце

концов, проведу время за готовкой прежде, чем уеду.

— Скорее всего, — он засмеялся и махнул мне рукой, возвращаясь к работе, которой занимался до моего прихода. Это было правило моего отца: если у тебя проблема — расскажи.

Происходящее может быть накалённым до предела, но всё устаканится, а затем все про это забудут. Некоторые могут не согласиться с таким подходом, но у нас он работал.

Вернувшись на кухню, я обнаружил маму, взбивающую яйца венчиком.

— Эй, мам.

В отличие от многих женщин, участвующих в нашей жизни, мама знала аспекты бизнеса моего отца. Она не хотела оставаться безучастной, но у неё были правила — правила которым отец повиновался беспрекословно. Он любил её слишком сильно, чтобы рискнуть отпустить. Бизнес отца никогда не пускался в этот дом. Безусловно, мы говорили о нём, но только в кабинете. Ни один человек, работающий на отца, не подпускался к дому близко. Мама хотела такую нормальную жизнь, насколько это возможно. Ещё одно правило: ни Миллер, ни я ничего не делаем в бизнесе, пока не закончим колледж. И напоследок, самое главное, если когда-нибудь под кого-то из нас начнут копать, работа отца — устранить проблемы, даже если это будет означать взять вину на себя. Её сыновья никогда не окажутся в тюрьме из-за бизнеса, согласно правилам мамы.

— Закончил с папой?

Я наблюдал, как она быстро двигает запястьем, вспенивая яйца в чашке, и в то время как она закрыла дверцу шкафа бедром, её взгляд не отрывался от меня. Я сделал паузу, прежде чем ответить.

— Да, но это вовлекает и тебя.

— Рассказывай.

Не только мой отец был прямолинейным.

— Ну, это касается моего клиента, который плохо обращается с женой.

Она перестала взбивать, её глаза загорелись, а губы сжались.

— Ты получишь всё, что тебе нужно.

Забавно, как различалась реакция родителей. К тому же, я рассказал маме только часть истории. Ей не нужны были все детали, и я знал, что на самом деле она не хотела их знать.

— Она останется со мной в течении следующих трёх месяцев. Я хочу помочь ей, мама. Я хочу показать ей, каким долбо...

— Ты не посмеешь закончить предложение, Эштон Джозеф.

В тридцать два я всё ещё получаю выговор за мат. Какого чёрта? Я закатил глаза и продолжил:

— Во всяком случае, я надеюсь, что мы могли бы устроить здесь большой ужин с тётей Вероникой. Может быть, они могли бы посидеть и поговорить, и это могло бы помочь Елене увидеть свет?

— Я думаю, что это замечательная идея. Как насчёт следующей субботы? Дай ей время освоиться здесь.

— Это отлично, мама. Спасибо.

Она улыбнулась, и улыбка осветила всё её лицо. Может, ей и было пятьдесят семь, и я был её сыном, но я не мог отрицать, что моя мама была красивой женщиной, особенно, когда улыбалась.

— Пожалуйста. Теперь помоги мне. Отмерь шесть чашек муки в миксер.

— Ты же знаешь, что лучше получится, если просеять её.

Она указала на венчик.

— Моя кухня, мои правила. Насыпай.

Я сделал, как она сказала, смеясь про себя, пока высыпал муку в миску для миксера. Мой отец — один из самых могущественных людей в городе в отмывании денег, но не было никаких сомнений, кто был ответственным за домашнее хозяйство. Я даже видел, как отец прикрывал голову, когда мама злилась.

В течение следующих двух часов я помогал ей с готовкой. Это успокаивало. Когда я посмотрел на часы, лицо было всё в муке, и я понял, что Елена скоро вернётся. Я хотел быть там, когда Льюис привезёт её. Так же мне надо было забрать некоторые документы, подготовленные для своих ресторанов.

Я попрощался с мамой и поехал в офис. Поговорил с каждым из менеджеров в ресторане и собрал документы, прежде чем

отправиться домой и ждать.

Поглощённый суммами прибыли за прошлый месяц, я не услышал тихий стук в дверь. Зная, каким сосредоточенным я становился, когда дело касалось финансов, я оставил её открытой и, подняв глаза, проглотил язык.

С того момента, как увидел её, я знал, что Елена красива, но та женщина, которая стояла передо мной, была богиней. Её волосы падали шёлковыми волнами вокруг лица. Макияж был лёгким, прекрасным, потому что она не нуждалась в нём. На устах была робкая улыбка, которая говорила мне, что она была счастлива, что в свою очередь делало счастливым меня. Добавьте к этому тот факт, что каждый изгиб её тела подчёркивало короткое зелёное платье, и не было ничего удивительного, что мой член в считанные секунды потребовал, чтоб его освободили из джинсов.

Открыл и закрыл рот несколько раз, прежде чем мне наконец-то удалось произнести:

— Святое дерьмо, Елена. Ты выглядишь фантастически.

Глава 6.

Елена

Его широко распахнутые глаза и открытый рот были зрелищем, которое я никогда не видела по отношению к себе. Доминик смотрел на меня так до того, как мы поженились, и прежде, чем он понял, что надо мной нужно работать и помогать стать хорошей женой. Глаза Эштона были полны честности, восхищения, и, если я не ошибаюсь, *похоти*.

Я выбросила эту мысль из головы. Нет ни единого шанса, что мужчина, особенно такой, как Эштон, мог думать о том, что на меня можно посмотреть повторн Я уже молчу о выражении его лица, которое говорит «так бы и съел тебя». Я внимательно наблюдала за тем, как он обошёл стол, пересёк комнату и остановился передо мной. Внезапно я почувствовала себя маленькой Красной Шапочкой, преследуемой большим плохим Волком. Мой взгляд упёрся в пол.

— Посмотри на меня, Елена.

Я посмотрела на него, ожидая выговора. Мне не следовало идти в SPA, я должна была приготовить ужин.

Чёрт побери, Елена.

Но с тем позором, который я чувствовала, я бы солгала себе, если бы не призналась, что полностью наслаждалась своим днём. Я не могла вспомнить, когда в последний раз кто-то подстригал мне волосы, не говоря уже о покраске. Доминик считал, что это пустая трата денег. Легкомыслие — вот как он называл это. Туда же можно добавить массаж, маникюр, педикюр и личного помощника по покупкам. Я вздохнула от воспоминаний, зная, что это был один из лучших дней в моей жизни.

— Почему ты всегда смотришь в пол?

Моё внимание вернулось к Эштону, и я ответила:

— Я боюсь, что вы станете кричать на меня.

— За что кричать?

— Я не знаю. За то, что потратила день вместо уборки и приготовления обеда и ужина для вас, — моё сердце бешено

колотилось, как у отстёганной лошади, и я начала заламывать руки.

Не пытаясь меня ударить, Эштон сжал мои пальцы и развёл руки, крепко удерживая в своих.

— Я говорил ранее, что не жду от тебя заботы обо мне. Так или иначе, я собираюсь каким-либо образом объяснить тебе, насколько ошибочно ты мыслишь. Теперь скажи, ты насладились своим времяпрепровождением?

— Да, спасибо, — стремление отвести взгляд почти взяло верх, но я поборола его. Сделать то, что сказал Эштон, было моей целью.

— Что понравилось тебе больше всего?

Что будет, если я отвечу неправильно? Мои руки начали потеть, когда я осознала, что он всё ещё держит их. Не было ни единого шанса, что он не заметит этого.

— Мне очень понравился шопинг.

Он улыбнулся и отпустил одну руку, а вторую поднял над головой, заставляя меня кружиться на месте.

— Вижу. Это платье смотрится на тебе фантастически.

Возможно ли, что желание, которое я заметила в его глазах, касалось меня? Спустя лишь день вдали от дома мой мир перевернулся, и теперь я не понимала, где север, а где юг. Мои руки задрожали. Я была далека от своей зоны комфорта и не знала с чего начать. Он был мужчиной, как и Доминик, но их мысли были противоположны, словно полюса.

Кто из них был прав?

Словно почувствовав мою возросшую нервозность, Эштон сменил тему.

— Я хочу показать тебе дом, но мне нужно ещё минут десять, чтобы закончить бумажную работу.

— Всё хорошо. Я могу подняться в комнату, — потянула руки, но он всё ещё не отпускал меня.

— Ты собираешься спрятаться, или есть другая причина?

Его тон, в сочетании с углом подбородка и оценивающими взглядом, ясно дал понять, что он не отпустит меня, если ответ ему не

понравится, но на этот раз он не испугал меня. Я не могу объяснить разницу, но ответила честно.

— Я хочу развесить новую одежду и переодеться к ужину.

Он сделал шаг вперёд и поднёс мою руку ко рту, касаясь кожи одними губами.

— *Твою* новую одежду, Елена, и я думаю это прекрасная идея. Но не переодевайся. Ты прекрасно выглядишь в этом платье.

Жар опалил лицо, я кивнула и отняла руку, как только он отпустил меня, поспешив к двери. В безопасности своей комнаты я сделала несколько глубоких вдохов. Ни один человек не производил на моё тело такой эффект. Каждая частичка меня чувствовала пламя, разгорающееся внизу на кончике каждого нерва в моём теле. Потом я вспомнила, что именно привело меня сюда. Доминик был моим мужем. Я любила его. Клялась любить и оберегать его, пока смерть не разлучит нас, и я сделаю это. Так почему, хоть всего и на мгновение, мне показалось, что всё с ним было ошибкой?

Стук в дверь прервал мои мысли, петли заскрипели, когда она медленно открылась. Эштон стоял в дверном проёме, и, прислонившись к косяку, смотрел на пакеты у изножья кровати. Я не успела убрать их подальше. Моё лицо покраснело.

— Готова к турне?

Я кивнула, не уверенная, что мой язык меня послушается. Когда я была рядом с ним, моё сердце бешено билось, а дыхание сбивалось.

— Тогда вперёд.

Оказалось, что дом был даже больше, чем я себе представляла. Все спальни были на втором этаже, и в каждой имелась собственная ванная. На первом этаже было всё от бильярда до игровой комнаты, от маленькой библиотеки до кухни, размер которой был больше чем вся моя квартира. Мысли о том, как провести дни, заполнили мою голову прежде, чем я успела избавиться от них, как делала обычно.

— Ваш дом прекрасен.

Эштон улыбнулся.

— Спасибо. В течение следующих трёх месяцев это и твой дом. Ты можешь использовать любую комнату. Тебе не нужно проводить всё свободное время, прячась наверху в спальне, — он подмигнул, и я

почувствовала трепет глубоко в желудке. Я, может, соврала, сказав, что сделаю это, но это не поможет Доминику. И опять же, он попросту *отдал* меня.

— Я постараюсь, но на самом деле не знаю, чем занять себя, кроме приготовления пищи и уборки.

— Я уверен ты найдёшь занятие, — он положил руку мне на спину и проводил на кухню и в столовую. Прикосновение было интимным и незнакомым, но он не оставил место для вопросов.

— Давай поужинаем.

Вина за неучастие в приготовлении ужина подавляла меня, но я молчала. Мой желудок сжался в ожидании разрешения. Эштон уже предельно ясно объяснил, что мне не нужно готовить для него, и я решила не рисковать и не расстраивать его старыми привычками. Когда мы дошли до столовой, я увидела, что стол заставлен пищей. Эштон подвёл меня к стулу и выдвинул его для меня. Опять же, я не привыкла к такому. Доминик обычно садился и начинал есть.

— Что будешь пить?

— Я буду то же, что и вы.

Мой ответ был незамедлительным. Инстинктивным. Он шагнул к моему стулу и пальцами приподнял подбородок, заставляя смотреть на него.

— Начиная с этого момента, ты должна принимать свои собственные решения.

Мои глаза закрылись, и голос задрожал.

— Я не уверена, что знаю, как это делать. Разве вы не можете просто решить? Доминик всегда решал за меня.

— Это и есть частью проблемы. Я собираюсь научить тебя делать собственный выбор.

Его прямой ответ дал мне мужество уточнить:

— Почему неправильно то, что Доминик помогает принимать решения? Он учит меня, как быть хорошей женой.

Повисла небольшая пауза, прежде чем Эштон ответил, но когда он заговорил, я отметила тон его голоса, который различала слишком хорошо. Недовольство.

— Это второй раз, когда я слышу это от тебя. Он не *учит* тебя, Елена, он *контролирует* тебя — это большая разница. Пока контроль у него, ты остаёшься с ним, и неважно, как плохо он относится к тебе.

— Он неплохо относится ко мне, — прошептала я, потому что многое из сказанного Эштоном имело смысл, создавая в свою очередь множество вопросов, для обдумывания которых у меня тогда не было времени.

— Да неужели? Сколько раз ты плакала из-за того, что он сказал или сделал перед вашим расставанием?

Я сидела, оглушённая тишиной. Доминик заставлял меня плакать по крайней мере три раза в день — большую часть дней даже чаще. На самом деле, я не любила плакать или слушать его оскорбления, но знала, что это будет происходить и дальше, пока я не исправлюсь. Я моргнула и подняла глаза на Эштона, не будучи уверенной, что мне ответить.

— Я думаю, ты только что ответила на мой вопрос. Теперь я спрошу снова, что бы ты хотела выпить?

Я знала, что Эштон не отстанет от меня, пока я не приму решение, поэтому тихо спросила:

— Можно мне бокал красного вина?

Было приятно выбрать что-то самой, особенно когда меня не упрекнули в неправильности выбора.

— Это я могу, — он улыбнулся и подошёл к столику для закусок со стаканами и различными бутылками, и налив два бокала, принёс один мне, после взял свой и сел на стул прямо напротив меня. Мы передавали блюда друг другу, наполняя наши тарелки. Всё выглядело так аппетитно.

— Всё такое замечательное, — сказала я, разворачивая салфетку на коленях.

— Спасибо. Это приготовила Джулия.

— Джулия?

Он улыбнулся.

— Моя экономка. По большей части я сам готовлю для себя вечерами, но иногда, если занят, это делает она. И сегодня я хотел,

чтобы вместо готовки у меня было время поговорить.

— Поговорить о чём?

— О чём захочешь.

Эштон передал поднос с курицей. Взяв кусочек, я закончила заполнять тарелку. Комната погрузилась в тишину, я чувствовала знакомый прилив смущения, прежде чем признаться:

— Мы с Домиником никогда не разговаривали.

— Дай угадаю. Он не хочет делать ничего, кроме как поесть, а после заняться чем-то ещё.

Я вздрогнула, когда он сказал «чем-то ещё». Моя сексуальная жизнь — не то, о чём я хотела бы говорить. Возможно, он не её имел в виду, но мои мысли были направлены в эту сторону. С каждым мгновением взгляд Эштона становился более пристальным, глаза темнели, распались. Под его наблюдательным взглядом в животе нарастало странное ощущение. Оно было нежелательным — как раз наоборот, напоминало признание, что его взгляд оказывает на меня физический эффект.

Меня захлестнул стыд. Эштон, должно быть, заметил, так как выражение его лица смягчилось. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но я опередила его.

— Обычно шла игра, которую он хотел посмотреть. Поэтому он всегда ел быстро, чтобы не пропустить её.

— Ты смотрела игры с ним?

— Нет, я должна была убрать всё после ужина, постирать, и приготовить ему обед.

— Так ты была его рабыней.

Я ахнула.

— Нет! Он мой муж, это моя работа — заботиться о нём.

Его брови сдвинулись.

— Но ты работала в закусочной, не так ли?

— Ну, да. Я должна была помогать оплачивать счета.

— Да, он точно тратил свою зарплату на оплату счетов, поэтому он и занял деньги у меня в первую очередь. Господи, Елена, сейчас не

1950-тые. У тебя есть работа вне дома. Это также не *работа* — заботиться о нём. Что он делает для тебя — это плохое обращение.

— Доминик никогда не поднимал руку на меня, — с презрением ответила я.

— Возможно, он не бил тебя, но чтобы обидеть кого-то, не всегда нужны кулаки.

Комментарий Эштона повис в воздухе, и парень откусил от курицы. Мы ели в тишине, холодная атмосфера резко контрастировала с более ранней лёгкой беседой, и всё это время я сидела и переваривала его слова. Голос в моей голове, который я не слышала долгое время, кричал мне, что Эштон прав. То, что Доминик делал и продолжал делать по отношению ко мне, не имело ничего общего с любовью. Это было искажено и ошибочно.

Этот голос был тих на протяжении нескольких лет. Когда мы только поженились, я хотела порадовать моего нового мужа, так что было легко отодвинуть эти мысли в сторону; убедить себя в том, что я довольна своей ролью. Мне нужно было быть хорошей женой, а я не могла сделать этого, если бы позволила голосу осуждать меня. Но сейчас голос вернулся, и из-за того, что Эштон озвучивал мысли, которые я с таким усилием избегала, становилось всё труднее и труднее игнорировать его.

— Елена?

Я подняла глаза. Эштон закончил с едой, но всё, что делала я, это гоняла еду по тарелке. Он поставил бокал и откинулся на спинку.

— Хочешь поговорить об этом?

Это ощущалась неправильно, словно разговаривая с Эштоном, я предавала Доминика, так что я продолжила ковырять еду, на этот раз заставив себя съесть немного. Уголком глаза я заметила, что Эштон ждёт. Что-то подсказывало мне, что он не опустит эту тему. Можно ли считать это предательством, если именно из-за Доминика я оказалась в этой ситуации?

— Почему бы тебе сначала не доесть и не допить. Потом поговорим.

Возможно, это прозвучало как предложение, но то, как Эштон преподнёс его, дало мне понять, что он не собирается принимать «нет» в качестве ответа. Я подняла бокал к губам и помедлила.

— С тех пор, как я встретила вас, кажется, вы всегда пытаетесь напоить меня.

Глаза Эштона расширились.

— Ты только что сказала колкость?

Откуда это взялось?

— Мне очень жаль. Я не имела это ввиду, — мои руки начали трястись так сильно, что я чуть не выронила бокал.

Эштон обогнул стол, быстро забрал бокал и, поставив его на стол, мягко произнёс:

— Елена, расслабься. Мне это нравится. Это то, что ты должна делать всё время. Это называется постоять за себя.

Я смотрела на бокал, не желая встречаться с Эштоном взглядом.

— Я не так должна себя вести.

— Снова это дерьмо, — он протянул мне стакан с хмурым взглядом. — Допей.

Чтобы не разлить напиток, я медленно поднесла к губам бокал и сделала первый глоток терпкого красного вина, чувствуя, как желудок нагревается от алкоголя. Я даже не могла обвинить вино в своей наглости. Мысль о том, что я могла испортить всё одним комментарием, заставила меня ощутить панику, пока Эштон успокаивал меня. Я не привыкла говорить то, что у меня на уме, и была шокирована, что ему это понравилось.

Эштон не пытался вовлечь меня в разговор, и его молчание нервировало меня, от чего поглощать еду становилось ещё труднее, хоть и каждый кусочек был вкуснее, чем предыдущий. Я должна была привыкнуть к тишине за обеденным столом, за исключением того, что Эштон не молчал с тех пор, как я его встретила. Когда он наконец заговорил, я с облегчением вздохнула.

— Расскажи мне, как вы с Домиником познакомились?

— Мы были влюблены со средней школы. Он был капитаном футбольной команды.

— А чем ты занималась?

— Я? Я пела в хоре и группе. — Я вспомнила, как считала себя

счастливицей, что такой популярный парень, как Доминик, хотел гулять со мной. Он был капитаном и мог встречаться с любой.

Эштон откинулся назад и скрестил руки на груди.

— Когда вы поженились?

— После того, как оба закончили колледж.

— Подожди. У тебя есть высшее образование? — спросил он, и удивление в его голосе слегка ранило моё сердце.

— Да. Я специализировалась на мюзиклах.

Он покачал головой.

— Тогда какого чёрта ты работаешь в закусочной?

Я пожала плечами.

— Доминик решил, что я лишь впустую потрачу время, если буду ходить на прослушивания, когда у меня могла бы быть стабильная работа со стабильным доходом.

— Мудак даже не позволил тебе следовать за мечтой.

Его голос был настолько тихим, что, должно быть, я не должна была слышать этих слов. Но я услышала и откинулась на стул, желая защитить своего мужа, но не расстраивая Эштона ещё больше.

— Он был прав. Нам нужны были деньги.

Парень посмотрел на меня, вздохнул и потянулся через стол, взял одну мою руку и нежно сжал её, проведя большим пальцем по моим костяшкам.

— Не за счёт твоей мечты. Я по факту знаю, что он уже давно играет в азартные игры. Думаю, он хотел, чтобы у тебя была работа, чтобы ты помогала платить за долги его аморальной деятельности.

Я решительно покачала головой.

— Он бы так не поступил со мной.

— Да, поступил бы, Елена, и сделал это. Не обманывай себя.

Это задевало сильнее, чем я думала. От мысли о том, что Доминик заставил меня отказаться от моей мечты ради своих азартных игр, мой живот скрутило узлами.

— Я не знаю, что сказать. Мы женаты. Я хочу сделать всё, что в

моих силах для него, и особенно из-за того, что по молодости мы не планировали заходить так далеко.

Он наклонил голову в сторону.

— Что это означает?

Я вздрогнула.

— Наша свадьба не была запланированной.

Эштон отпустил мою руку, наклонился вперёд и поставил локти на стол, прикрыв рот пальцами.

— Объясни.

Я сделала глубокий вздох и начала...

Моя голова раскалывается, будто кто-то долбил по моим мозгам молотком-перфоратором. Возможно, поездка-сюрприз в Вегас в честь моего окончания школы была не очень хорошей идеей. Медленно открывая глаза, боясь света на другой стороне, я вижу Доминика, мирно спящего рядом со мной. Наша одежда, в который мы были прошлой ночью, разбросана по всей комнате, включая три платья, которые я оставила валяться, когда решила, что надеть. Доминик сказал, что ему не нравится ни одно из них и продолжал просить меня переодеться. Одно из них было слишком тесным, говорил он. Из-за него мой зад выглядел больше. Два других были слишком откровенными: первое слишком открывало ноги, а во втором был слишком большое декольте, как и тогда, когда на прошлой неделе я надевала его на поздний завтрак с мамой.

Покачивая головой, я улыбаюсь себе. Пока мы в Вегасе, я всегда могу пройтись по магазинам в поисках новой одежды. Я возьму Доминика за покупками — чтобы убедиться, что ему нравятся новые вещи, прежде купить их.¹ Пробежав руками по лицу, я знаю, что душ и еда помогут справиться с похмельем. Осторожно выбираясь из кровати, я тихо направляюсь в ванную, потому что Доминик не любит, когда его будят утром. Он будет в ужасном настроении оставшуюся часть дня, если я потревожу его, поэтому лучше просто побыть тихоней, пока он не проснётся, чтобы мы могли позавтракать.

Я включаю воду в душе. В ожидании пока нагреется вода, хватаю зубную щётку и чуть ли не кричу. На безымянном пальце левой руки плотно сидит золотое кольцо.

Свадебное кольцо.

Выбегая из ванной, я стягиваю простынь с Доминика, чтобы посмотреть на его руку, и нахожу такое же кольцо на его пальце.

О, Боже. Что произошло прошлой ночью?

С решимостью, я обыскиваю нашу одежду и сумки, чтобы найти какое-то объяснение тому, что происходит. В кармане брюк Доминика нахожу чек от «Часовня О'Лав» на женское и мужское свадебные кольца, и на проведение одной церемонии. К нему степлером прикреплѐн тонкий лист бумаги — свидетельство об официальном браке в штате Невада.

Святой ад. Мы поженились.

Мы женаты.

Это то, на что я надеялась — хотя это случилось чуть раньше, чем я рассчитывала.

На один короткий миг я подумываю разбудить Доминика, но он, скорее всего, не будет счастлив. Лучше дать ему поспать до того, как я расскажу ему.

Я снова иду в душ, и как только одеваюсь, то возвращаюсь в главную комнату. Доминик сидит на одном из больших кресел, сжимая свидетельство в руке, вена на виске дико пульсирует.

— Что это, блядь, такое? — он размахивает передо мной бумагой. Я подозревала, что он не будет счастлив, но эта реакция — больше, чем я ожидала. Он зол.

Я поднимаю руки.

— Полегче, Доминик...

— Не доминикай мне. Ты обманула меня! Ты напоила меня, чтобы я угодил в твою ловушку.

Слабый смешок срывается с моих губ до того, как мне удаётся сдержать его.

— Я не делала ничего подобного. Проснулась утром с такими же скудными воспоминаниями, как и ты. И выпила я столько же, сколько и ты вчера.

— Вот поэтому я всегда говорю тебе не пить, — огрызается он.

Я падаю на стул рядом с ним, от боли в сердце начинает болеть вся грудь.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала? Мы можем попробовать получить развод. Или аннулировать его.

Он встаёт, его высокая фигура возвышается надо мной.

— Ты думаешь это смешно?

Это не первый раз, когда он выходит из себя, как сейчас. Он может стать жестоким в таком состоянии, а мне это не нравится.

— Нет. Я просто не уверена, что ещё можно сделать.

— Ты хотела этого, не так ли? — обвиняет он.

Я отвожжу взгляд, ощущая, как слёзы жгут глаза.

— Не буду лгать, Доминик. Я надеялась, что ты хочешь, чтобы однажды я стала твоей женой.

— Ты хоть знаешь, как быть женой?

Его насмешка больно ударяет по мне, но я быстро отвечаю,

— Не совсем, но я могу попробовать. Я быстро учусь.

Он ходит по комнате вперёд-назад, пока не останавливается перед большим окном. Он смотрит на горизонт в течение нескольких минут, и я боюсь, что он повернётся и скажет, что хочет развода.

— Хорошо, — потирая затылок, говорит он. — Мы останемся женатыми, но это будет работать, если ты научишься быть хорошей женой.

Моё сердце подпрыгивает. Доминик так долго был моим миром. Теперь может стать ещё лучше, когда я — его, а он — мой. Возможно, он станет менее ревнивым. Менее собственническим.

Я бегу к нему и обнимаю.

— Обещаю, я буду самой лучшей женой.

Он не целует меня, как я ожидала. Вместо этого он убирает мои руки и тащит через комнату обратно в кровать.

— И ты можешь начать прямо сейчас. Я собираюсь научить

тебя, как жена должна вести себя в постели.

Мягкое поглаживание пальца по щеке вырвало меня из воспоминаний. Я не осознавала, что плакала, пока Эштон не вытер мои слёзы. Он подвинул свой стул ближе ко мне, пока я рассказывала, и теперь сидел в нескольких дюймах от меня, широко расставив ноги и ограждая меня в двух сторон.

— Не плач, Елена. Этот придурок не достоин ни одной твоей слезинки.

— Я просто хочу сделать его счастливым, — я закрываю глаза, пытаюсь заглушить боль.

— Это не то, чего он хочет. Он хочет рабыню.

— Я пыталась сделать всё, что он хотел от меня. Почему этого недостаточно? — моя грудь болела от попытки сдержать рыдания, так что я сдалась и отпустила их. Эштон осторожно притянул меня к себе и держал, пока я плакала.

В конце концов рыдания стихли, и вернулось некоторое подобие контроля. Отклоняясь, я яростно потёрло лицо.

— Простите. Не знаю, что на меня нашло.

— Не извиняйся. Я думаю тебе было необходимо это.

Он обхватил моё лицо и пальцами вытер оставшиеся слёзы, и когда наши взгляды столкнулись, я увидела, что из-за очков его глаза кажутся настолько более насыщенного зелёного цвета, что потерялась. Моё сердце бешено билось, дыхание стало рваным от того, что тело реагировало на близость совершенства, которое воплощал собой Эштон Хоуз. Он закрыл глаза, и на один короткий миг, я думала, что он поцелует меня. Мои ресницы задрожали, и я тоже закрыла глаза, ожидая. Удивлённая и немного разочарованная, я услышала его стон, и звук, когда он отодвинул стул.

Я не была достаточно красивой для такого человека, как Эштон. Тот факт, что я даже думала о том, что могла бы быть, снова нагонял на меня слёзы.

— Прекрати, Елена. Я вижу твои эмоции в твоих глазах. Ни одной секунды не думай, что ты не прекрасна. Ты одна из самых красивых женщин, что я видел. К сожалению, какой-то дебил с комплексом превосходства исказил твой взгляд на себя. Прошлой

ночью я обещал не спать с тобой, если ты не захочешь этого, и я держу своё слово. Я не буду сидеть здесь и уничтожать тебя, когда ты расстроена.

Он и правда говорил это прошлой ночью, и пока моё тело, возможно, было готово и ждало ночи с Эштоном, мой разум был в состоянии войны сам с собой. Запертый в битве добра и зла.

— Ты должна быть готова, если хочешь меня, Елена, потому что я не занимаюсь любовью. Я трахаюсь. Но я могу гарантировать тебе, что если ты примешь решение оказаться в моей постели, то испытаешь больше удовольствия, чем когда-либо прежде.

Жар прилил к щекам, и впервые я почувствовала, что мои трусики были мокрыми от желания. Эштон подтолкнул меня к этому только словами. Тишина была моей единственной защитой.

— Теперь, до того, как я нарушил своё обещание держать руки при себе, я предлагаю нам обоим переодеться во что-нибудь удобное, и мы посмотрим фильм.

— Хорошо, — ответила я, практически выбегая из комнаты.

Мне необходимо было взять себя под контроль. Что-то в Эштоне тянуло меня к нему, несмотря на крики в голове о том, что изменять Доминику — ошибка. Да, он разрешил мне, но я дала клятвы и должна придерживаться их. Схватив новую пару штанов для йоги и надев футболку, сделала успокаивающие дыхательные упражнения и решила, что посмотрю фильм, но я должна быть готова.

Глава 7.

Эштон

Наблюдая, как Елена выбегает из комнаты, я почувствовал боль. Физическую. Мой член стал настолько твёрдым, что мне потребовалась каждая капля самообладания, чтобы удержать задницу на стуле. Это превратилось бы в удар по моему не навязчивому подходу — если бы я погнался за ней и приковал наручниками к своей кровати, то не смог бы остановить мой разум от представления о том, как я показываю ей должное обращение настоящего мужчины с женщиной. После всего сказанного, я был поражён своей способностью сохранять рядом с ней трезвую голову.

Блядь. Я не должен был просить её остаться в том платье.

В секунду, когда я поднял голову и увидел её изгибы, отчётливо прослеживаемые под тканью, мне хотелось одним взмахом руки смести всё с рабочего стола и нагнуть её над ним.

Холодный душ — вот что мне было нужно, чтобы остудить голову. Учитывая прошлое Елены, я должен был убедиться, что она готова оказаться в моей постели, потому что как я и сказал, это не будет нежно. Я предпочитаю нечто другое в постели. И с ней я был бы только необузданным и страстным. Я не занимаюсь любовью, потому что медленный и нежный секс означает привязанность. Большинство женщин были не готовы справиться с реалиями моей жизни. Поэтому я держал дистанцию, и это работало.

Мысли о Елене не оставляли меня, когда я вошёл в комнату, собираясь последовать своему же совету и переодеться во что-то более удобное. Встав под душ в ванной, я открыл кран с холодной водой. Всё, что угодно, лишь бы взять обратно под контроль свой член. Я шагнул под струи, и ледяная вода очистила мой разум. Теперь я мог обдумать всё, что сказала Елена за ужином. Если бы моё желание держать её поблизости не брало верх над всем остальным, я бы, вероятнее всего, сел в машину и поехал выбивать дурь из всегда любящего мудака безо всяких укоров совести.

Он на самом деле сказал ей, что единственный способ избежать развода, это научиться быть хорошей женой. Мои руки сжались в кулаки по бокам, пока я сопротивлялся искушению выместить свою

злость на кафеле. Как мужчина мог вот так относиться к своей жене было за пределами моего понимания. И она согласилась...

Должно быть, он медленно разрушал её защитные барьеры, пока не забрался так глубоко под кожу, что она и понятия не имела, что он сделал.

Чёртов мудака точно знал, что делал. Он заполучил прекрасную женщину. Он мог подарить ей весь мир, но вместо этого сломал её. Хуже всего то, что в своей жизни я ни одну женщину так не хотел, как Елену. Её тело с изгибами во всех нужных местах, идеальный для моих рук размер груди, — от желания получить всё это кружило голову. Вся кровь от мозга хлынула к члену.

Я позволил воде омыwać меня, ледяные капли жгли мою разгорячённую кожу, пока я пытался думать обо всём, кроме сексуальной женщины дальше по коридору. Той, которая не имела ни малейшего представления, насколько она была привлекательна, иначе бы давно бросила мужа. *Проклятье!* Мне нужно перестать думать о Доминике, и об Елене с Домиником, или я в конечном итоге убью его. И как бы это ни было неудобно, но мне придётся мириться со смертельным случаем синдрома синих яиц.

Работа.

Займы.

Спорт.

Я пробежался по списку дел в голове — всё, что угодно, лишь бы избавиться от мыслей о Елене в этом платье. И её глаз. Она совершенно не понимала.

Работа.

Займы.

Займы!

Дерьмо.

Через несколько дней мне нужно собрать долг. Ещё один мудака, который взял больше, чем сможет отдать. Какого чёрта мне делать с Еленой? Ни при каких обстоятельствах я больше не стану вовлекать её в свой бизнес. Он был семейным, и я не мог дождаться, когда выберусь из него нахрен. Я не мог впутать туда и её.

Решив держать Елену подальше от этой стороны моей жизни, я вышел из душа, вытащил спортивные штаны и футболку, и направился вниз, чтобы подождать её и выбрать фильм. Мурашки по-прежнему покрывали мою кожу, но, когда я вошёл в гостиную, я хотел вернуться обратно в душ и добавить льда.

Хоть так охлажу голову.

Она стояла спиной ко мне и пристально смотрела на полки с картинами и произведения живописи, которые рядами висели на стене, её задница была облачена в пару чёрных штанов для йоги, облегающих каждую округлую мышцу. Я стиснул зубы, потому что догадался о том, что, наверное, она занималась спортом, чтобы не набрать вес, как хорошая жена, и сглотнул комок в горле.

Почувствовав моё присутствие, Елена обернулась, будучи такой же скромной, как и тогда, когда постучалась в мой кабинет несколькими часами ранее. Я заметил, как её язык скользнул по нижней губе прежде, чем она втянула её между зубами и встретилась со мной взглядом. Мне удалось подавить стон. Слава Богу, футболка на ней была без глубокого выреза, но и этого было достаточно, чтобы представить её формы под одеждой. Казалось, Елене не нужно было прикладывать много сил, чтобы обратить на себя моё внимание, но поскольку она стояла ко мне лицом, удерживая свою задницу вне поля моего зрения, я мог воздерживаться от некоторых мыслей.

— Я не была уверена, как тут всё работает, — она указала в сторону телевизора.

Я засмеялся, но звук получился напряжённым, поэтому попытался взять себя под контроль.

— Давай я его включу, а ты пока выберешь фильм.

Она опустилась на диван, держа спину прямо, и сложила руки на коленях. Слово «невинность» и близко не опишет картину передо мной.

— Нет, ты выберешь то, что мы будем смотреть, — подойдя к столу, я схватил пульт и нашёл свой Netflix.

— Но...Но...

— Не отпирайся, Елена. Мы научим тебя принимать самостоятельные решения.

Её лицо побелело, и на одно мгновение мне стало не по себе от того, что давлю на неё. Но потом я вспомнил, сколько понадобилось, чтобы вытащить тётю Веронику из подобного. Я сел рядом с ней, касаясь её бедра своим, и показал, как переключать каналы, чтобы выбрать фильм. Едва заметная дрожь её рук показала мне, как ей неловко. Она принялась переключать каналы. Хотя я ожидал, что она выберет одну из романтических комедий, она пропустила их все, и это поразило меня, даже если я бы предпочёл выколоть себе глаз ложкой, лишь бы не смотреть один из таких фильмов. Я бы вытерпел, выбери она подобное. Потом она удивила меня. «Гонка» был не новым фильмом, но я готов был поспорить, что она его не видела. Она посмотрела на меня из-под своих длинных медных ресниц.

— Пойдёт?

Она думает, что это то, что я хотел бы смотреть.

— Елена, это фильм, который ты хочешь посмотреть, или ты выбираешь то, что по твоему мнению понравится мне?

— Я хотела посмотреть этот фильм с момента его выхода, но я могу выбрать что-то другое, если вы против?

— Достаточно, — я опустил палец на её губы. Наверное, не лучший ход, особенно когда я почувствовал их мягкость. — Я сказал тебе выбирать, а это значит, что я буду смотреть всё, что ты предпочтёшь. Давай теперь откинемся назад и насладимся просмотром.

Она откинулась на спинку дивана, но её осанка оставалась прямой, словно у солдата, а напряжение в комнате ощущалось гуще, чем туман после летней грозы.

— Елена?

— Да? — она посмотрела на меня.

— Расслабься. Я не укушу.

Я понял, что дал ей разрешение, а это не входило в мой план, но она тут же ответила, подтянув колени к груди, с плеч исчезло почти всё напряжение. Она обняла колени, прижимая их ближе. Казалось, что она защищается, или, возможно, так просто было удобнее. Я предпочёл бы второй вариант. Она немного съела за ужином. Должно быть, проголодалась. И что пойдёт лучше с фильмом, чем лёгкий перекус?

— Я собираюсь захватить поесть. Ты хочешь чего-нибудь?

— Э-э-эм... — она пожала плечами. — Конечно.

— Я на минутку. — Она наклонилась вперёд, чтобы взять пульт, но я остановил: — Не ставь на паузу. Я видел этот фильм раньше.

Она всё равно взяла пульт и нажала на паузу перед тем, как откинуться на спинку дивана, опустив подбородок на колени.

— Я подожду вас.

— Вернусь через минуту.

Быстро передвигаясь по дому, я направился на кухню. Проклиная себя за то, что не подумал об этом раньше, я решил, что попкорн — лучший вариант. Тяжело было думать, что Елена, скорее всего, годами не была в театре, и мне было интересно, сколько она пропустила. То, что я считал само собой разумеющимся, было для неё роскошью. Мне было беспокойно от этой мысли.

Порывшись в кладовой, я нашёл упаковку попкорна, и, бросив его в микроволновку для приготовления, пошёл к холодильнику и взял пиво, содовую и воду. Если я предоставлю ей выбор, ей придётся его сделать.

Я принёс всё в гостиную на подносе, от чего Елена встретила меня широкими глазами.

— Ничего себе, — произнесла она, опустив ноги на пол. Она начала вставать, и я отодвинул поднос подальше от неё.

— Сядь и расслабься. Помни, ты — моя гостья, — я поставил поднос на пуфик. — Я не знал, что ты захочешь попить, и принёс несколько вариантов.

— Пиво с попкорном?

Её брови нахмурились. Это было восхитительно, и я никогда не думал, что именно это мне понравится в женщине. Но не с Еленой. Было приятно слышать, как она задаёт вопросы, не опасаясь последствий. Чтобы не заставило её опустить свою броню, это нужно повторить. Опять же, возможно, она даже не поняла, что сделала это.

— Безусловно. Пиво подходит почти ко всему.

Она посмотрела скептически, но потянулась за одной из бутылок с янтарной жидкостью. Усевшись, я нажал «play», и музыка

заполнила комнату.

По ходу фильма Елена расслаблялась сильнее, пряча ноги под себя, запивая попкорн пивом, и подаваясь вперёд во время каждого эмоционально насыщенного момента в фильме. Он ей нравился, и улыбка на лице делала её наслаждение очевидным. Это было лучшей вещью, которую я видел, потому что смотрел больше на девушку, чем на экран, делая всё, что в моих силах, чтобы сдержаться и не превратиться в подростка, который остался один ночью в родительском доме. Я не мог перестать думать о том, как сильно я хочу забыть про фильм и жарко обнять её на диване. Как и вчера вечером, я подвигался ближе и ближе к ней, мягкий аромат лаванды и жасмина пронизывал мой разум, заставляя голову кружиться. Святой ад, я был в заднице.

Моя вера пошатнулась, когда Елена встала и начала убирать наш беспорядок.

— Оставь, — сказал я. — Я позабочусь об этом.

Она замерла, её глаза забегали по комнате, будто она не знала, что ей делать.

— Вы уверены, что вам не нужна моя помощь?

Не было бы никаких проблем, пожелай она помочь, но я не позволю ей заниматься уборкой, если она считает это своим долгом.

— Елена, я не хочу, чтобы ты чувствовала, что тебе нужно убираться, потому что это то, что ты обычно делаешь.

Её глаза заблестели, и она удерживала мой взгляд несколько секунд, прежде чем повернуться и направиться в сторону лестницы. Я задумался на мгновение, затем опустил руку на её плечо, мышцы напряглись под моей ладонью.

— Я знаю, что говорил об этом раньше, но надеюсь, ты поймёшь, что я не хочу быть похожим на твоего мужа. Он не имеет ни малейшего представления о том, как относиться к тебе, и ты заслуживаешь намного лучшего.

— Я хотела бы поверить в это. — Я закрыл глаза, сделав резкий вдох и почувствовав в груди укол от боли в её голосе. Развернув её, я притянул Елену к себе, пока её щека не оказалась напротив моего сердца.

— В один день я заставлю тебя поверить в это.

Я держал её, пока она плакала, и как бы больно ни было слышать этот звук, от него мои глаза горели, словно плакал я. Я не мог позволить победить маленькой части меня, которая признала, что Елена сделала это со мной. Она начинает верить мне, и мне надо быть осторожнее. Моя бывшая похоть забыта, и теперь моей единственной мыслью стало успокоить её. Как только слёзы высохли, она снова повисла на мне, и, не подумав, я прижался губами к её макушке. Она тут же напряглась.

Какого чёрта я делаю?

Освободившись из моих объятий, она вытерла лицо и уставилась в пол.

— Я думаю, что мне пора спать, — прошептала она, её голос был хриплым и неразборчивым от волнения.

Прежде, чем я успел извиниться, она развернулась на пятках и бросилась вверх по лестнице.

— Чёрт побери, Эштон, — пробормотал я, зная, что этот жест стоил мне драгоценного доверия. Я мысленно дал себе пинка под зад, затем закончил с уборкой и отправился за выпивкой.

Вторую ночь подряд я сидел в кабинете со стаканом виски в руке. Мой телефон завибрировал на столе. Какой дебил станет беспокоить меня в нерабочее время? Подняв телефон, я увидел смс.

Папа: Бокс свободен в следующий четверг.

Я точно знал, что это значит. Кто-то задолжал денег моему отцу вместо меня. Как правило, в долг брали у меня, но некоторые из наших старых клиентов обращались непосредственно к отцу. Были парни, которые знали, как всё делается; они были рады предать ту долю процента, которую назначит отец. Из-за этого, он был готов потакать им, прося меня только собрать деньги, когда он сам не мог присутствовать.

Я: С удовольствием посмотрю игру. Спасибо.

Папа: Почему бы тебе не взять Елену?

Самая тупая грёбаная идея на свете.

Я: Не думаю, что она ярый фанат бейсбола.

Папа: Может быть, ты изменишь её мнение?

Какого чёрта он задумал? Решив ответить ему наотмашь, я сделал глоток виски и набрал текст.

Я: Посмотрим. Не забудь сообщить мне об ужине.

Папа: В следующую субботу?

Я надеялся на что-то пораньше, но знал, что он, вероятнее всего, согласовывал всё с расписанием тёти Вероники. После того, как тётя оставила позади своё затворничество и начала выходить на улицу, она убедилась, что надо наверстать всё то, что было упущено. Её календарь общественных мероприятий был забит — совершенный контраст с тем временем, когда она была замужем за Дейвом.

Я: Отлично.

Мои мысли вернулись к Елене: от выражения её лица, когда мы приехали в SPA, к её застенчивости, когда я предложил ей выбрать фильм. Интересно, она всегда была скромной, или это было навязано ей мужчиной, который снова и снова просил её быть той, кем она не была? Потом я вспомнил, как она выглядела, когда стучалась в дверь моего кабинета, и мой член моментально стал твёрдым. Дерьмо, эта женщина доводит меня до того уровня сексуального расстройства, которого я не испытывал с юности.

Сделав последний глоток, я потащил свою задницу вверх по лестнице. Я честно пытался пройти мимо, но остановился напротив её комнаты. Света из-под двери видно не было. Скорее всего, она уже спала. Когда я обнаружил, что задаюсь вопросом, что она надела в кровать, я понял, что пора тащить свою задницу дальше по коридору.

Мой член был по-прежнему твёрд, словно сталь, но я знал, что ни один холодный душ в мире мне сейчас не поможет. Я сделал воду горячее и снова разделся. Если так продолжится, я буду самым чистым ублюдком в штате.

Я бросил одежду на пол, положил очки на их обычное место на раковине и забрался под душ, позволяя воде покрыть мою кожу прежде, чем обхватить член и провести по нему рукой.

Давление в моих яйцах нарастало весь вечер. Взяв с полки гель для душа, я выдавил немного в руку и поддался искушению. Плотно обхватив член, я начал двигать ладонью, медленно скользя по всей длине. Образы Елены поглотили мои мысли, что заставляло руку работать быстрее, а напряжение усиливаться, когда я представил её на коленях и как она своими невинными оленьими глазами наблюдает за тем, что её прикосновения делают со мной.

Мысль об её маленькой, нежной руке на месте моей заставила меня схватиться за стойку душа для опоры. Я сделал глубокий вдох, и, могу поклясться, ощутил запах лаванды. Никогда не почувствую этот запах снова, не подумав о ней. Я выгнул шею и упёрся лбом о стену, чтобы охладить пыл с помощью холодного кафеля. Вода била сверху по спине и голове, пока бёдра рвались вперёд, быстрее толкая член между пальцем.

Ощущая предательское покалывание в основании позвоночника, я больше не мог терпеть. После нескольких быстрых толчков в ладонь я кончил, хрипами разнося своё удовольствие по всей ванной. Чувствуя опустошённость, я рухнул вниз, скользнув телом по стене душевой кабинки. Не чувствуя ног и тяжело дыша, я не был уверен, могу ли двигаться. Никогда в своей жизни я не кончал от руки так быстро.

В течение нескольких минут я так и сидел. Недостаточно долго, чтобы вода остыла, но достаточно для того, чтобы прийти в себя и снова взять под контроль свои действия. Одну вещь я знал точно: если это продолжится, Елена Толли станет моей гибелью.

Я вылез из душа и вытерся. Слишком устав, чтобы искать пижаму, я упал в постель голым, мечтая о всех тех вещах, которые я хотел бы сделать с Еленой.

Глава 8.

Елена

Прошло почти две недели с тех пор, как Доминик решил отдать меня в уплату своего долга. В самом начале я думала, что моя задача в качестве жены — делать всё, что он попросит, но Эштон считал своим предназначением убедить меня в обратном. Каждый день он показывал мне что-то новое, чего я считала себя недостойной, потому что не заслуживала этого. Часть меня всё ещё задавалась вопросом, а что если я действительно заслуживаю кого-то лучшего, чем Доминик? Конечно, я не была достойна такого мужчины, как Эштон. Я знала, что реальная причина почему он уделял мне столько внимания, — его ненависть к действиям Доминика. Эштон тот тип мужчин, который может получить любую женщину, которую захочет. Но я не глупая. Я не была ему нужна, и он не хотел видеть меня в своём будущем.

Первые сутки можно было описать словом «неловкость». После двух моих срывов, которые были совершенно неловкими, я не ожидала, что он поцелует меня в макушку. Да, это могло означать, что он хотел успокоить меня, но снова-таки, я и предположить не могла, что простой поцелуй ускорит наплыв охвативших меня чувств. Утонув в них с головой, я выбежала из комнаты, словно идиотка. После этого инцидента не было никакого шанса, что Эштон снова прикоснётся ко мне. Не то, чтобы я думала о повторении, конечно.

О, кого я обманываю?

Конечно, я думала о повторении. Мой мозг был заполнен мыслями о его губах на моих. Моё воображение разыгралось, как и тогда, когда я была молодой девчонкой. Могу ли я выдержать то, что с каждым днём мне всё больше и больше становится очевидно, насколько он сексуален?

Но с этими мыслями пришло и осознание вины. Вины из-за того, что на такие мысли у меня не было права. Моим мужем был Доминик. Было неправильно так страстно желать другого мужчину.

Ни разу за две недели Эштон не упоминал об инциденте, произошедшем тем вечером, и не пытался повторить его. Я иногда думала, что отношение Доминика ко мне было ошибкой, и

сомневалась, что наберусь храбрости чего-то уверенно потребовать, когда вернусь домой. Но я впитывала всё, что давал мне Эштон, зная, что его внимание — лучшее, что я получала.

Но было и то, от чего я не хотела отказываться по возвращению домой. Например, уборка после ужина, или пропуск нового фильма, потому что Доминик не захотел взять меня с собой. Я становилась более независимой. «Наберись храбрости» — так говорил Эштон. Мелочи, вроде выбора блюда на ужин, или фильма, который мы будем смотреть, давались легче, чем раньше. Эштон даже взял меня на ужин в один из его ресторанов и познакомил со своими сотрудниками.

Моим первым чувством была паника. Доминик без проблем мог объявить о своём недовольстве нашим совместным ужином на весь ресторан. Если на то пошло, я изо всех сил пытаюсь вспомнить время, когда мы ели не спеша. Доминик всегда сидел от меня настолько далеко, насколько это было возможно, уделяя больше внимания официанткам, чем мне, и не стеснялся этого. Нередко флиртовал с ними, даже просил номер телефона, а иногда оставлял им свой. Это смущало их и заставляло задаваться вопросом, кем ему прихожусь я, хоть я и сидела напротив с таким же обручальным кольцом на пальце, как у него. Я никогда не заказывала еду сама. Если мне не понравилось заказанное им блюдо, я знала, что надо сидеть тихо. Однажды, вскоре после того, как мы поженились, я совершила ошибку, высказавшись, и в ответ он посыпал перцем всю мою еду и заставил меня съесть это. Мне удалось проглотить лишь около четырёх кусочков прежде, чем извиниться и выйти в туалет. Там меня вырвало, за что я была наказана, когда мы вернулись домой.

Тем не менее, в своём собственном ресторане, в окружении людей, которым он доверял и уважал, глаза Эштона кричали о гордости. Я не привыкла к такому. Это было чуждо для меня. Всё в этом мире было для меня ново. К тому времени, когда нам принесли первые блюда, я расслабилась. Возможно, виной тому была пара бокалов вина. Весь вечер был приятным до мозга костей. Большую часть Эштон говорил, а я слушала. Я многое узнала о нём, и мне это понравилось.

Поначалу Эштон находился дома весь день, иногда выезжая на поручения или чтобы забрать бумаги, но большую часть времени

проводил со мной. Безусловно, это не могло продолжаться долго, и он вернулся к привычному графику. Меня больше не пугало, что придётся остаться дома одной, когда он уходил на работу. Правда, я чувствовала себя виноватой в том, что не вношу вклад в ведение домашнего хозяйства. Но как только я пыталась помочь, Эштон отшивал меня, утверждая, что я проделала достаточно работы на протяжении последних лет, и заслужила отдых. Потом он показал мне тренажёрный зал в подвале и предложил выпускать пар здесь.

В тот момент, когда слова сорвалась с его губ, я вспомнила, что ни разу не делала упражнений с тех пор, как ушла от Доминика. Даже когда я была дома, физическая нагрузка всегда, хотя бы немного, присутствовала в моей жизни, — пускай это была всего лишь быстрая ходьба на работу и обратно. Добавьте тот факт, что здесь я ела больше, — и еда была сытнее, — и я почти могла почувствовать лишний вес на животе и бёдрах. Меня сжало холодными тисками, когда я осознала, что Доминик заметит это, и непременно выскажется.

Возражение Эштона всё ещё плясало в голове: *«Тебе не надо худеть. Не для этого я привёл тебя сюда. Прекрати позволять идиотским комментариям Доминика влиять на твою самооценку. Остальной мир видит тебя иначе».*

Сегодня вечером мы направляемся на ужин к его родителям. От одной мысли об этом меня мучило, отчасти потому что я не понимала, почему меня пригласили. Я была временным неудобством для Эштона. Знакомство с родителями точно не входило в программу для временных гостей.

Стоя на кухне и глотая воду после пробежки на беговой дорожке, я услышала звук открывающейся двери гаража, и через минуту вошёл Эштон. Увидев его, я практически проглотила язык. Я бы многое отдала за то, чтобы быть той сексуальной женщиной, к которой он бы возвращался домой каждую ночь, и такой сексуальной, чтобы мужчины сходили с ума только от мысли о ночи со мной. Я давно поняла, что такие мужчины, как Эштон Хоуз, не были предназначены для кого-то столь простого и невзрачного, как я. Но это не означало, что ожог от разочарования был менее болезненным каждый раз, когда оно поднимало гадкую голову.

— Готова к вечеру?

Его вопрос застал меня врасплох, и, пытаясь выиграть немного времени, я вытащила ленту из волос, позволяя им упасть на плечи.

— Вы *уверены*, что хотите познакомить меня с родителями? Вам стоит признать, что наша ситуация необычная.

Он шагнул вперёд, вторгаясь в моё личное пространство, и сложил руки на груди. Его взгляд был мрачен.

— Елена, мы проходили через это. Мои родители уже знают о ситуации. Речь идёт не о знакомстве с ними. Дело касается необходимой помощи тебе.

— Я уже поняла, что Доминику нужно относиться ко мне лучше. Вы помогли мне это понять.

— За исключением единственной вещи, которую ты выучила, что он не должен относиться к тебе, как к рабыне, ты готова уйти от него?

Я покачала головой. Желание опустить глаза в пол было огромным, но я остановила себя как раз вовремя. Эштон научил меня, что если я не хочу, чтобы люди использовали меня, мне необходимо показать, что я не боюсь.

— Как я могу? Он единственный, кто хочет меня.

— Не единственный.

Его голос был решительным, глаза сверлили меня, плавили, блуждая по моему телу, и несмотря на то, что я была в простой одежде — майке и шортах для бега — под его взглядом я чувствовала себя так, словно стою перед ним в одном белье. Я замерла на месте. Мужчины не смотрели на меня так. Он просто пытался быть милым.

— Доминику нужно будет постараться, но я помогу ему измениться.

Эштон сжал челюсти.

— Он мудака, и тебе надо понять: он *не хочет* меняться.

— И откуда вы знаете? — мышцы в моём теле напряглись. Я не давала отпор годами, и сейчас это ощущалась прекрасно. Глаза Эштона расширились на секунду. Он был в шоке. Потом его челюсть расслабилась, и он потянулся к моей щеке.

— Рад видеть твою храбрость, даже если я не согласен. Теперь

иди, собирайся. Нам скоро выезжать.

И вот так просто он ушёл. Эштон был тем мужчиной, который сбивает с толку. Вот он выглядит так, словно сейчас набросится на меня, в следующую минуту он зол, а затем просто уходит.

Я думала о смене его настроения, пока поднималась по лестнице, собираясь выбрать, что надеть. В первый раз в жизни у меня было больше возможностей, чем я могла использовать, поэтому выбор занял много времени. Но даже тогда я не была уверена в правильности решения. Мои руки дрожали, когда я пыталась нанести макияж так же, как показывала мне девушка в SPA. Отчасти потому, что я не была уверена, что делаю это правильно, а отчасти потому, что собиралась на ужин в дом криминального босса. Я понятия не имела, чего ждать. У меня было ощущение, что все мои стереотипные представления, полученные из телевизора, были совершенно ошибочны. Я почувствую в себе неуверенность, как только переступлю порог.

Взглянув напоследок в зеркало, я проверила наряд ещё раз, чтобы убедиться, что выбор подойдёт для вечера. Чёрное обтягивающее платье очень выгодно демонстрировало фигуру — согласно словам личного ассистента, которого прислал Эштон. С глубоким V-образным вырезом и длинными кружевными рукавами — это было лучшее платье из тех, что у меня когда-либо были. Я посмотрела на себя в зеркало, осматривая себя в полный рост. Я оставила свои длинные волосы распущенными и немного завила кончики, сопротивляясь искушению убрать их подальше с лица в обычный хвост. Даже переживая о предстоящем ужине, я чувствовала себя красивой.

Убедившись, что всё на месте, я схватила чёрный клатч, и вышла из комнаты. Повернув за угол, я увидела внизу лестницы Эштона в прекрасном чёрном костюме, очерчивающем каждую мышцу его тела. Я настолько внимательно рассматривала его, что чуть не споткнулась и не полетела вниз. К счастью, успела поймать себя прежде, чем кубарем скатилась вниз.

Чёртовы каблуки.

Мои пальцы крепко вцепились в поручень, я выпрямилась и сделала всё возможное, чтобы каждый мой шаг был осторожным. Во рту пересохло. Когда я спустилась, Эштон взял меня за руку и

покружил на месте.

— Ты великолепна.

Я почувствовала, как к лицу прилил жар.

— Нет, но спасибо, что сказали.

Он сократил расстояние между нами и поднял мой подбородок, чтобы я встретила́сь с ним взглядом.

— Я бы не стал лгать тебе. Я не тот тип мужчин, которые делают пустые комплименты.

Совершенно верно. С самого моего приезда Эштон ни на что не намекал. Он был честным, почти греховно.

— Спасибо.

Он вздохнул.

— Пожалуйста, послушай. У меня закончились идеи, как помочь тебе.

Я опустила руку на его плечо.

— Мне не нужна помощь. За время моего пребывания здесь вы многому меня научили.

— Недостаточно, иначе просто приняла бы то, насколько ты чертовски сексуальна.

Ошеломлённая, я прикипела к месту. Впервые кто-то назвал меня сексуальной. Я не знала, как реагировать.

— Пойдём, иначе опоздаем.

Эштон взял меня за руку и повёл в гараж к автомобилям. Он повернул ключ в замке зажигания и Астон Мартин ожил. Я подождала, пока автомобиль начнёт двигаться, и затем повернулась к Эштону. Сердце колотилось в груди, и я не знала, стоит ли спрашивать, в то же время желая знать ответ.

— Вы думаете, что я сексуальна?

Он вжал ногу в педаль тормоза, и нас бросило вперёд. Он медленно повернулся ко мне.

— Чёрт, да, я считаю тебя сексуальной.

Я барабанила пальцами по коленям.

— Я никогда не смотрела на себя с этой стороны.

Он потянулся к моей руке через центральную консоль и поднёс другую руку к моему лицу.

— Я знаю. Хотел бы, чтобы было иначе.

Пристально глядя в его глаза, я растерялась в тот момент, когда его рука переместилась с лица на шею, а пальцы запутались в моих волосах. Наклонив голову, он приблизил мои губы к своим. Первое прикосновение, и я позволила себе окунуться в поцелуй. Никто никогда не целовал меня так, чтобы меня пронзало до кончиков пальцев ног. Лёгкий вкус корицы затопил мой разум, когда его язык ласкал мои губы, уговаривая меня раскрыть их. Не обращая внимания на голос в голове, кричащий о том, что я не должна этого делать, я раскрыла губы и впустила его. Скольжение его языка по моему было нерешительным, но не настолько, чтобы я усомнилась в его желании. Это заставило моё сердце колотиться в груди. Всё вокруг ушло на второй план. Остались только Эштон и Елена, и их поцелуй

Этот поцелуй.

И так же быстро, как начался, поцелуй закончился. Эштон убрал руки и обхватил кожаный руль. Его пальцы сжались, и я заметила, как они побелели от усилия.

— Мне не стоило делать этого. Прости меня, — и, не сказав больше ни слова, он помчался к дому родителей.

За исключением шума радио, рассекающего тишину, воздух вокруг нас был пропитан таким напряжением, что его можно было резать ножом. Я была потрясена до глубины души. Не могла ни говорить, ни думать. Всё, что я когда-либо знала, только что было стёрто одним простым поцелуем. За все годы с Домиником я никогда не чувствовала себя так. Наши поцелуи всегда были довольно простыми, и, на самом деле, он вообще не целовал меня в последние пять лет. Обычно он говорил мне занять позицию на кровати и лежать там. Без прикосновений, без чувств. Без привязанности, без нежности. Ничего *личного*. Поцелуй с Эштоном был очень, очень личным.

Так почему же он отстранился?

Почему сказал, что не должен был этого делать?

Я сделала что-то не так?

Сомнение и желание боролись внутри меня. С того момента, как я встретила Эштона, он заставлял меня сомневаться во всём. От обращения Доминика ко мне до взглядов на саму себя. Это не должно было удивлять меня, но сегодняшняя ночь была первой, когда я почувствовала желание. Любой будет чувствовать себя особенным после того, что он дал мне за последние две недели. Но я не хотела быть просто особенной. Я хотела быть особенной для *него*.

Я всё ещё не разобралась с ответом, а мы уже подъехали к дому его родителей.

Ранее на этой неделе Эштон предупредил меня, что его родители предпочитают жить в городе, а не в пригороде. Когда он остановил машину возле лакея, желание выскочить из неё и побежать вниз по улице стало подавляющим. Я не закончила анализировать поцелуй и отстранение Эштона. Я даже не могла начать думать о том, что должно произойти. Ни разу в жизни я не думала, что столкнусь с криминальным боссом. И в завершение всего, сюда меня привёз его сын.

Лакей открыл для меня дверь. Сделав глубокий, успокаивающий вдох, я вышла из машины, отталкивая подальше любые остаточные волнения настолько далеко, насколько могла. Независимо от того, что только что произошло, мне казалось, Эштон никому не позволит сделать мне больно, в том числе, его семье.

Я позволила Эштону провести меня через двери к лифту. Он так и не сказал мне ни слова, но напряжение исходило от него волнами. Стало только хуже, когда двери лифта закрылись. Воздух становился разреженным, казалось, электричество танцевало вокруг нас. Я смотрела на двери, иногда отвлекаясь, когда думала, что он не обращает внимания. В третий раз наши взгляды встретились. Мне хотелось, чтобы он прижал меня к стене и поцеловал, как в глупом любовном романе.

Но это была реальная жизнь, а не какая-то сказка. Мужчина, которого я хотела больше, чем должна, не видел меня такой, каким его видела я.

Раздался сигнал остановки лифта и двери открылись, мгновенно разрывая связь. Эштон положил руку мне на спину и проводил из лифта навстречу голосам, доносящимся из-за закрытой двери. В моём животе порхали бабочки, и стало только хуже, когда Эштон,

постучавшись, открыл дверь. Мы увидели несколько человек, сидящих рядом и наслаждающихся обществом друг друга за выпивкой.

— Эштон.

Старшая версия мужчины, стоящего рядом со мной, встала с дивана. Его взгляд не отрывался от меня, пока он обходил мебель, чтобы поравняться с нами у входа.

— А ты, должно быть, Елена, — он взял мою руку и поднёс к губам.

— Да, это я.

Во второй раз за час мои щёки покраснели. *Так много пищи для самоуверенности.* Не пробыв в квартире и минуты, я уже лишилась дара речи.

— Приятно познакомиться... — румянец на лице загорелся сильнее. Я не могла поверить, что не додумалась спросить у Эштона имя его отца.

Он засмеялся.

— Зови меня Малколм. Проходи, и позволь познакомить тебя со всеми остальными.

Он придержал меня за руку и провёл в комнату. Все взгляды были устремлены на нас. Нахождение в центре внимания в заполненной людьми комнате, нервировало меня, несмотря на годы, проведённые на сцене. То, что я не была на сцене лет пять, если не больше, не помогало.

— Елена, это мой сын, Миллер.

Очень привлекательный мужчина с тёмными волосами протянул мне руку и издал низкий свист, когда его пальцы сжались вокруг моих.

— Святое дерьмо, Эштон, ты не говорил, что она чертовски великолепна.

Малколм дал Миллеру подзатыльник.

— Следи за речью.

— Прости, пап, но посмотри на неё.

Миллер указал на меня, и, не зная, что сказать, я просто стояла там, онемев. Я была настолько погружена в то, что происходило вокруг, что пропустила, как Эштон приблизился ко мне сзади.

— Что я тебе говорил? — прошептал он, и его горячее дыхание, коснувшись моего уха, заставило меня сдерживать стон. Я подавила дрожь и сосредоточилась на Малколме, который знакомил меня с женщиной с длинными светлыми волосами.

— Елена, это моя сестра, Вероника.

Женщина улыбнулась и, перешагнув через все формальности, вышла вперёд и заключила меня в объятия.

— Я так рада знакомству. Я бы хотела позже пообщаться с тобой.

— Конечно, — я не могла представить, о чём она хочет поговорить. Она была тётёй Эштона, и, находясь в доме его родителей в качестве гостя, было бы грубо допрашивать её.

Она указала на мужчину рядом с ней.

— Это мой муж, Сэмюэль.

Я протянула руку, и он сжал её своей.

— Приятно познакомиться. Эштон, рад снова тебя видеть.

Эштон обнял тётю и пожал руку Сэмюэлю прежде, чем спросить:

— Мама на кухне?

Малколм рассмеялся.

— А где, ты думаешь, она ещё может быть?

Эштон слегка коснулся моего локтя.

— Всё будет в порядке, если я уйду помочь маме на кухне с ужином?

Что я должна сказать? Я знала, что Эштон любит готовить и его еда сказочная.

— Конечно.

— Она будет в порядке, — заговорила Вероника, — мы не кусаемся.

Эштон покачал головой, проводя языком по своим белым зубам.

От воспоминаний, как этот язык касался моего в машине, колени начали подкашиваться.

— Я буду там, если понадобится, — он указал на двойные белые двери, ожидая моего ответа.

— Всё будет хорошо. Идите.

— Елена, садись рядом со мной. — Вероника повернулась к Малколму: — Ты нальёшь нам по бокалу «Шардоне»?

— Для вас, дамы, всё, что угодно. — Малколм тотчас направился за нашими напитками. Было нетрудно понять, где Эштон научился манерам. Это, должно быть, семейная черта.

Пока мужчина ухаживал за нами, я осознала, что Малколм не соответствует ни одной модели поведения, которые я представляла себе во время поездки сюда. С тех пор, как мы приехали, он был на редкость любезен со мной, но у меня возникло подозрение, что в глубине скрывался мужчина, с которым лучше не связываться. Он менял манеру поведения в зависимости от того, что хотел получить. Он защитит и отстоит то, что принадлежит ему, независимо от того, чего это будет стоить.

Не желая обидеть Веронику, я заняла место около неё.

— Сэмюэль, мне нужно просмотреть с тобой некоторые счета. — Я оглянулась на голос Миллера, наблюдая, как он поворачивается к Малколму. — Пап, мы можем воспользоваться твоим кабинетом?

— Конечно, — бросил тот из-за плеча. — Дайте мне закончить с напитками для дам, и я присоединюсь к вам.

Извинившись, Сэмюэль встал и пошёл за Миллером в другой коридор, как раз, когда вернулся Малколм и вручил нам наши бокалы.

— Спасибо, — сказала я и взяла бокал за ножку, счастливая, что у меня не трясутся руки. Я сказала Эштону, что в порядке, но это не значит, что нервы не напряжены до предела.

— Если вам понадобится что-то ещё, просто крикните.

Малколм повернулся и пошёл туда же, куда ушли его сын и свояк, оставляя меня наедине с Вероникой. Я сделала глоток вина, изо всех сил обдумывая, что сказать. К счастью, Вероника не была такой нерешительной.

— Итак, Елена, расскажи мне о себе.

— Я мало что могу рассказать о себе, — сделала ещё глоток. Сухой приятный вкус вина определённо привлекал меня. Я напомнила себе, что надо замедлиться. Будет не очень хорошо, если я опьянею.

— Я думаю, мы о многом можем поговорить.

Мои плечи ссутулились. Как много она знала?

— Предполагаю, вы говорили с Эштоном.

Она опустила руку на моё колено, мягко сжав, и тихо проговорила:

— Нет. Я говорила с братом. Он рассказал мне, что случилось во время игры, после которой ты осталась с Эштоном, но мне не нужно знать, чтобы увидеть тебя насквозь. Это легко заметить, если побывал на твоём месте.

Мой взгляд метнулся к ней, а глаза округлились.

— Мой муж словесно измывался надо мной на протяжении многих лет.

— Сэмюель? — мой голос слишком закрипел, и я поняла, что мои брови взлетели вверх.

Она засмеялась.

— О, Боже, нет. Этот человек и мухи не обидит. Сэмюель — мой второй муж. Мой первый муж был мудаком, который не мог контролировать приступы гнева, но мне потребовалось время, чтобы понять это.

Я покачала головой, чувствуя, что должна встать на защиту своего мужа.

— Доминик не имеет в виду то, что говорит.

— Нет, имеет. — Я вздрогнула от её прямолинейности, но она проигнорировала это и продолжила: — Он имеет в виду каждое слово, потому что это помогает ему контролировать тебя. Каждый раз, когда он унижает тебя, ты всё больше и больше веришь в дерьмо, которое он говорит. Ты волнуешься, что недостаточно хороша, что он достоин лучшего, чем ты можешь дать. И *бам!* Ты его рабыня. Знакомо что-то из сказанного?

Она не стесняется ударить по живому.

— Немного. Но я не его рабыня.

— О, нет? Не лги мне. Ты же знаешь, что всё это неправильно. Что тебе мешает признать это?

Не было никакого смысла пытаться отмахнуться. Возможно, Вероника какое-то время была в моём положении, но было понятно, что она больше не та женщина. Я сомневалась, что она примет что-то, кроме правды.

— Он единственный, кто хочет меня.

— Ты видела, как мои племянники смотрят на тебя? Особенно один?

— Эштон застрял со мной только потому, что мой муж задолжал ему денег и не может заплатить.

— Возможно, так вы познакомились, но поверь, когда я говорю, что этот мальчик хочет большего.

— Нет, не хочет.

Взяв прядь волос, я начала накручивать её на палец. Слова Вероники забегали у меня в голове, путая мысли, но я знала правду. Эштон не хотел меня. Он почти ясно сказал об этом в машине. Я отвела взгляд, раздумывая, не сошла ли я с ума. Рассказать об этом совершенно незнакомому человеку было безумием, но она должна была понять.

— Эштон целовал меня сегодня, но только мгновение. Потом отстранился. Извинился, и сказал, что не должен был этого делать.

Она застонала.

— Пожалуйста, скажи мне, что это не то, что он сказал?

— Это именно то.

— Хмм... — она постучала указательным пальцем по подбородку. — Он сказал, что *не должен был*?

— Да.

— Он не хочет пугать тебя, — пробормотала она в бокал, её глаза были сосредоточены на чём-то вдалеке.

— Но он сказал, что не должен был...

— Совершенно верно, *не должен* не значит, что *не хочет*. Есть огромная разница, Елена. Я знаю своего племянника и на свете очень мало вещей, которые он делает не хотя.

Это была интересная теория, но меня она не убедила.

— Возможно.

— Елена, Эштон позвонил мне потому, что хочет, чтобы я попробовала помочь тебе. Он знает, через что я прошла, и организовал этот ужин, чтобы мы могли поговорить.

— Он сказал мне, что хочет, чтобы я что-то узнала сегодня вечером.

— Да. Он хочет, чтобы ты поняла, что тебе не нужно жить с дерьмом, что ты лучше, чем он, и заслуживаешь хорошего отношения.

— Вы действительно думаете, что я могу найти лучшего?

— Конечно, можешь. Я думала так же, когда была с Дэвидом, но он был неправ. Малколм помог мне это понять. Теперь расскажи мне о своём муже, и я смогу показать тебе почему всё, что он говорит, неправильно. Это помогло мне избавиться от влияния Дэвида.

Потребовался ещё один бокал вина и немало времени, в течение которого, как я заметила, ни один из членов семьи не вернулся в комнату, но я рассказала Веронике всё о Доминике, включая причину, по которой мне пришлось остаться с Эштоном. Моё горло горело, пока я пыталась сдержать эмоции, но слёзы всё равно вырывались из глаз. Всё это время Вероника держала меня за руку, предлагала платок, когда слёз становилось слишком много, и не торопила, выжидая, когда я продолжу. Этот разговор стал освобождением, если не сказать большего. С каждым признанием я начинала видеть то, как жила, с кем позволяла себе жить. Проливая свет на события своей жизни, я начинала понимать, что упускала до этого момента. Эштон и Вероника были правы. Я не заслуживаю жизни с Домиником. Я — хороший человек. А он — нет. И самое большое моё прозрение?

Я достойна большего.

Глава 9.

Эштон

Я вышел из комнаты, зная, что Елена не догадывается, чего ей ожидать. Миллер и папа проинформированы, и я уверен, что они найдут причину покинуть комнату, прихватив с собой Сэмюеля. Тётя Вероника не станет вести себя сдержанно, когда дело касается жестоких мужчин. После того, как она вышвырнула Дэвида из своей жизни и вновь обрела себя, она использовала своё время и энергию для помощи женщинам, оказавшимся в той же ситуации, что и она когда-то. Если кто-то и мог помочь Елене, то только тётя Вероника.

Я толкнул двойные двери и обнаружил маму у плиты, с деревянной ложкой в руке и очками на макушке.

— Привет, дорогой, — она улыбнулась, взглянув через плечо. — Что ты здесь делаешь?

Сняв пиджак, я бросил его на один из стульев.

— Помогу тебе, пока тётя Вероника говорит с Еленой. — Я поднял крышку со сковородки, а она шлёпнула меня по руке. — Какого чёрта?

— Не используй эти выражения при мне, — мама взмахнула ложкой, и я увернулся. — Не трогай. Я почти закончила. Иди, поболтай с братом и отцом.

— Я не могу пойти туда, пока они разговаривают. К тому же, мне нравится помогать.

— Я знаю, но сегодня позволь мне сделать всё самой. Убедись, что для бедной девочки есть всё. Не думаю, что Веронике будет легко приблизиться к ней.

Я вздохнул.

— Она должна это услышать, мам.

Она положила свою руку на мою.

— И ей понадобится чьё-то плечо, чтобы выплакаться, когда она поймёт, что это всё неправильно.

Я потёр руки и прислонился бедром к шкафу, наблюдая за

маминой магией. Эта женщина действительно была гением на кухне. От ароматов, благоухающих от той еды, что она приготовила, мой рот наполнялся слюной, но я держал дистанцию. Не хочу заработать ещё один шлепок. Мы болтали обо всём, пока я не замолчал. Мама остановилась и посмотрела на меня, ожидая, пока я перестроюсь.

— Как ты думаешь, тётя Вероника может сотворить чудо?

Моя мама была чрезвычайно честной.

— Нет. Ты, наверное, собираешься пойти и помочь, но Вероника заставит её увидеть правду, — она указала на дверь ложкой. — Теперь иди.

Рассмеявшись, я поцеловал её в щёку и быстро, чтобы она не успела шлёпнуть меня, схватил пиджак и перебросил его через плечо. Секунду я подумывал вернуться в гостиную, затем понял, что мне надо позволить тёте Веронике сделать всё, что она сможет. Не желая прерывать разговор, я отвернулся от гостиной и пошёл в кабинет отца.

Голос Миллера был слышен уже в коридоре. Когда я открыл дверь, они все сидели с выпивкой в руках. Папа передал стакан мне в ту же секунду, как только дверь за мной закрылась.

— Подумал, тебе это понадобится.

Сев рядом с Миллером на диван, я принялся отпивать виски маленькими глотками, позволяя ему обжигать моё горло и спускаться вниз.

— Почему ты это сказал?

Он усмехнулся.

— После того, что Ронни сделает и скажет, у тебя на руках будет плачущая женщина.

Мои глаза метнулись к двери и обратно. Стремление выйти и подслушать почти пересилило, но я поборол его, и потому сменил тему.

— Пап, почему, чёрт побери, ты хотел, чтобы я взял с собой Елену на игру в прошлый четверг?

Он сел за стол и наклонился над столешницей.

— По той же причине, почему ты хочешь выбежать отсюда и

проверить её.

— Я не хочу...

— Чёрт побери, Эштон, не пускай мне дым в глаза. В первый же день, когда ты появился здесь, чтобы рассказать о ней, я мог сказать наверняка, что ты хочешь её.

— Чёрт, я *хочу её*. Она чертовски сексуальна. — Жила на лбу Миллера начала пульсировать, а образы его рядом с Еленой пробежали у меня перед глазами.

Чёрта с два!

Папа указал пальцем на Миллера.

— Ты, брось это. Я знаю, что ты ничего не сделаешь, но сейчас твой брат думает о том, как вбить твою задницу в землю.

Миллер поднял руки в знак капитуляции.

— Чувак, ты не можешь винить меня за то, что я обратил на неё внимание. Святой ад, я ведь раньше её никогда не видел.

Слов, слетевших с языка Миллера, мне было достаточно. Я ударил его по руке, заставляя пролить напиток на брюки.

— Осторожнее, придурок.

Папа покачал головой.

— Я предупреждал тебя, Миллер. Теперь иди и просушись в ванной.

Ворча, он встал и вышел из кабинета. С ним ушёл и его остроумный рот, и напряжение наконец-то спало с моих плеч.

— Ты всё ещё не ответил на мой вопрос. Если ты хотел видеть нас, зачем тогда приводить её со мной, чтобы она увидела, чем мы занимаемся? Думаю, ей хватило того, что она оказалась здесь, да и появление Деррика Рейнольдса в ту ночь не очень-то помогло. — Я наклонился вперёд, отодвинул бокал и сложил ладони перед собой.

Папа откинулся на спинку стула.

— Нет, она увидела небольшой просвет. Если ты хочешь, чтобы она осталась, она должна знать обо всём. Я твёрдо верю, что ваша мама и я не пробыли бы вместе так долго, если бы она не знала, чем я занимаюсь, с самого первого дня. Я никогда и ничего не скрывал от

неё.

— Поверь мне. Она видела достаточно.

— Она видела, что платёж прошёл гладко?

Зная, о чём он спрашивает, я решил проигнорировать этот вопрос и застонал.

— Почему все думают, что я хочу эту женщину? У неё за плечами достаточно «багажа», чтобы заполнить самолёт.

— Но ты всё равно хочешь её, — пропищал Сэмюель. Он сидел так тихо, что я забыл про него. — Так же, как я хотел Веронику.

— Да, но тётя Вероника ушла от Дэвида, и прошли годы, прежде чем ты её встретил.

Он опрокинул в себя остатки напитка и покачал головой.

— Это не значит, что мой опыт чем-то отличается. Я усердно работал, чтобы заслужить её доверие. Доказывал, что хочу её такой, какой она есть. Только тогда я добился своей цели.

Мои глаза снова вернулись к двери.

— Иди, проверь её, — папа указал на дверь. — Мы договорим позже.

Я поднялся прежде, чем он закончил предложение. Добравшись до гостиной, я прислушался. Не знаю, что я надеялся услышать, но в комнате было тихо. Я завернул за угол и, увидев слёзы на лице Елены, сжал кулаки. Незнакомое чувство полностью завладело мной, я мог слышать кровь, бегущую в моём теле. Я пересёк комнату, мои глаза были сосредоточены на тёте Веронике.

— Что ты сказала ей?

— Всё, что ей нужно было услышать.

Взяв Елену за руку, я поднял её с дивана, и, не давая возможности отказаться, повёл по коридору в мою старую комнату. Интерьер не сильно изменился с тех пор, когда я жил здесь: мама оставила всё так же, как было, на случай если я решу остаться в городе. Осторожно толкнув Елену на кровать, я сел рядом. Обхватил её лицо руками, подушечками больших пальцев вытер мокрые следы под глазами.

— Поговори со мной.

Она сделала вздох.

— Всё, что я когда-либо знала, было одной гигантской ложью.

— Ложью?

— Да. Он никогда не любил меня, только хотел использовать.

Аллилуйя, блядь.

— Это то, что я пытался сказать тебе.

— Я знаю, но вы уже ненавидели Доминика. Сейчас только хуже, потому что, возможно, Вероника права. Возможно, я заслуживаю лучшего.

— Чёрт возьми, блядь, да, заслуживаешь.

Я не был уверен, верно ли поступаю, но я чувствовал, что это самое правильное в данный момент. Приподняв её лицо за подбородок, я захватил её губы своими, и вложил всё, что чувствовал к ней, в поцелуй. Её губы были солёными от слёз, но невероятно мягкими. Наш предыдущий поцелуй прокручивался в моём разуме, и я руководствовался собственным убеждением о том, что только воображаю насколько прекрасно чувствовать её губы снова.

Я ошибался.

Она растворилась в поцелуе, и я потерял контроль, наклоня её голову руками, мой язык проник в её рот, поглощая. Низкий стон вырвался из её горла, и звук был настолько неожиданным, что сквозь меня прошёл разряд, делая мой член твёрдым за секунды. Моё тело просто закричало, а руки начали двигаться по своей собственной воле в поисках большего. Они пробежали верх по её бедрам, чувствуя, как мышцы дрожат под моими прикосновениями, и только когда мои пальцы попали под шелковистую ткань её платья, двигаясь вверх и в сторону под ним, я поймал себя на мысли: *«Это неправильно. Это слишком быстро. Слишком рано»*.

Убрав руки, я поднял голову и прислонился своим лбом к её, мы оба тяжело дышали.

— Ты абсолютно чертовски великолепна. Ты заслужила мир на блюдечке, и я не хочу ничего больше, кроме как показать тебе, насколько он может быть хорош, но мы не можем сделать это прямо

сейчас.

Она откинулась назад, оглядываясь по сторонам и осматривая комнату. Я знал, как она себя чувствует, потому что, когда я поцеловал её, всё остальное для меня перестало существовать.

— Боже мой, — прошептала она, прикрыв рот рукой, и панический взгляд, который так часто омрачал её черты, когда она только начала жить у меня, вернулся в её глаза. Я не мог позволить ей уйти. Не тогда, когда мы достигли такого прогресса. Отняв руку от её губ, я встал и потянул её за собой, притягивая ближе к себе. Почувствовал тепло, исходящее от неё. Но моя семья, наверное, обеспокоена тем, как она себя чувствует. Они дают нам уединиться, да, но прежде чем что-либо произойдёт дальше между мной и Еленой, нам надо поговорить. А этого не случится, если хоть кто-нибудь будет рядом.

— Давай пойдём, поедим. Мы можем поговорить об этом по дороге домой.

Держа её за руку, я вывел нас из комнаты. Аромат приготовленной мамой пищи наполнял дом, и пахло так великолепно, что мой желудок заурчал, когда мы вернулись в гостиную. Как только мы вошли, все обернулись к нам. В то время, как папа и Миллер делали вид, что о чём-то разговаривают, Сэмюэль пролистывал газету, а тётя Вероника смотрела, как я помогаю Елене сесть на стул. Она взяла свой бокал с вином, прежде чем схватить меня за бицепс и приблизиться губами к моему уху.

— Эштон, можно переговорить с тобой секунду?

Я зажал губу между зубами и прикусил. Было страшно снова оставлять Елену. Давать ей пространство, чтобы всё обдумать, было опасно. Чем больше времени она будет проводить наедине с собой, тем легче ей будет отступить. Но я знал, что тётя Вероника не попросила, если бы это не было важно. Я повернулся к Елене.

— С тобой всё будет в порядке?

Она взволновано улыбнулась.

— Конечно.

— Вернусь через минуту. — Мне было не по себе. В конце

концов, это был уже второй раз, когда я оставляю её одну с тех пор, как мы приехали. Я позволил тётё Веронике вывести меня из комнаты. Когда мы вышли, она указала на стул.

— Сядь.

Внезапно я почувствовал себя на месте клиентов моего отца. Моя тётя уставилась на меня твёрдым взглядом. Существовал правильный и неправильный подход к ней. Если бы я начал кричать, я безо всяких сомнений получил бы по заднице. С другой стороны, я не собирался разбираться с её чушью. Злиться на неё было совершенно неразумно, ведь сделала она именно то, о чём я просил. Но, стоило мне увидеть, как сильно была расстроена Елена, мне пришлось приложить немало усилий, чтобы взять над собой контроль. Скрестив руки на груди, я остановился как вкопанный, наблюдая за ней и ожидая объяснений, почему это так важно. Тишина длилась недолго.

— Что ты хочешь? — тон моего голоса был резким, и где-то в голове я понимал, что она не заслуживает этого, но все мои мысли были сосредоточены на Елене. Я хотел покончить с этим как можно быстрее.

— Не начинай, Эштон. Мы с тобой немного поговорим о Елене. Поэтому сядь. — Теперь она указала на диван, а потом на меня и подняла бровь. Она не заговорила снова, и во мне выросло разочарование.

— Ты выглядишь смешно. Я возвращаюсь.

— Ты никогда не получишь её, если не послушаешь меня, — сказала она мне в спину, и я остановился на полушаге.

Это был удар по яйцам. Если я хотел увидеть Елену в своей постели, я должен был понять, что держало её рядом с Толли. Чтобы сделать это, у меня было два выхода: длинный путь, где я выкладывал весь фундамент сам; или короткий, где я слушаю всё, что знает тётя Вероника, и использую это в свою пользу. Я остановился на последнем. Отец был прав: три месяца — слишком мало времени. Возможно, был толк в разговоре с тётёй. Я повернулся обратно и поднял подбородок.

— Я весь во внимании.

Её глаза метнулись к дивану, потом на меня. Упрямый характер. Если я хочу знать, то должен играть по её правилам. Я сел на диван, и

она села напротив меня, сжимая бокал в руке.

— Что ты делал для Елены с тех пор, как она с тобой?

Станный вопрос.

— Я отправил её в SPA, водил на ужин...

— Когда ты водил её на ужин, ты упомянул что-нибудь о том, как она выглядит?

Закатив глаза, я сказал:

— Да, я сказал ей, что она выглядит великолепно.

— И всё?

— Господи Боже, — я начал вставать. — Что ещё я должен был сказать? Она выглядела прекрасно, я сказал об этом.

— Ты сказал, что хочешь её? — она нанесла встречный удар, и моя голова повернулась к ней.

— Я что?

Она усмехнулась и опустила руку на мою ногу, толкая меня к спинке дивана. Она сделала паузу и сделала глоток вина.

— Ну?

— Ты такой бестолковый. Все в доме поняли это, как только вы вошли в дверь. Ты хочешь Елену, и, если тебе нужна моя помощь, чтобы получить её, тебе лучше удержать свою задницу на этом диване и послушать.

— Ты понимаешь, что существует не так много людей, у которых есть яйца, чтобы разговаривать так со мной, верно?

— Прекрати своё дерьмо, Эштон. Я училась у лучших. Ты думаешь, твой отец хорош в обычных делах большого плохого парня? Ха! Я училась у вашего деда. Вот он был человеком, который никогда и ни от кого не станет слушать дерьмо. Дэвиду повезло, что папа скончался до того, как мы поженились. Теперь оставайся там, где сидишь, и не вставай, пока я не скажу.

Я откинулся на спинку дивана, ожидая дальнейших пояснений, моё молчание говорило красноречивее всяких слов. Когда она удовлетворилась им, то продолжила:

— А теперь вернёмся к моему вопросу, на который ты не

ответил. Ты говорил ей, что хочешь её?

Я вздохнул и поднял глаза к потолку.

— Нет. Если она хочет быть в моей постели, то она окажется там потому, что хочет этого, а не потому, что делает это из-за долга мужа.

— Для умного парня, ты можешь быть абсолютным идиотом.

— Что? — проворчал я.

— Сегодня чуть ранее ты сказал ей, что считаешь поцелуй с ней ошибкой.

— Я не говорил, — ответил я быстро.

Её брови поднялись.

— Да неужели? Это не то, что сказала мне Елена.

Я потряс головой, ломая мозг и вспоминая точную фразу.

— Я думаю, что сказал... дерьмо. — Мои глаза сосредоточились на ней. — Я сказал: *«мне не стоило делать этого»*. Но это не то, что я имел виду.

— Неважно, Эштон. Ты должен помнить, что последние пять лет она слышала, что непривлекательна, что ни один человек, кроме мужа, никогда не захочет её. Ты отстранился и сказал, что тебе не стоило делать этого, только подтвердив, что её муж говорил правду.

— Дерьмо. Блядь!

Моя голова пульсировала от этой дискуссии. Было так много вещей, которые я не мог сделать, или тех, что должен был сделать. Это было похоже на минное поле. Одно было ясно: подонок заплатит за всё, что сделал с Еленой.

— Я знаю, — она улыбнулась. — Ты можешь помочь ей больше, чем думаешь. Я понимаю ход твоих мыслей.

Тётя Вероника не до конца понимала в чём главная проблема. Если бы она знала мои вкусы, то, возможно, поняла бы мою осторожность. Елена уже через многое прошла, могу ли я реально подвергнуть её ещё более большому испытанию? Сможет ли она смириться с тем, от чего я получаю удовольствие?

— Ты должен показать ей, что она желанна. Я не знаю о муже Елены, но Дэвид зачастую редко выражал любовь. Подойди к ней,

дотронься до неё, и не просто скажи ей, что она красивая, а покажи ей это. Ты хочешь, чтобы она была достаточно сильной, чтобы выбрать твою постель, значит, заставь её почувствовать, что она может крепко стоять на ногах. Она сидит весь день в твоём доме, ничего не делая, не так ли?

— У неё была достаточно трудная работа.

— И когда три месяца истекут, куда она пойдёт? Что будет делать?

— Я не думал об этом.

По правде говоря, я не хотел этого. Время с Еленой восстанавливало силы, но не было тем к чему я привык. Она умна и остроумна. Это ещё не всё: я был другим с ней. Человеком, которым всегда хотел быть. Она может быть сексуальной, как дьявол, но она не была пустышкой, как многие женщины, которых я встречал на протяжении долгих лет. Время, что нам предстояло провести вместе, стало казалось слишком коротким. Я не хотел, чтобы оно заканчивалось.

Тётя Вероника смотрела на меня, и, казалось, прекрасно слышала мои мысли. Она поняла, о чём я думаю.

— Елена никогда не бросит Доминика, если не почувствует, что может делать что-то самостоятельно. Она сказала, что познакомилась со своим мужем в старшей школе. Ты знаешь, что она изучала?

— Она говорила, что театр.

Глаза тёти Вероники вспыхнули.

— Ах, так умеешь ухаживать за женщинами, когда захочешь. У тебя должны быть связи в театральном бизнесе. Или готова поспорить, твоему отцу кто-нибудь задолжал услугу.

— Я точно знаю, кому позвонить.

Алан должен мне несколько услуг. После всего, что я сделал для него в течение нескольких лет, прослушивание для Елены не будет большим делом.

Она встала с пустым бокалом в руке и направилась к двери, придерживав её открытой для меня, тихо сказала:

— Позвони. Я думаю, после этого всё встанет на свои места.

Я наклонился, чтобы поцеловать её в щёку, и она обняла меня за талию. Для такой маленькой женщины, она чертовски сильно это сделала.

— О, и в следующий раз, когда поцелуешь бедную девушку, не говори, что это было ошибкой.

Я снова улыбнулся ей в волосы, зная, что я наконец *что-то* сделал правильно.

— На один шаг впереди тебя.

— О, я знаю. Не думай, что мы, женщины, не можем заметить румянец на щеках. — Она подмигнула. — Теперь шевели задницей. Время покушать.

— Спасибо.

Она улыбнулась и прошла в столовую.

Блядь. Что за ночь? Я задержался позади, чтобы обдумать всё, что только что услышал, и собраться с мыслями, решая, в каком направлении двигаться дальше. Я направился к бару и налил бокал Glen Livet, нуждаясь в чём-то, что поможет всему дерьму улечься в моей голове. Первый глоток всегда обжигал, спускаясь по горлу. Второй успокаивал и помогал начать разрабатывать план. Даже если я никогда не трахну Елену, по крайней мере, я могу помочь ей уйти от этого мудака.

— Эштон!

Меня позвали из столовой. Насколько я знал свою мать, она уже достала замечательное вино для ужина. Я потащился по коридору и нашёл всех за столом, бокалы наполнены, взгляды обращены на меня. Оставляя свои мысли, я сел рядом с Еленой, которая выглядела лучше. Она взяла бокал, стоящий напротив неё, и сделала глоток. Я надеялся, что моя семья не заставила её делать это, и решил, что выясню, о чём они разговаривали в моё отсутствие, по дороге домой.

Домой. Как быстро я стал называть свою обитель и её домом тоже. Я уже не впервые размышляю о скорости, с которой мы влились в рутину, и допускаю, что приятно возвращаться в конце долгого дня домой, где тебя кто-то ждёт.

— Всё в порядке? — прошептала Елена.

Глаза цвета расплавленного шоколада смотрели на меня из-под

длинных чёрных ресниц, и Елена наморщила нос. Даже заботливый взгляд у неё получался сексуальным. Я взял её руку под столом, сплетая наши пальцы. Я чувствовал, как тепло расплзается там, где наши руки соприкасаются, и как оно приближается к моей груди.

— Всё отлично. Давай насладимся ужином.

Краем глаза я заметил, что тётя Вероника наблюдает за нами. Она не выглядела спокойной, как я надеялся. У неё на уме было что-то ещё. Что бы там ни было, она сдерживала это в себе, и вокруг нас завязалась беседа, центром которой по большей части была Елена.

Мама произвела фурор: эта женщина могла бы и моллюска разговорить несколькими простыми вопросами. Она опустила вопросы о муже Елены или нашей договорённости в настоящее время, подбирая вопросы о детстве, вещах, которые она любит, её любимых воспоминаниях. Я думал, что Елена слишком застенчива для ответов, но она излучала свет, рассказывая историю о своём первом прослушивании. Она не говорила много о родителях, но это не удивило меня. Если Доминик был так похож на Дэвида, то, скорее всего, он предпочёл изолировать её от семьи. Намного проще заставить её потакать ему без вмешательства извне.

В конце концов, настало время прощаться. Тётя Вероника крепко обняла Елену и заставила её пообещать позвонить ей, если она захочет поговорить. Елене, казалось, понравилась эта перспектива, и они обменялись номерами. Наконец-то после нескольких попыток, мы вернулись в машину и отправились домой.

— Тебе понравился ужин? — Я начал с обычного разговора, в котором обычно лажал, но мои возможности были ограничены. Пока у меня был план, я собирался следовать ему, и после поцелуя в спальне я не знал, что ей сказать, чтобы у неё не создалось ложное впечатление. Было нелегко сосредоточиться. Всего лишь мысль о том, как её рот сливался с моим, заставляла меня незаметно поправлять штаны, что тяжелее, чем вы думаете, учитывая моё нахождение за рулем.

Елена по пути домой говорила больше, чем я когда-либо слышал.

— Твоя семья чудесная, — она сделала паузу, и в её голосе послышались печальные нотки, когда она прошептала: — Это заставило меня скучать по моим родителям.

Как я и подозревал.

— Когда ты в последний раз говорила с ними?

Я удерживал взгляд на дороге, боясь, что если увижу, как она плачет, то возьму её на руки и в конечном итоге разобью чёртову машину. Она молчала, и я подумал, что Елена проигнорирует вопрос, пока она не заговорила:

— Когда мы с Домиником сказали им, что поженились, они были не очень рады. Доминик подумал, что, возможно, для нас будет лучше поискать работу в другом штате.

— Ты не говорила с ними после этого?

Краем глаза я видел, как она ёрзает на сиденье, пальцы сжимаются на сумке, теребя застёжку.

— Доминик говорил, что если бы они всё ещё думали обо мне, то писали бы сообщения. Мы не могли позволить себе вернуться обратно.

Я услышал хлюпанье носом и убрал руку с руля, чтобы положить на её колено.

— Мне жаль. Может, тебе попробовать снова?

Она невесело рассмеялась. Я почувствовал резкую боль в левой части груди.

— Да, уверена, что они поймут всё это.

Я никогда не слышал, чтобы Елена язвила, и ей это не шло.

— Я не имел в виду рассказать им обо всём этом. Держу пари, они не пропустят сообщение от тебя.

— Не знаю. Возможно.

После этого в машине повисла тишина. Я знал, что обещал себе поговорить с ней о поцелуе, но опустил тему и продолжил поездку. Когда мы, наконец, вошли в дом, она заскользила взглядом по комнате, рассматривая всё, лишь бы не смотреть на меня. Обхватив её лицо, я поднял его так, чтобы она посмотрела на меня, и заметил, что её радужки почти незаметны из-за расширенных зрачков.

— Расслабься, Елена. — Я поцеловал её в лоб. — Сегодняшний день был утомительным, и завтра тебя ждёт нечто грандиозное.

— Грандиозное?

— Увидишь. Теперь почему бы тебе не подняться и не пойти спать?

Она кивнула, но прежде, чем успела выйти из зоны моей досягаемости, я наклонил голову и опустил свои губы на её, снова не в силах сопротивляться. Когда она не отпрянула, я стал смелее и ударил языком по её губам, надеясь, что она впустит меня. И она не разочаровала меня. Я брал, и она давала, прикосновение наших ртов посылало горячее желание по моим венам. Когда потребность в воздухе затмила всё остальное, я отстранился, задыхаясь, и если неровное дыхание в её груди говорило о чём-то... То она отозвалась на поцелуй так же, как и я.

Взяв её руки, я переплёл наши пальцы вместе, внимательно наблюдая за тем, как она начала закрываться у меня на глазах.

— Я могу только догадываться, почему ты смотришь так, будто сделала что-то не то. Если ты чувствуешь, что это измена, то это не так. Во-первых, твой муж разрешил тебе, и как бы неправильно это не звучало, это всё-таки разрешение. Во-вторых, ты заслужила мужчину в миллион раз лучшее, чем он. — Я наклонился, чтобы прошептать ей на ухо:— В-третьих, никогда не сомневайся в том, что я захотел тебя в ту же секунду, как только увидел.

Её лицо смягчилось, но не расслабилось.

— Спасибо тебе за всё, Эштон. — Она отошла от меня. — Увидимся утром.

Елена практически побежала вверх по лестнице, и в тот момент, пока я наблюдал за тем, как она уходит, меня окатило разочарованием. Если бы она осталось, то весь мой контроль исчез бы. Я бы никогда не заставил её сделать что-либо, чего она не хочет. Если бы она решила пересечь эту черту, мы бы сделали это на её условиях. Не то чтобы я попытался переубедить её. Надеюсь, она сможет справиться с тем, что я приготовил для неё. Принимая во внимание то, что я узнал о её муже, с моей стороны не будет высокомерием заявить, что я могу доставить ей такое удовольствие, которое она никогда не получала, и надо полагать, не чувствовала прежде.

Достав телефон из кармана, я отправился в свою комнату, чтобы позвонить Алану и организовать прослушивание. После этого мне был необходим холодный душ. Я начинал чувствовать себя

полярным медведем, но я должен был использовать его для снятия напряжения, и мне определённо не нужен синдром синих яиц на всю ночь. И хотя сегодняшний день не закончился так, как я, возможно, надеялся, он прошёл успешно в другом отношении. И одно сегодня вечером я понял наверняка: неважно сколько времени понадобится, Елена станет даже лучше, чем ожидалось.

Глава 10.

Елена

Мои губы покалывало, а пальцы прикасались к опухшей коже, когда я поднималась по лестнице в свою комнату. Не знаю, как Эштону так легко удалось прочесть меня, но он попал в самую точку: маленькая частичка меня чувствовала, что я обманываю Доминика. Одновременно с тем, что я не придавала этому значения, меня волновало и то, с какой лёгкостью я могла игнорировать тот факт, что была замужней женщиной и всё равно падала в руки другого мужчины.

Снимая платье, я вспоминала, как ощущались прикосновения Эштона. Такого прикосновения я никогда прежде не чувствовала, и, вероятно, не почувствую снова. Это было не просто притяжение. Его руки на мне ощущались тёплыми. Успокаивающими.

Когда я была готова лечь в кровать, то прокрутила в голове весь разговор с Вероникой. Удивительно, что она оказалась в той же ситуации, что и я. Она казалась очень сильной, и я задавалась вопросом, смогу ли однажды стать такой же. Чем больше я думала об этом, тем больше видела, как права она была. Доминик не заслуживал меня. Он просто хотел, чтобы я ухаживала за ним.

Прикосновения Эштона ко мне были настолько непохожи на прикосновения Доминика, что, казалось, я испытываю всё впервые. Например, он поцеловал меня. Доминик избегал поцелуев со мной годами, просто используя моё тело для своего удовольствия. Поцелуи требовали слишком много времени, слишком много усилий. Доминик знал, как сильно мне нравилось целоваться, и если бы он делал это, то он бы заботился о моём удовольствии так же, как о своём, а это не входило в его планы. Моя грудь набухла, когда я думала о том, как Эштон целовал меня. Для него дело было не только в губах; он ласкал и моё лицо, и тело, заставляя изобилие ощущений трепетать в каждом нерве, пока у меня не оставалось выбора, кроме как полностью потеряться. Его поцелуй не был просто поцелуем. Это был опыт, который я бы с удовольствием повторила. И его слова ко мне всегда были такими вежливыми. За то время, что я провела с ним, я узнала, что Эштон не тот мужчина, который станет разбрасываться комплиментами. Он всегда всё говорил прямолинейно, и его слова

всегда означали именно то, что он хотел сказать. Слова он подтверждал действиями, поэтому так легко поверить, что наш поцелуй в машине не был ошибкой.

Но он был нежным. Если я правильно поняла Эштона, то он не сердился и не выходил из себя. Он нашёл время, чтобы объяснить, что имел в виду, и не заставил меня чувствовать себя глупо. Весь вечер я чувствовала себя сбитой с толку. С одной стороны, у меня был один из лучших поцелуев в моей жизни. С другой — я начинала понимать, сколько пропустила за года, проведённые с Домиником. Эта мысль подавляла, если не сказать большего.

Я скользнула под прохладные простыни, и после основательно изматывающей суматохи сегодня вечером, закрыла глаза и поприветствовала ощущение сонливости, которое охватило меня. Было больно говорить о Доминике, но я чувствовала себя лучше после этого, и это, должно быть, шаг в правильном направлении.

Я как раз собиралась заснуть, когда слова Эштона всплыли в голове. *«Завтра? Завтра тебя ждёт нечто грандиозное»*. Я понятия не имела, о чём он говорил. Слишком устав, чтобы терзаться догадками, я решила спросить его утром, и заснула, позволяя мечтам об Эштоне и всём том, что, я надеялась, он сделает со мной, всплывать в моей голове.

Я подалась на мягкую ласку. Прекрасное ощущение тепла на лице разбудило меня. Хотелось вновь и вновь чувствовать это прикосновение. Оно успокаивало. Жажда продолжения сна, я скрутилась клубочком поближе к теплу, мои губы приоткрылись, и из них вырвался маленький вздох. Мужское хихиканье эхом разнеслось по комнате.

— Елена, — прошептал он, — пора вставать.

Я позволила векам с трепетом открыться, и взглянув перед собой, мне захотелось застонать, но, слава Богу, я сдержалась.

— Эштон?

— Просыпайся, соня. Я говорил тебе, что у тебя сегодня

большой день.

Я заёрзала, чтобы сесть, и почувствовала плавное скольжение шёлка по хлопку. Персональный ассистент Эштона настояла на шёлковых ночных сорочках и кружевных трусиках — ночных сорочках и трусиках, по которым Эштон, несомненно, скользнёт взглядом, сдвинь я простынь ниже. Подтягивая одеяло вверх, чтобы прикрыть грудь, я уселась на подушки и посмотрела, пока его глаза уставились на край простыни, а язык увлажнил нижнюю губу.

— Что за большой день? — спросила я, пытаюсь перевести его внимание на свои глаза.

Взгляд Эштона вернулся к моему лицу, но глаза смотрели лениво, а выражение лица было пустым.

— Что?

— Большой день? Может, расскажешь некоторые детали?

— О, точно, — он покачал головой, снова глядя на меня, и его низкий голос послал дрожь по спине, когда он произнёс: — Елена, твоё тело может заставить любого мужчину потерять концентрацию. — Его глаза метались вверх и вниз, а мурашки перебрались со спины к месту между ног. Я инстинктивно сжала бёдра. — Это сюрприз, но я выбрал одежду для тебя, и Льюис заедет за тобой в час, чтобы отвезти туда.

Мои глаза сузились.

— Ты не хочешь сказать мне, куда я собираюсь, но хочешь, чтобы я доверяла тебе?

— Да. Я никогда не давал тебе повода усомниться во мне.

Его палец приподнял мой подбородок, невысокий командный тон его голоса словно искры тлеющего угля в моём животе.

— Хорошо. Тебе лучше не подводить меня.

Эштон одобрительно улыбнулся.

— Дерзишь. Это хорошо.

Мои щёки, должно быть, обрели ярко-красный цвет. Месяц назад я бы никогда не подумала, что буду разговаривать с человеком таким образом. Эштон так сильно меняет мою жизнь.

— Почему не ты отвезёшь меня?

Его глаза помрачнели.

— У меня есть кое-какие дела, о которых нужно позаботиться, но я вернусь позже и отвезу тебя на ужин.

Предполагаю, что кое-какие дела не имеют ничего общего с рестораном, так что, проигнорировав желание задать дополнительные вопросы, я продолжила нечто другое, что крутилось в моей голове:

— Спасибо. Я с удовольствием схожу на ужин ещё раз.

Посмотрев на часы, Эштон встал и застегнул пиджак.

— Мне надо идти. Помни, наслаждайся, — он наклонился, украв быстрый поцелуй до того, как встать и выйти из комнаты.

Я прикоснулась к губам, ощущая ожог от задержавшегося тепла его рта. Каждый раз, когда Эштон касался меня, я превращалась в большую кучу каши. Что-то в этом мужчине пробуждало во мне давно забытые ощущения. Со вздохом я встала с кровати на трясущихся ногах. Интересно, буду ли я в состоянии стоять после нескольких раундов под Эштоном?

Откуда появились такие мысли?

Мой мозг застрял на сексе, что было необычно, потому что секс был чем-то, чего я никогда не желала. Так было не всегда, но годы с эгоистичным Домиником взяли своё. Он никогда не находил время, чтобы подготовить меня, поэтому секс обычно приносил боль, и в конце я чувствовала себя, как реальная надувная кукла. Но сейчас? Теперь мой мозг не мог остановиться, придумывая картинки с обнажённым Эштоном, касающимся каждой части моего тела, заставляя меня кричать его имя.

Я пошла в ванную, чтобы подготовиться, ожидание было не единственным, что вызывала головокружение. У меня был только час, чтобы подготовиться для Бог знает чего. Оставленная в ванной одежда ещё больше сбивала меня с толку. На столешнице лежала пара симпатичных джинсов, босоножки на каблуках и ультрамодная футболка. Куда он отправлял меня, если нужна была такая обычная одежда? Я вошла в душ и к тому времени, как закончила, идеи не появились.

Макияж стал моей следующей дилеммой. Я решила остановить

свой выбор на чём-то светлом, и у меня даже осталось время на завтрак. Когда я спускалась вниз, мой желудок издал урчание, которое стало только громче, когда я услышала стук в дверь.

Пришло время выяснить, что задумал Эштон.

Собрав деньги и ключи, я обнаружила Льюиса, ждущего меня около внедорожника, который я никогда не видела раньше, задняя дверь открыта в ожидании, когда же я сяду.

Я улыбнулась ему.

— Сегодня другая машина?

Он засмеялся.

— Мистер Хоуз сегодня на Бентли.

— А это что?

— BMW, миссис Толли.

Я села в машину.

— Спасибо, Льюис.

Он кивнул.

— Садитесь и наслаждайтесь поездкой. Дорога не займёт много времени.

Я должна была спросить.

— Сколько у Эштона машин?

— Четыре, в том числе и джип для езды по бездорожью.

— Интересно. — Четыре машины для одного человека по сравнению с нашей одной на двоих.

На протяжении всей дороги я держала руки на коленях, чтобы остановить их дрожь. Мой разум блуждал туда-сюда, и обратно. Всё началось с догадок, куда Эштон мог отправить меня, которые привели к воспоминаниям о вчерашней ночи и губах Эштона на моих. Как и ранее, от каждого воспоминания становилось всё труднее и труднее сосредоточиться на чём-то ещё. Я так сконцентрировалась на том, как мы переживём нашу встречу вечером, что испугалась, когда Льюис открыл дверь. Я даже не заметила, как автомобиль остановился.

— Мы на месте, — он подал руку, чтобы помочь мне выйти из машины, и хорошо, потому что я не привыкла ходить на каблуках.

Я вышла и осмотрелась вокруг, пытаюсь сориентироваться. Когда мы с Домиником переехали, я проводила большую часть времени на работе. У меня было очень мало времени для исследования города и большинство мест казались новыми и незнакомыми. Льюис протянул ко мне руку, на ладони лежал телефон.

— Мистер Хоуз хотел, чтобы у вас было это, в случае, если вам понадобится связаться с ним.

Каждый раз, когда Эштон дарил мне подарок, мне было сложно назвать его ростовщиком, человеком, который причинял людям боль, когда они не платили свои долги. Казалось, что его характер походил на Джекила и Хайда. Но какой бы страшной не была его другая сторона характера, я знала, что Эштон не причинит мне боли. Не знаю, *откуда*, но знала. Просто знала.

Взяв телефон, я положила его в сумку, не желая потерять.

— Спасибо, Льюис. Во сколько вы вернётесь?

— Я буду ждать вас, миссис Толли. Внутри вы найдёте Алана Триндола. У вас встреча с ним через пятнадцать минут. Он знает, что вы придёте.

— Хорошо.

Слово слетело с моего языка, замешательство было более, чем очевидным. Учитывая, что бабочки, которые поселились в моём животе, сейчас бомбардировали мои внутренности, я была удивлена, что сумела оставаться на ногах.

— Я буду ждать вас здесь.

— Спасибо.

Каждый новый шаг действовал на нервы, как и предыдущий. Я понятия не имела, что обнаружу за дверью впереди. Толкнув дверь с тонированным стеклом, я оказалась в длинном белом коридоре по обе стороны которого располагались двери, плюс две пары двойных дверей находились в конце коридора. Когда я подошла к первой, открылась следующая, и вышел мужчина с длинными тёмными волосами, собранными в низкий хвост.

— Елена Толли? — спросил он.

Я огляделась вокруг, пытаюсь понять, что вообще происходит. Он улыбнулся и протянул руку.

— Алан Триндол. Эштон сказал, что ты специализировалась на театре.

Я взяла его за руку и пожала.

— Да, но я не понимаю.

— Эштон не рассказал тебе, почему ты здесь?

Покачивая головой, я призналась:

— Я даже не знаю, где это *здесь*. Меня привезли.

Он усмехнулся и покачал головой, но я так и не поняла, о чём он со мной говорил.

— Как человек, он мешок с дерьмом. К счастью, ты пришла раньше. Следуй за мной.

Алан прошёл по коридору, и я последовала за ним так быстро, как могли мне позволить мои ноги. Мужчина открыл дверь примерно посередине коридора. Внутри стояло фортепиано и шкатулки с музыкальными нотами.

— Вы не против, рассказать мне, что я здесь делаю?

Он порылся в шкатулке, одновременно отвечая:

— Эштон устроил прослушивание для тебя на один из мюзиклов, которые мы ставим. «*Sondheim on Sondheim*».

О, Боже!

Моя рука взлетела ко рту.

— Я не готовилась.

— Теперь ты понимаешь, почему я рад, что ты пришла раньше. Альт или сопрано?

— Сопрано.

Алан вытащил лист с нотами и сел за фортепиано. Усевшись на банкетку, он сыграл первые тридцать два такта.

— Я знаю это, — сказала я. — «*Никто не одинок*» из «*В лесу*». (прим.: песня «Никто не одинок» из мюзикла «В лесу»)

— Отлично. Сможешь спеть?

— Я... эммм... Думаю, да.

Он снова начал играть. Во второй раз я присоединилась.

В течение следующих десяти минут мы пели песню снова и снова. С каждым повтором я чувствовала, как растёт уверенность. Поверить не могла, что Эштон устроил это и не предупредил меня. Но это была моя мечта: то, чего я хотела с детства.

Алан перестал играть и посмотрел на часы, прежде чем убрать ноты и встать передо мной. Взяв за руку, он сказал:

— Делай так же, как только что сделала здесь, и всё будет отлично. Я не один из продюсеров, так что буду аккомпанировать тебе.

— Спасибо. — Мой голос слегка дрожал. Казалось, что всё, что я делала недавно, это благодарила людей. Никогда столько людей не делало для меня так много. Это было странное чувство, к которому нужно немного привыкнуть.

Алан повёл меня обратно по коридору к двойным дверям. Весь путь я глубоко дышала, пытаюсь успокоить трепещущее сердце, и когда двери открылись, я думала, что оно выпрыгнет из груди. Я зашла за кулисы, говоря себе расслабиться.

Наслаждайся.

Слова Эштона звучали в моих ушах, когда дверь закрылась, и я подошла к занавесу, готовая пройти прослушивание с высоко поднятой головой.

Красное платье без бретелек едва достигало колен, заставляя ощущать себя сексуальной, как дьяволица. Эштон позвонил, когда я выходила из театра, сказав, что опаздывает, но я должна быть готова к семи и одеться. После хорошего длинного сна и обеда, я поспешила в комнату собираться. В семь часов мой телефон сообщил о сообщении от Эштона.

Эштон: На месте. Встретимся на улице.

Я: Ок.

Собрав вещи, я поспешила к входной двери, возбуждённая предстоящим рассказом о сегодняшнем дне. Несмотря на первичные нервы, я взяла себя в руки, и гордилась своим выступлением. Если на то пошло, возвращение в театр разожгло мою страсть к сцене и дало мне что-то, что меня будоражило.

Сперва он не увидел меня — проверял свой телефон, — но только подняв подбородок и заметив, как я спускаюсь по лестнице, Эштон замер.

— Святое дерьмо.

Это была именно та реакция, на которую я надеялась. Он несколько раз говорил, что не хотел в своей постели женщину, которая *не желала* его, и долгое время я была именно такой. Это не значит, что эта мысль не приходила мне в голову; мне просто некомфортно об этом думать. Но увиденная мною правда о поступках Доминика начала менять меня. Я *сама* начала меняться. В тот момент, когда я закончила выступление на сцене, я почувствовала давно забытый прилив эйфории и впервые за долгое время ко мне вернулась уверенность.

И я должна была поблагодарить Эштона за всё это.

Он говорил мне почти каждый день, что я красива, и впервые я начинала верить ему.

По иному взглянув на Эштона и всё, что он сделал для меня, я более тщательно подготовилась к ужину. Мои волосы были собраны в узел из свободной косы у основания шеи, и сверкающее серебряное ожерелье с серьгами завершало образ. На каблуках, так как я носила их почти каждый день, я чувствовала себя всё более уверенней, поэтому выбрала серебряные босоножки на тонких шпильках, в которых достаю Эштону до широких плеч. Я вложила много смысла и усилий в свою внешность, и было приятно видеть, что они не потрачены впустую.

Первое, что он сделал, когда подошёл ко мне внизу лестницы, поднял мою руку к своим губам и запечатлел поцелуй на моей коже, посылая мурашки прямо вверх по руке. Я втянула воздух и Эштон,

должно быть, услышал, потому что ухмылка заиграла в уголках его губ.

— Как прошло прослушивание?

Я ударила его прямо в грудь.

— Ты должен был мне сказать! Я бы лучше подготовилась.

Он посмотрел вниз на грудь и снова на меня, теперь на его лице была полномасштабная ухмылка.

— Ты удивляешь меня с каждым днём всё больше и больше.

Возбуждение лилось по моим венам, и я делала всё, чтобы не прыгать вверх и вниз по проезжей части. Я едва могла себя сдерживать. Я была взволнована новостями, но было любопытно, как он отреагирует.

— Я получила роль.

Его челюсть немного приоткрылась, но затем он внезапно ринулся вперёд. Он схватил меня, покружил немного, и его губы соединились с моими в поцелуе, который я прочувствовала всем телом. Когда он отстранился, мы оба тяжело дышали.

— Я знал, что ты сможешь, — сказал он мне на ухо, и снова прижался губами к моему виску, после чего потянул к пассажирской двери автомобиля и открыл её, помогая сесть.

— Ты же не говорил ему, чтобы он дал мне роль, даже если бы я облажаюсь, не так ли?

— Конечно, нет. Ты добила всё этого сама. Когда я звонил Алану, я договаривался только о прослушивании. Всё остальное ты сделала сама.

Тот факт, что он поддерживал зрительный контакт, сказал мне, что он не лжёт. Я положила руку ему на плечо, когда он отъехал от тротуара.

— Мне жаль, я не должна была предполагать такое. Ничего подобного никогда не случалось со мной, вот и всё. Это изумительная возможность. То, о чём я всегда мечтала. Спасибо за осуществление моей мечты.

— Это была ты. Ты должна понимать, что можешь сама стоять на собственных ногах.

— Я начинаю видеть это. Я ещё ничего не подписывала, но они вскользь упомянули о гонораре. Когда придёт время вернуться домой, мне больше не придётся зависеть от Доминика. — Я пыталась скрыть разочарование, даже если слова, сказанные вслух, убивали меня.

Домой.

Эштон никак не среагировал на моё заявления, и я не могла отрицать, что это укололо меня. С каждым днём мои чувства к Эштону росли. Я не была готова описать их, но они были.

Оставшуюся часть поездки в машине Эштон задавал вопрос за вопросом, желая услышать детали.

— Я не могу дождаться и увидеть тебя на сцене, — он сжал мою руку.

— Придётся подождать несколько недель. Я должна встретиться с остальными актёрами и отрепетировать перед премьерой.

— Тебе нужно репетировать?

Я не могла перестать смеяться.

— Конечно. Как ещё можно удостовериться, что каждый выучил свою роль?

Он пожал плечами.

— Пожалуй, я просто никогда не думал об этом. Но я рад, что мы отпразднуем это.

Моё лицо болело от многочисленных улыбок. Прошло слишком много лет с тех пор, как я чувствовала эту беззаботность.

И я любила её.

Глава 11.

Эштон

Елена светилась радостью, что придавало сияния всей её личности. В уголках её глаз появились морщинки, когда она рассказывала о пьесе, и это было удивительно — видеть её такой оживлённой, такой довольной.

Алан позвонил мне вскоре после её прослушивания, задавая всевозможные вопросы об её происхождении, но я не знал, что она получила роль, пока она сама не сказала об этом в машине. Должно быть, она справилась с прослушиванием. Я не лгал, когда сказал ей, что не просил дать ей роль. Предположение о том, что я мог сделать что-то подобное, стало ударом под дых, но я напомнил себе, что Елена не привыкла к тому, что удача сваливается к её ногам.

Мне казалось, что я увидел новую её сторону, ещё более привлекательную, чем та, которую я видел до этого. Её уверенность заводила меня настолько сильно, что я думал о ней на капоте машины, и о том, как трахал бы её, пока она выкрикивала моё имя. Единственное, что крепко удерживало мой член в штанах — необходимость заполучить её, когда она сама этого захочет. Если она хотела попробовать что-то из тех вещей, от которых я получал наслаждение, то ей нужно будет сделать это на своих условиях.

В ресторане, что я выбрал, была площадка для танцев. Я не знал, танцует ли Елена, но весь день я мечтал о её мягком, сладком теле, прижатом к моему. Когда я бронировал утром столик, то убедился, что он будет находиться в отдельной зоне, но расположен достаточно близко к танцполу. Владение тремя ресторанами в городе имело свои привилегии. Мои рестораны были такими, на которые приходили посмотреть и в которых назначали встречи. Деньги, вырученные с них, намного превышали проценты, которые я получал с займов, и владельцы других ресторанов были более, чем готовы удовлетворить мои запросы, зная, что я сделаю то же самое для них, когда им это понадобится.

После того, как мы заняли свои места, Елена взяла в руки меню и стала изучать его, как делала это каждый раз, когда мы заходили куда-нибудь покушать. Я ждал, зная, какой вопрос последует.

— Я не могу выбрать, — сказала она.

У меня было такое ощущение, что даже до Доминика она не особо много времени проводила в таких местах, как этот ресторан.

— Из каких двух ты не можешь выбрать? — Я довольно быстро разобрался, что Елена всегда хотела два блюда из меню, но не могла выбрать между ними. Первый раз я сказал ей заказать оба, она упрямилась этой идее, поэтому я поменял тактику и помог ей сузить свой выбор. Если одно из блюд было тем, что хотел заказать я, было просто — мы заказывали оба и делились. Если нет, ну, то заказ занимал чуть больше времени.

— Я хочу либо бараньи отбивные, либо подрумяненного тунца.

— Я закажу баранину. Если захочешь, можешь попробовать у меня, а сама заказать тунца.

— О, звучит отлично, — она закрыла меню и отложила его на стол, сцепив руки вместе. Мой взгляд постоянно возвращался к верхней части её груди, так красиво сокрытой под красным платьем без бретелек. Эта кремовая кожа будет божественной под моим языком.

Мы сделали заказ, добавив бутылку вина, и наша официантка принесла два бокала, позволяя нам продегустировать его. Елена сделала глоток и поставила бокал, глядя на меня. Я приподнял бровь.

— Я забыла поблагодарить тебя за телефон, когда мы встретились. У меня никогда не было смартфона. На том, что остался в квартире, была предоплата на звонки. Мне приходилось сокращать количество звонков, чтобы минуты не заканчивались. Было приятно чувствовать связь с остальным миром, даже если мне понадобилась вечность, чтобы разобраться, как работает та грёбаная штуковина.

У мудака-мужа был смартфон, я знал это точно. Он многократно писал мне на протяжении нескольких лет для того, чтобы договориться об оплате и новых займах, и факт, что он лишил её такого простого удовольствия, как звонки друзьям и родным, заставил мою кровь вскипеть. Я сделал глоток вина, пытаюсь справиться с гневом.

— Пожалуйста. Теперь ты всегда сможешь связаться со мной. Говоря о телефоне, почему ты не написала, когда получила роль?

Щёки Елены стали такого же цвета, как и её платье.

— Я хотела сделать сюрприз.

Потянувшись через стол, я скользнул по её руке и перевернул ладонь, слегка лаская пальцами внутреннюю часть её запястья.

— Я люблю сюрпризы.

Елена заёрзала в своём кресле, и её дыхание сбилось.

Ей нравится это.

Пока я продолжал гладить мягкую кожу, и когда наши взгляды встретились, заметил, что тёплый шоколад в её глазах превратился в бронзу. Я позволял моим прикосновениям влиять на неё, бросая вызов сказать что-либо, но она молчала. Когда-то я опустил глаза и впивался в её губы, Елена провела по ним языком. Она смотрела то влево, то вправо, но в конце концов её взгляд остановился на мне. Как бы захватывающе не было рассматривать её, я решил сделать шаг и расспросить поподробнее о прослушивании, медленно продолжая свою попытку.

Мы больше поговорили о её возможности работать в театре, и она так волновалась, что иногда слова застревали у неё в горле. Я не переставал прикасаться к ней, поэтому ей приходилось использовать вторую руку, чтобы взять бокал с вином. Мне это очень понравилось. Но когда официантка принесла наш заказ, мне пришлось отпустить её руку, чтобы она могла поесть. Я, возможно, и не мог прикоснуться к ней, но это не значит, что я вёл себе абсолютно идеально. Когда Елена предложила мне кусочек её тунца, я принял его, оплатив ей своим блюдом. Мне с трудом удалось подавить рычание, когда её губы скользили по вилке, но когда она застонала в благодарность, мой член снова упёрся в ширинку на брюках.

— Вкусно, — сказала она.

— Как, по всей видимости, и ты. — Я собирался поддразнить её этим комментарием и, когда она сделала паузу, задался вопросом, собирается ли она ответить. — Так и есть, — пояснил я, и её щёки вновь окрасились.

Ужин продолжался с эротическим подтекстом. В какой-то момент мне пришло в голову, что она может делать это нарочно, но затем я вспомнил, что Елена никогда не была такой бесстыдной. Это, должно быть, моя собственная потребность взять её любым способом, призывала меня искать двойной смысл. Но несмотря на то,

что я говорил серьёзно, я пытался разрядить беседу. В конце ужина официантка вернулась с десертным меню, но Елена отказалась; жест, за который я молча поблагодарил её. Если эта женщина думала, что ягнёнок был очень вкусным, я не хотел знать, какие звуки она издаст, когда попробует крем-брюле от шеф-повара. Я был терпеливым мужчиной, но не смог бы выдержать дольше и в итоге скинул бы всё со стола и взял её прямо там. Одним из преимуществ этого вечера было то, что мне больше не надо угадывать, как она выглядит, когда ей что-то нравится. Образ её широко раскрытых глаз и приоткрытых губ вернулся, принося с собой пульсацию в члене.

Вставая, я протянул ей руку. Она колебалась мгновение, прежде чем вложить свою руку в мою. Я помог ей подняться и повёл к танцполу.

— Я не очень хорошо танцую, — прошептала Елена.

Наклонившись, я укусил её за ухо, и от ощущения дрожи, на моём лице расплылась улыбка.

— А я хорошо.

Я осторожно провёл её через танцпол, и стоило нам остановиться, как запах лаванды, исходящий от неё, овладел моими чувствами. Наши тела соприкасались в каждом из возможных мест. Моё сердце затрепетало, когда она прижалась ко мне грудью, и жар от её тела просачивался через мою рубашку. Елена переместила руку с талии на моё плечо и посмотрела на меня, убеждаясь, что не сделала ничего неправильного. Блядь, это женщина оставляла меня в состоянии сексуальной неудовлетворённости, чего у меня не было с тех самых пор, как я был подростком.

Пришлось немного поуживаться, но, в конце концов, Елена стала двигаться со мной нога в ногу, и мы начали грациозно двигаться по площадке. Я смотрел на танцующие пары вокруг, но мысли в этот момент витали вокруг молнии на её платье: они овладевали всем моим мозгом, пытаясь угадать, какой сюрприз скрывается внутри, пока желание видеть её лицо не оказалось непреодолимым. Опустив глаза, я заметил покрасневшие щеки и быстрое биение пульса на шее. Её дыхание стало поверхностным, когда глаза встретились с моими. Огонь опалил всё моё тело, и когда она шагнула вперёд, мои ноги остановились, как вкопанные.

Её рука скользнула с моего плеча вверх, двигаясь по задней

стороне шеи, а затем по волосам, и когда она еле ощутимо надавила, я подчинился и наклонился, проглотив её рот, почувствовав вкус красного вина, задержавшийся на её губах. Желая большего, я углубил поцелуй, игнорируя тот факт, что мы находились на общем танцполе с кучей людей.

Её пальцы сжались и напряглись в моих волосах, удерживая мой рот напротив неё. Я мог чувствовать её сердцебиение напротив моей груди. Мягкий стон вырвался из её горла. К тому времени, когда она отстранилась, моя голова была готова разорваться от похоти. Её нижняя часть тела всё ещё была прижата ко мне, твёрдая длина моего ствола вжималась в её живот, и когда я почувствовал малейшее подёргивание её бёдер, мои глаза тотчас же нашли её.

В её глазах, — таких тёмных, что напоминала два омуты, — отражалась та же похоть, которую чувствовал внутри я. Елена с трудом сглотнула и открыла рот, чтобы что-то сказать, но когда с её уст не слетело ни слова, я начал скандировать в своей голове:
«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!»

Почему-то я отогнал желание потянуться вниз и взял себя в руки. Мне казалось, я ждал её целую вечность, а не какие-то несколько недель. Несколько мгновений мы стояли в тишине. Ожидание ответа о том, чего она хочет, заставляло время течь вдвое медленнее.

— Отвези меня домой.

Её слова, несмотря на возбуждение, не были: «Отвези меня домой и займись со мной сексом».

Я хотел, но не собирался делать какие-либо умозаключения, не с таким расплывчатой просьбой.

— Ты больше не хочешь танцевать?

— Нет, — она сделала вдох. — Я хочу стать твоим десертом.

Более ясного ответа, чем этот, и не нужно.

Не говоря ни слова, я потянул её с танцпола, останавливаясь перед нашим столиком, чтобы бросить более чем достаточно денег для покрытия нашего счёта и чаевых, и поспешил к машине.

Глава 12.

Елена

Желание, которого я никогда до этого не испытывала, разгорячило кровь, когда его губы коснулись моих. И оно только возросло, когда я ощутила его обжигающий вкус на своём языке. На протяжении всего ужина моя потребность в нём застигала врасплох каждую клеточку моего тела — я могла чувствовать, как затмеваются любые оставшиеся опасения настолько, что теряла выдержку.

За всю свою жизнь я была только с одним мужчиной, и Доминик в значительной степени установил планку, когда речь шла о сексе. Рассказы женщин, возбуждённо смакующих их последние завоевания и считающих, как много мужчин заставляли их кончить, заставляли меня чувствовать себя так, словно со мной что-то не так. Ни разу за всю свою жизнь я не наслаждалась сексом. Для меня это было неудобно и несколько унижительно. С Домиником моменты нашей близости были для меня всего лишь выполнением обязанностей, потому что мы были женаты, и для меня секс не отличался от разгрузки посудомойки или складывания белья после стирки.

Однако здесь, с Эштоном, было что-то ещё, что заставляло меня игнорировать свой прежний опыт, и я желала его, независимо от того доставит мне это наслаждение или нет.

Когда мы выехали на главную дорогу, мои нервы полностью взяли над мной верх. Руки дрожали, ноги дёргались в такт им, пока рука Эштона не легла мне на колено. Мне хотелось застонать, когда его кожа соприкоснулась с моей. Тело начало гудеть, когда его пальцы скользнули между бёдер, и большим пальцем он слегка приласкал чувствительное местечко. Дрожь прошла по всему телу. Я хотела, чтобы его движения переместились выше по ноге. Всё внутри меня реагировало, пульсировало от необходимости. Чувства были мне незнакомы, но определённо не нежелательны. Я сжала бёдра, зная, что он ощущал это движение своей рукой. До этого я никогда не чувствовала такого. Вся эта ситуация заставляла меня ощущать себя такой распутной. словно мне было плевать на всё остальное в этом мире.

Эштон подъехал к дорожке, выпрыгнул из машины и оббежал вокруг, чтобы открыть мне дверь. Быстрым рывком меня выдернули

из автомобиля, и я оказалась в его руках. Его волосы были в беспорядке, словно по ним неоднократно проводили пальцами, а пуговица на воротнике была расстёгнута. Видеть такого мужчину, как правило, собранного и контролирующего себя, в слегка помятом костюме, грубым и сексуальным, пробуждало во мне желание раздеться. Его руки погрузились в мои волосы и притянули для обжигающего поцелуя. Ощущение его рта на моём заставляло меня вибрировать от желания.

Не разрывая контакта наших губ, он двинулся к дому, и когда моя спина ударилась о твёрдое дерево входной двери, прижал меня к ней своими бёдрами. В этот момент для меня не имело значения, что мы находились на переднем крыльце. Мои руки мяли в кулаках его рубашку, и низкие рычания вырывались из его горла. Эштон слегка отстранился назад и наклонился. Его плечи прижались к моей талии, а потом мои ноги оказались в воздухе, и я схватилась руками за него, когда он начал двигаться с большой скоростью через фойе.

Эштон быстрее, чем я когда-либо видела, поднялся по лестнице. Через несколько секунд мы оказались в спальне. Как бы мне не хотелось принять всё, что происходило вокруг, но когда моё тело заскользило вниз, и я почувствовала животом его твёрдую длину, до меня дошло, что мы собираемся сделать. От этого мозг затуманился. Я не хотела останавливаться, но не могла справиться со своей неуверенностью, которая возвращалась и наплывала на меня волнами.

На мгновение я подумала спросить его, что делать, но это показалось смешным. Вместо этого я сделала глубокий вдох и пожелала себе расслабиться, позволив ему взять инициативу на себя. Это был его танец, и я планировала следовать за ним.

Он отступил назад, пробежав кончиками пальцев по открытой части моей груди.

— Ты знаешь, как чертовски сексуально это платье смотрится на тебе, или как сильно я хочу сдёрнуть его с тебя? — Его голос был хриплым, и я ощущала этот звук по всему телу.

Везде.

— Нет.

— Тогда я покажу тебе, — он убрал руку и нырнул ею в карман. — Только один вопрос, ты на таблетках?

Вот дерьмо. Я даже не думала об этом. Догадываюсь, что это была хорошая идея — продолжить принимать таблетки после того, как Доминик отдал меня.

— Да. Доминик не хотел детей.

— Этот мужик чёртов идиот, — он сделал паузу, прежде чем сказать: — Мы будем пользоваться презервативами, пока оба не пройдем обследование.

Было больно это слышать, но я понимала причину. Доминик лгал мне о многом, так почему бы ему не изменять мне?

— Во-вторых, — командный тон его голоса привлёк моё внимание, и я сфокусировалась на Эштоне. — Что тебе не нравится в сексе?

О, Боже, ему обязательно быть таким прямолинейным?

Моё лицо пылало, и, скорее всего, было такого же цвета, как и платье.

— Мммм... я не знаю, что мне нравится, а что нет, — я пожала плечами, словно это было плёвым делом. Но это было не так.

— Елена, — простонал Эштон, поднимая глаза к потолку. — Ты станешь моей смертью.

Когда он посмотрел вниз, то через линзы очков его глаза казались ярче, чем раньше. Он сделал шаг вперёд и наклонился, чтобы укунить за ухо.

— Это означает, что ты даёшь мне разрешение взять всё под контроль? — Его шёпот был настолько мягким, что я едва расслышала его. Тихий голос, заставляющий меня дрожать в ожидании. Нервы или нет, но я хотела этого. Отвела взгляд на секунду, затем подняла обратно. Волнение и нервное предвкушение заставили мои руки дрожать.

— Я хочу слышать, как ты скажешь это.

— Да.

Эштон набросился. Взяв за плечи, он перевернул меня, и прежде чем я успела моргнуть, молния на моём платье была расстёгнута, а оно само спущено к ногам. Желание поднять руки и прикрыть обнажённое тело было непреодолимым. Мои руки дёрнулись, но я всё

ещё сдерживала их.

— Хорошая девочка, — сказал он, его губы скользнули по моей шее, и я задрожала. Фраза «Хорошая девочка», слетевшая с его уст, возможно, стала самой горячей, что я когда-либо слышала в свой адрес.

— Мне нравится, как смело ты противостояшь мне, и всем остальным за пределами этой комнаты. Но здесь я хочу, чтобы ты подчинилась мне каждой частичкой своего тела.

— Ммм...

Его язык путешествовал по моей шее.

— Ты сможешь сделать это?

— Смогу, — сказала я, и мой голос звучал более уверенно, чем я себя чувствовала.

Подчинение Эштону означало, что мне не придётся беспокоиться. Я смогу узнать, что мне нравится.

Он мог бы научить меня.

Эштон обхватил чашечки моего бюстгалтера, чёрного, без бретелек, а начал ласкать пальцами соски сквозь лёгкую ткань. Всё, о чём я могла думать — это что я почувствую, когда он нырнёт под шёлк.

Мне не пришлось долго ждать. Одна рука исчезла под чашечкой лифчика, а другая скользнула по спине, чтобы расстегнуть единственную застёжку и позволить ему упасть поверх платья. Затем его руки вернулись и начали снова. Каждое сжатие и резкое движение сосков посылало пульсацию прямо к моей сердцевине.

Неизвестные ощущения.

Удивительные ощущения.

Со вздохом, я опустила голову на плечо Эштону.

— Я возьму тебя так.

Я кивнула.

— Повернись.

Мои ноги двинулись, немедленно подчиняясь его команде. И тело, и ум были на одной стороне. Здесь они будут делать всё, что

скажет Эштон, до тех пор, пока он продолжает гладить моё тело, возбуждая меня. Я страстно желала его прикосновений, его вкуса. Мне надо было больше, чем это. Больше *его*.

Если я что-то и понимала, то это то, что его властные пальцы были ничем по сравнению с его языком. Нежные движения превратились в горячие и мучительные, однако удовольствие засасывало. Не в силах сдерживаться, я издала стон, так как страсть захватывала меня с головой.

— Вот так, детка. Я хочу слышать это всё — каждый стон, каждый всхлип. Но если ты говоришь, то произносишь моё имя.

Его рот перешёл к другой груди, дразня моё тело, и превращая мои мысли в такой бессвязный поток, что я не заметила, как меня опускают, пока кожа не коснулась прохладных простыней. Теперь на нём не было пиджака, и мышцы рук натягивали рубашку, пока надвигался на меня. Я протянула руку, чтобы снять галстук.

— Нет, нет, нет, — он схватил мои запястья, перемещая руки обратно вверх над головой. — Сегодня я собираюсь показать тебе каково это получать удовольствие от секса.

Приподнявшись, он снял свой галстук и взял мои руки. В мгновение ока он обернул материал вокруг них и привязал к спинке кровати. Ткань была тугой, но было комфортно, и мои бёдра задрожали, когда в голове буйно разыгралось воображение.

— Чёрт, ты выглядишь так сексуально, привязанная к моей кровати.

Теперь я была неспособна двигаться, зато готова к новым чувствам. Его палец пробежал по моей груди, по впадинке между ними, и мои бёдра дёрнулись вверх. Он улыбнулся, прикрытые глаза становились всё темнее. Мой язык прошёлся по нижней губе, чтобы увлажнить её, и его челюсти сжались.

— Думаю, что тебе нравится быть связанной. Я вижу, как тяжело ты дышишь, — его пальцы проникли в мои трусики, и он провёл ими между моих ног, прежде чем вытащить. Я смотрела широко раскрытыми глазами, как он подносит руку к своему рту. Его взгляд был сконцентрирован на мне, когда он скользил губами по пальцам, начисто обсасывая их. Ничто, что я когда-либо видела, не могло сравниться с этим. Моё дыхание застряло в горле, заставляя сердце бежать рысью.

— Блядь, такая мокрая для меня.

— Пожалуйста, — я понятия не имела, о чём просила. Просто знала, что мне нужно что-то большее.

— Скоро.

Эштон медленно снимал оставшуюся свою одежду, выставляя каждую часть сильных мышц на показ. Он наклонился ко мне и захватил губы, укусив. От острой боли я дёрнулась, прежде чем он зализал укус своим языком, успокаивая чувствительную кожу. Ещё раз он прошёлся губами вниз по моему телу, как будто у него было всё время в мире. Словно я не превратилась в желе под ним. Я была так заведена, что не могла прекратить мотать головой по подушке, но несмотря на то, что мне была необходима передышка от пыток, я не желала закрывать глаза, чтобы ничего не пропустить. Ощувив его рот на моих трусиках, я широко распахнутыми глазами наблюдала, как он зубами тянет их вниз по ногам. Мои мышцы напряглись в ожидании.

Стало ясно, что Эштон не был новичком. Когда он остановился, я могла слышать своё собственное тяжёлое дыхание, звук эхом разносился по комнате, дразня меня моей же потребностью.

Тяжёлый вдох.

Тяжёлый вдох.

Тяжёлый вдох.

Язык Эштона с силой ударил по влажному месту между моими бёдрами, и моя спина выгнулась, как будто по ней хлестнули кнутом, удовольствие пронзило каждую часть моего тела.

— Эштон!

С каждым резким движением, облизыванием, ударом его языка, жар внутри меня нарастал. Я никогда не думала, что такое можно чувствовать во время секса — я ощущала себя такой полностью поглощённой, уничтоженной.

Не дав мне ни секунды, чтобы перевести дыхание, Эштон снова толкнул моё тело к обрыву, начав перекачивать между пальцами мой сосок; укол боли, посланный по моему телу, заставил меня извиваться. Я хотела оказаться ближе к его рту, и в то же время убраться подальше.

Я больше не могу.

Пятна танцевали перед глазами, мышцы ног дрожали. Эштон сел, озорные огоньки блестели в его глазах, и он облизал блестящие губы.

— Ты мой новый любимый вкус.

— Эштон, — простонала я.

— Второй лучший десерт — это слышать, как моё имя срывается с твоих губ.

Он посмотрел на меня и медленно снял очки, бросив их на стол рядом с кроватью.

Так что не только я теряю контроль.

Я со страхом наблюдала, как он, расположившись между моих ног, медленно раскатывает презерватив по своей длине, плотно обхватив член рукой. Но я знала, что произойдёт дальше. И знала, что, несмотря на то, что я связана, Эштон не причинит мне боль.

Я почувствовала жар от его тела, когда он прижался ко мне, а затем медленно поддался бёдрами вперёд, медленно входя в меня. Никакой боли не последовало — только всепоглощающее чувство, такое удивительное, что если я умру прямо сейчас, то умру счастливой.

— Блядь, так хорошо. Так чертовски хорошо. Ты так плотно, туго обхватываешь меня, — Эштон не двигался, пока я не привыкла к нему. Он упирался руками в постель по обе стороны от меня, удерживая себя от падения, и я почувствовала, что они трясутся от напряжения.

— Я не продержусь долго.

Он входил глубокими мощными ударами, заставлял меня возноситься всё выше и выше. Его ритм становился более яростным, более хаотичным, пока он не выкрикнул моё имя, одновременно доводя до пика и меня.

— Елена!

Эштон упал на меня, на коже выступили капельки пота. Обессиленная, я лежала словно бескостная масса на кровати, моё тело было сбито с толку ощущениями, жаром и чем-то ещё настолько незнакомым, что я не могла даже определить, что это. Никогда —

никогда — я не испытывала ничего вроде этого. Его рот, его язык. Укусы от его острых зубов на моей сверхчувствительной коже. Всего этого слишком много, но недостаточно.

Звук тяжёлого дыхания заполнил комнату. Когда Эштон, наконец, отдышался, то протянул руку и снял галстук с моих запястий, слегка массируя раздражённую кожу, чтобы восстановить кровообращение.

Ощущение его пальцев было восхитительным. Закрыв глаза, я позволила себе дрейфовать от его прикосновений. В конце концов, я почувствовала, что он встал с кровати, но через несколько секунд снова вернулся. Тёплая влажная махровая тряпка коснулась меня между ног. Я улыбнулась, размышляя, что могу привыкнуть, как кто-то ухаживает за мной, но в тоже время понимала, что этого никогда не произойдёт, потому что потом ощущения не будут такими совершенными... такими правильными.

Кровать прогнулась под тяжестью его веса, и он притянул меня к своей груди, пряча моё лицо в изгибе своей шеи. Я вдохнула его запах, фиксируя в памяти. Открыла глаза и сдвинулась, но он поцеловал меня в макушку и обнял крепче, удерживая на месте.

— Эштон.

Он заставил меня замолчать, когда я почувствовала жар его дыхания в своих волосах.

— Это была долгая ночь для тебя, Елена. Спи.

Так я и сделала.

Глава 13.

Эштон

Тело Елены расслабилось, а дыхание выровнялось. Меня слишком поглощали мысли, чтобы спать, мой мозг устраивал гонки, размышляя над загадкой, которая лежала в моих руках. Она была парадоксом. Достаточно уверенная, чтобы требовать меня в постели, но слишком покорная, чтобы отказаться от контроля.

Она была прекрасна.

Я не был уверен, будет ли это слишком, если я попрошу её подчиниться. Она продвинулась так далеко за прошедший месяц — убеждая саму себя и позволяя себе узнать о собственных чувствах. До меня дошло, что я, возможно, сдерживал её. Но я не узнаю наверняка, пока она не проснётся.

Я начал терять контроль в тот момент, когда она предложила покинуть ресторан. Изгиб её бёдер, полнота её грудей... они манили меня неделями. Насколько я помню, я хотел её сильнее, чем любую другую женщину. Большинство из тех, кто заявлял, что они могут подчиняться в постели, лгали. Они либо пытались доминировать как в спальне, так и за её пределами, либо были покорны по жизни. Елена оказалась идеальным сочетанием.

Слишком плохо, что она замужем.

Для Елены многое в жизни меняется, но принять решение, которое положит конец её браку, она должна исключительно самостоятельно. Всегда существовала вероятность, что всё это обман. И это разочаровало бы. Она могла быть роскошью.

Но будет ли?

Шум, доносившийся откуда-то с пола, вытащил меня из моих мыслей. Я знал, что это был не телефон Елены. Тот лежал всё ещё в её сумочке, и никто из тех, у кого был её номер, не стали бы звонить ей сейчас.

Аккуратно вытащив руку из-под неё, я встал с кровати и выждал мгновение, понимая, что ей нужно отдохнуть. Удостоверившись, что она по-прежнему крепко спит, я стал искать свои штаны на полу, пока жужжание продолжалась где-то слева от кровати. Я нашёл и

вытащил телефон из переднего кармана. СМС. Увидев имя на экране, я застонал.

Елена заворочалась и перевернулась во сне. Я быстро натянул боксёры и вышел из комнаты, тихо закрыв за собой дверь и направившись в кабинет. Прежде чем прочитать сообщение, я налил себе выпить и сделал большой глоток, который обжигающе спустился по горлу и принёс спокойствие рассудку.

Моя спина ударилась о спинку дивана, когда я открыл текст. Чем быстрее я отвечу, тем быстрее вернусь в кровать.

Доминик: У меня есть билеты на завтрашнюю игру. Хочешь пойти?

Ну конечно у этого мудака будто имелась какая-то суперсила, какой-то радар, сообщивший ему, что я переспал с его женой. От воспоминания, как он приказал ей удовлетворять меня, когда я захочу, даже если это будет чуть ли не насилие, у меня в ушах застучала кровь. Моя челюсть невольно двигалась взад и вперёд, пока я отвечал на его сообщение стандартным текстом.

Я: Буду в закрытом клубном боксе этой ночью, если хочешь отдать свои билеты и встретиться со мной там.

Очевидно, у мудака появились деньги, но не было никакого грёбаного шанса, что он приблизится к Елене, пока не истекнут три месяца. Она, по крайней мере, заслужила это время. Меня искушало спросить, сколько у него, но я узнаю об этом достаточно скоро. Его ответ пришёл почти мгновенно.

Доминик: Прекрасно. Встретимся там.

Чего бы он не хотел, это могло подождать до встречи. Я написал Броку, оповестив, что он будет работать завтра ночью, а затем мои мысли вернулись обратно к Елене. Складывалось такое чувство, что женщина за всю свою жизнь никогда не испытывала оргазма. То, как

она загорелась для меня почти сразу...

Эта мысль заставила мой член судорожно дёрнуться. Но не на одну её это повлияло. Моё имя на её губах почти заставило меня кончить прежде, чем я оказался внутри неё. Хочет она или нет, она будет той же дерзкой женщиной, когда проснётся утром в моей постели... И если это действительно будет так, то возникает вопрос, как далеко я смогу толкнуть её? Я мог показать ей целый новый мир, открыть глаза перед ощущениями, подобными тем, которые она никогда не испытывала. Но я мог лишь ждать в ожидании её реакции. Я бы никогда не заставил её делать что-либо ещё, потому что не знал, насколько сильно она захочет разделить это со мной.

В голове крутился миллион вопросов, когда я допил остатки напитка и поставил стакан на стол. Уберу утром, если Джулия не найдёт его первая. Поднимаясь по лестнице, я понял, насколько сонно себя чувствую. У меня были проблемы со сном. Большое количество аспектов в бизнесе — как законных, так и нет — постоянно занимали мой мозг, поэтому отключить его было трудно. Большинство ночей я не мог дождаться утра.

Я открыл дверь, надеясь, что не потревожу Елену, и в темноте смог разглядеть её фигуру. Она лежала, свернувшись калачиком на боку, мягкие каштановые волосы разметались по подушке. Сбросив боксёры, я забрался в кровать и натянул на нас одеяло, возбуждаясь и нервничая от перспективы провести ночь возле её тёплого тела. Женщина в моей постели не была необычным явлением, и сон в такие моменты не учитывался, так как подобные встречи носили чисто сексуальный характер.

— Эштон.

Я замер, беспокоясь, что разбудил её, но её глаза оставались плотно закрытыми, а слова были простым бормотанием — результат наполненного снами отдыха. Моё сердце ускорилося, и каким бы чужим для меня не было чувство усталости, я слишком измотался, чтобы изучать его значение. Неосознанно, она подвинулась ближе, ворочаясь, пока снова не оказалась в моих объятиях, а наши конечности не переплелись. Её щека опустилась на мою грудь слева. Закрывая глаза, я надеялся, что Елена будет в главной роли в моих снах этой ночью. Мысли обо всех тех вещах, которые я планировал сделать с ней в течение следующих нескольких недель, проплывали у меня перед глазами, и я улыбался, постепенно погружаясь в глубокий

СОП.

Глава 14.

Елена

Когда я проснулась, что-то изменилось. Подвигала ногами. Простыни были не такими, на каких я спала последний месяц. Матрац ощущался другим, даже слишком.

Комната Эштона.

Воспоминания о ночи просочились в голову. Я позволила Эштону прикоснуться ко мне, и сейчас поняла, что имели в виду все женщины в мире, говоря о сексе.

Потянувшись, огляделась вокруг в поисках своей вчерашней одежды. Мышцы, о которых я и не знала, очень приятно болели. Я оглядела комнату, впервые видя всю спальню Эштона. Я знала, где она расположена, потому что со времени своего приезда исследовала всё вокруг, но никогда не осмеливалась войти — даже не заглядывала, пока его не было. Комнату можно было охарактеризовать явно мужской, и тёмное дерево гармонично сюда вписывалось. В углу стоял стул с высокой спинкой и широкими подлокотниками, которые можно было использовать для развешивания одежды, но про любой бардак можно было забыть. Спальня была в идеальном порядке. Каждая вещь лежала на своём месте. У Эштона была экономка, но опрятность и порядок входят в его привычки, поэтому я знала — эта склонность к аккуратности его суть.

Как ни пыталась, я не смогла найти ни платье, ни белье. Они пропали. Ещё один взгляд вокруг, и что-то на краю кровати привлекло моё внимание: штаны для йоги и футболка.

В комнате было тихо. Рядом со мной в огромной кровати никого не было. Шума воды из ванной тоже. Должно быть, Эштон приготовил для меня одежду, прежде чем спуститься вниз. Забота от такого его жеста оставила у меня в животе тёплое чувство, от которого я получала удовольствие.

Я прислонилась спиной к замысловатому резному изголовью, натягивая простыни вверх по телу, и заметив слегка покрасневшую кожу на запястьях, вспомнила о шёлковом галстуке, который скользил по ним, когда Эштон меня к прутьям. Сжав бёдра от

приступа желания, я схватила одежду и пошла в ванную, чтобы принять душ. Она была больше, чем та, что в моей комнате — в два раза больше нормального размера. С огромной ванной в углу и стеклянной душевой рядом. Я разрывалась между выбором, зная, что принять душ будет быстрее и проще, но было бы приятно понежиться в ванной, чтобы облегчить боль в уставших мышцах. Мои мысли вернулись к мужчине внизу.

Значит, быстро и легко.

Я включила воду, положив одежду на стойку. Там, рядом с раковиной, была зубная щётка. Сперва я подумала, что она принадлежит Эштону, но поняла, что его щётка была в держателе рядом с другой раковиной.

Он принёс её для меня.

Схватив тубик с пастой, я почистила зубы и запрыгнула в душ. Тёплая вода скользила по моему телу, расслабляя мышцы. Все образы Эштона, прикасающегося ко мне прошлой ночью, были лучше любого секса, который я могла вспомнить. Я отдала контроль ему, но мы оба нашли себе роли, вливаясь в них, наши тела действовали синхронно, пока мы идеально их отыгрывали.

На протяжении большей части моей зрелой жизни мужчина приказывал мне, что делать, и я ненавидела это. Но прошлой ночью было по-другому. Каждая команда, каждое наставление, усиливали моё желание. Его приказы были короткими, прямыми, но не было никакого злого умысла, никакого скрытого мотива. И, в конце концов, это было не только для него. Эштон давал.

И давал.

И давал.

Несмотря на горячую воду, от воспоминаний мою кожу покрыли мурашки.

Гадая, где он может быть, я закончила принимать душ и быстро оделась, осмотрев себя в зеркале, прежде чем отправиться на его поиски. Спустившись, я почувствовала запах завтрака, и мой желудок заурчал, оценивая его. Следуя за ароматом, я обнаружила Эштона у плиты, переворачивающего бекон и взбалтывающего яйца. Штаны висели низко на бёдрах, но он был без футболки, поэтому мышцы на широких плечах оказались на виду.

— Доброе утро.

Он резко поднял голову, и в мгновение ока, посуда была оставлена на стойке, а Эштон стоял передо мной.

— Доброе утро, — прошептал он, приподнимая мой подбородок для поцелуя.

Моментально его губы прижались к моим, тело прильнуло, и я наслаждалась ощущением голой груди под моими руками. Когда его язык погрузился в мой рот, я смогла почувствовать вкус кофе на его губах. Поцелуй был мимолётным, и Эштон отстранился, затаив дыхание.

— Это утро даже лучше, чем я думал, — он ухмыльнулся, взял меня за руку и повёл к столу.

— Думаю, что соглашусь, — я прикусила губу, не зная, что ещё сказать.

Он застонал и использовал большой палец, чтобы освободить эту губу.

— Если кто-то и может кусать её, то только я.

Моя кровь нагрелась, и я попыталась взять под контроль свои мысли.

— Эштон, — прошептала я.

— Моё имя, слетающее с твоих губ — один из лучших звуков. Теперь посиди, пока я накрываю завтрак, потом можем поговорить.

Эштон хочет поговорить о прошлой ночи.

Чтобы удержать руки от дрожи, я поместила их под бёдра, пока передо мной не появилась чашка кофе, прекрасно отвлекая от мыслей. Я взяла её и позволила крепкому напитку забрать мои страхи — на мгновение, по крайней мере.

Эштон расставил тарелки с яйцами, беконом и тостами, садясь напротив меня. Чтобы избежать зрительного контакта, я поперчила яйца и сильно сконцентрировалась на вилке, взятой со стола.

— Елена, ты нервничаешь. Расскажи, что случилось.

Сделав глубокий вдох и выдох, я подняла взгляд на него.

— Ты сказал, что хочешь поговорить, и я нервничаю, думая, о

чём.

Он покачал головой.

— Тебе не надо переживать о чём-либо, когда ты со мной. Я хочу обсудить кое-что, включая прошлую ночь.

— Хорошо, — мои глаза метнулись обратно к еде, и я наколола кусочек яйца, чтобы начать есть.

— Прошлая ночь была... — Я ожидала услышать его описание произошедшего.

Ошибкой.

Нормальной.

У меня было и лучше.

Все варианты стучали у меня в голове.

— Невероятной.

Мой взгляд резко переместился к нему, глаза широко распахнулись, а челюсть отвисла.

Он расположил руку на моём бедре, мягко поглаживая его.

— Ты должна перенести вещи в мою комнату.

— Я что?

Указательным пальцем он приподнял мой подбородок вверх, чтобы я закрыла рот.

— Я хочу, чтобы ты жила в моей комнате, пока ты здесь.

— Эммм... Я не думаю, что это хорошая идея.

— Почему нет? — спросил он, проницательно глядя на меня.

— Потому что одна ночь потрясающего секса не означает, что я перееду в твою комнату. Мне, возможно, нравится слушаться тебя в твоей постели, но здесь я узнала, что могу принимать решения сама и не хочу повторять прошлых ошибок.

Эштон улыбнулся.

— Большинство людей и не подумают о том, чтобы перечить мне. Хотя я и хочу, чтобы ты оставалась в моей комнате, меня впечатляет, что ты готова противостоять.

— Конечно, готова. Ты считал, что я тебе покорюсь?

— Если честно, я переживал насчёт этого, но надеялся, что ошибаюсь.

Я откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди.

— Хорошо, ты ошибался.

Он наклонился вперёд и незаметно быстро поцеловал.

— Я рад. Теперь ешь. Мне нужна твоя энергия.

Я закатила глаза.

— Тебе повезло, что я голодна.

Эштон усмехнулся и начал есть. На половине завтрака, он отложил вилку и посмотрел на меня.

— Я встречаюсь с Домиником сегодня ночью для расчёта.

Вилка застыла почти у рта, мои руки не двигались.

— Что? — выдавила я.

— Доминик прислал мне вчера сообщение, что готов выплатить долг.

Я знала, что Эштон занимается этим для отца — он имел дело с должниками, пока я жила здесь, но это было другое. Он встретится с человеком, которого я никогда не хотела бы видеть снова, если бы могла этого избежать. Я знала, что это нереально — мы были женаты, в конце концов. Если бы я могла только щёлкнуть пальцами и всё исправить...

— Он не собирается забирать меня обратно раньше срока, не так ли?

— Это не его выбор, — прорычал Эштон. — Он не вернул деньги вовремя, и я не превратил его в кровавое месиво только из-за сделки, касающейся тебя. Если он повторит эту ошибку, я надеру ему задницу.

Я кивнула, не в силах говорить из-за сухости в горле.

Эштон провёл большим пальцем по моей щеке.

— Елена, ты же понимаешь, что тебе придётся столкнуться с ним лицом к лицу?

— Нет. Я могла бы просто послать ему документы на развод по почте и никогда не видеть его снова.

Уголки его рта опустились.

— Хотел бы я, чтобы это было так просто. Если ты сделаешь так, то ты всегда будешь оглядываться через плечо. И тебе надо показать ему, что ты стала сильной. Тебе надо поговорить с ним лицом к лицу.

Я съёжилась.

— Думаю, надо.

Часть меня хотела исчезнуть в ночи, никогда не сталкиваясь с Домиником и всем его дерьмом когда-либо снова, потому что мысль о возвращении к нему заставляла моё сердце колотиться в груди. Я боялась, что его слова будут тянуть меня в место, откуда я пыталась выбраться.

— Я хочу пригласить тебя на игру в ближайшие дни. Только мы, никакого бизнеса.

Как-то ночью, неделю назад или около того, я рассказала Эштону, что произошло в ту ночь, когда Доминик отдал меня ему, как меня охватило волнение, когда я решила, что наконец увижу игру. Я была в некоем замешательстве, говоря об этом, но не ощущала неловкости. Теперь же я вздрогнула от мысли, что могу оказаться на игре с Домиником. Он часто ходил на них. Как я могла быть уверена, что он не появится там рядом со мной?

— Не волнуйся, я не хочу, чтобы ты оказалась рядом с этим ошмётком. Ты останешься здесь во время сегодняшней игры, и мы разберёмся с ним, когда придёт время.

Я кивнула и продолжила есть свой завтрак, так как моему желудку стало лучше. Эштон закончил есть задолго до меня и сидел, потягивая ещё одну чашку кофе. Забрав наши тарелки, я отнесла их в раковину и когда возвращалась на своё место, Эштон схватил меня, останавливая на полпути. Очки ему отлично шли, делая его зелёные глаза ярче.

Он зарычал и притянул меня к себе, поглощая мой рот. Электрические разряды пронеслись по моим нервам, когда его язык проскользнул внутрь. Требовательно. Собственнически. Сексуально. Смелее, чем ожидала от себя, я позволила рукам скользнуть по его груди, прослеживая каждую выпуклость вниз по его накаченному

животу, пробуя шелковистую кожу пальцами. Он внезапно отстранился, и я на минуту подумала, что сделала что-то не так.

Схватив за плечи, он развернул меня, и я опёрлась ладонями на гладкий стол. Примитивное желание овладело мной, сердцевина пульсировала от необходимости.

— Эштон.

Кончиками пальцев он нырнул ко мне в штаны и сдёрнул их вниз по бёдрам вместе с трусиками. Меня наполнили ощущения. Один из пальцев кружил по моему клитору, жар его тела опалил мою спину, как только он прижался ко мне.

— У тебя сексуальная задница, — сказал Эштон, слегка прикусывая моё плечо между словами. — И однажды я трахну тебя прямо *сюда*.

Он провёл пальцем по краю того места, в которое я никогда не планировала пускать мужчину, и я ахнула, мои бёдра подались вперёд. Это было жутко, но в тоже время возбуждало. Он убрал палец, и затем последовало лёгкое жжение, когда его рука ударила по моей заднице, — чувство настолько восхитительное, что мои бёдра слегка задрожали.

— Но прямо сейчас я хочу этого жёстко и быстро, — командный тембр его голоса почти погубил меня.

— Пожалуйста, — умоляла я, двигая задницей назад, чтобы найти его.

Шлепок!

— О нет, нет, моя милая, — он схватил меня одной рукой за бедро, удерживая на месте, в то время пока большой палец другой надавливал на мою сердцевину. Аромат мускуса, однозначно принадлежащий Эштону, окружал меня. — Такая чертовски готовая. Тебе нравится, когда тебе говорят, что делать.

— Да, — захныкала я, — пожалуйста.

Звук разрыва фольги оказался таким восхитительным, что я сжалась в ожидании. Эштон вошёл сразу на всю длину, заполняя меня.

— Боже.

— Никогда не устану от ощущения тебя вокруг моего члена, — проворчал он.

С каждым толчком моё тело напрягалась, желая такого же наслаждения, как и прошлой ночью.

— Я так близко.

Эштон протянул руку и сжал мой клитор, пуская искры по всему моему телу, я крепче ухватилась за стол, в то время как он продолжил движения.

Он продержался недолго до того, как сбился с ритма и перешёл на короткие жёсткие толчки, его пальцы впивались в мою кожу, пока, наконец, он не застонал и не прижался ко мне, удерживая себя внутри.

В течение нескольких минут мы оба были не в состоянии говорить. В конце концов, он встал, потянув меня за собой.

— Ты, моя дорогая, совершенно удивительна, — сказал он мне на ухо. Когда я повернула голову, его губы снова завладели моими. Поцелуй не был красивым, демонстрируя животную страсть, но обжигал до кончиков пальцев. Эштон отстранился, запыхавшись, и посмотрел на меня, прежде чем помочь с одеждой.

— Мне нужно подготовиться прежде, чем уйду. Я хочу, чтобы ты насладились своим времяпрепровождением. Ни о чём не волнуйся.

— Я постараюсь.

— У тебя есть репетиция сегодня?

— Нет. Они всё ещё ищут одного члена команды и прослушивание как раз сегодня.

Я была весьма рада, что сегодня никуда не нужно ехать, потому что когда возбуждение от пробуждения в постели Эштона выветрилось, я почувствовала себя истощённой. В голове крутился вопрос о том, следует ли мне пойти в его комнату. Я не могла решать, учитывая только секс. Мне необходимо быть умнее. И для этого мне нужно личное пространство.

— Хорошо. Я поеду на стадион прямо из ресторана, поэтому буду поздно. Напиши мне, если что-нибудь понадобится, — он коротко меня поцеловал и оставил на кухне наедине со своими мыслями.

Решив выпустить пар, я спустилась в подвал и запустила беговую дорожку. С каждой милей я задавалась вопросом, должна ли я чувствовать себя виноватой за секс с другим мужчиной. Тихий голос где-то на задворках говорил «да», пока остальные пели монотонно «чёрт, нет». Доминик разрешил мне заниматься сексом с Эштоном. Технически, я делаю так, как было сказано.

С того момента, как я встретила Эштона, он призывал меня стоять за себя, чтобы увидеть, чего я достойна. Не было надобности чувствовать вину из-за мужчины, который обращался со мной так, как я того заслуживаю. Не говоря о том, что способы его доминирования заводили меня больше, чем я того ожидала.

Не слишком ли рано, чтобы переезжать в его спальню?

В течение нескольких часов я обдумывала ответ, но даже если у меня была сотня веских причин не делать этого, я знала, что хочу каждое утро просыпаться в кровати Эштона. Если он планировал ночь за ночью восхитительно мучить меня, я готова была прыгнуть в омут с головой без спасательного жилета.

Я бы сделала всё, чтобы быть счастливой.

Пришло время стать большой девочкой и принимать решения для себя.

Глава 15.

Эштон

Возле входа в ресторан мой разум полностью сосредоточился на Елене: вряд ли это была хорошая идея — упоминать Доминика после того, как она провела ночь в моей постели. Очевидно, что мысль о встрече с ним лицом к лицу заставляет её нервничать. Я надеюсь помочь ей справиться с собой до того, как она снова его увидит.

Хоть она меня и отшила, я всё равно чувствую, как она обдумывает предложение проводить каждую ночь в моей спальне. Я пришёл в восторг от того, что она не сдалась сразу. Это доказывало, что она становится сильнее, и может постоять за себя сама. Я не шутил, когда сказал ей, что в конечном счете им придётся встретиться лицом к лицу, и, если есть шанс уйти от него раз и навсегда, она должна быть в состоянии постоять за себя.

Я действительно жалел, что выбрал игры для проведения встреч. Я любил ходить на них и расслабляться, выпить несколько бокалов и отдохнуть, но теперь я опасался нахождения там. Дело с Толли только усугубило это. Чем больше времени я проводил с Еленой, тем больше осознавал, как сильно он навредил ей, и потому всё сложнее было обуздать желание снести ему голову.

— Доброе утро, мистер Хоуз.

Закатив глаза, я взглянул на Дастина, бармена. Независимо от того, как часто я просил его называть меня Эштоном, он всё равно не слушался. По какой-то причине он считал это забавным. Я не понимал этой шутки.

Я остановился, чтобы быстро обсудить заказ на спиртные напитки, а после направился в свой кабинет.

Мой стол был завален документами, и это моя вина. В течение нескольких прошлых недель я рано уезжал, чтобы поскорее оказаться дома с Еленой. Это было странно — торопиться домой к кому-то, но, в то же время хорошо. Вот только к этому прилагалась вина, весом с тонну. Я никогда до этого не спал с замужней женщиной. У меня, может, ненормальные моральные ценности, но один всё-таки был. И одним из советов отца, которые он давал нам на протяжении многих лет, было то, что нельзя бесчестно вести себя со своей женой,

или спать с чьей-либо. Правда, не казалось, что у отца вообще сейчас были какие-то проблемы.

Вина давила на меня, и я принялся за оформление заказов на следующую неделю. Это заняло у меня больше времени, чем обычно. Мысли о Елене в моей постели каждую ночь привлекали гораздо сильнее.

Возможно, отец был прав, когда сказал, что я чувствую к Елене больше, чем физическое влечение.

У меня были чувства к ней, которые значили намного больше, чем простое спасение из нелепой ситуации. Впервые в моей жизни я желал женщину более недели, при этом она подходила мне идеально во всех отношениях, которые только можно представить. И она замужем за мужчиной, давшим новое определение слову «мудак».

Всё в моей жизни было именно так. У меня было образование и опыт, чтобы стать первоклассным шеф-поваром в ресторане высшего класса, но *бизнес* отнимал всё время. Мой путь переломился, когда я купил собственный ресторан и сделал его более успешным, чем все остальные в районе.

Если кто-то и мог преодолеть препятствия, стоящие на пути к Елене, это был я.

Шёл третий период игры, а убудка до сих пор и духу не было, хотя я обмолвился, что останусь на целую игру, даже если бы он появился в первом тайме. Уходить сразу после него было бы подозрительно. Отец был непреклонен — мы должны оставаться осторожными, если не хотим попасться. Если бы команда хозяев поля проигрывала, то я смог бы выскользнуть раньше, пока половина стадиона выходила бы одновременно со мной.

Ранее вечером зашёл поужинать Брок, и единственное, о чём я думал — трапезы с Еленой в последние несколько недель. Исключением были всего три вечера, в том числе сегодня, когда я оставил её есть в одиночестве. Я знал, что у неё нет подруг, кроме одной из закуской. Доминик проделал чёртову работу по изолированию её от всех на свете.

— Эштон, что с тобой, чёрт возьми?

Я оглянулся через плечо на Брока и обнаружил, что он, нахмурившись, смотрит на меня.

— О чём ты?

Он вилок указал на мою тарелку.

— Давай начнём с того, что ты не притронулся к стейку, одному из твоих любимых. Не говоря о том, что ты не уделил ни капли внимания игре. Ты всегда говорил, что лучшая часть, когда имеешь дело со всем этим дерьмом, — это смотреть игру в уединении, — он поднёс вилку к бокалу, стоящему напротив меня. — Ты даже не заметил, что твоя команда выигрывает на четыре очка.

Взглянув в сторону табло, замечаю счёт один к пяти. Как я это пропустил? Единственной цифрой, на которую я обращал внимание, было время периода — я хотел, чтобы он закончился быстрее, чем обычно. Я снял очки и потёр глаза, прежде чем надеть их обратно.

— Кажется, я отвлёкся.

— Это из-за девушки, не так ли? Я видел, как ты смотрел на неё в ту первую ночь.

Я не мог обманывать Брока. Он прошёл со мной через достаточное количество передраг. Парень заслужил правду.

— Да. Из-за неё.

— Ты же знаешь, что попадёшь в гигантскую кучу дерьма, если спутаешься с ней, так ведь?

— Почему ты так говоришь? — Проворчал я, ощущая, как учащается пульс. Друг или нет, он не будет сидеть здесь и критиковать Елену. Она пережила достаточно.

— Посмотри на себя, ты готов драться со мной из-за жены другого мужчины. В этом вообще есть смысл? И если ты не будешь осторожен, то это закончится тем, что ты превратишься в киску, чего ты не можешь себе позволить.

Я посмотрел вниз на свои руки, сжатые в кулаки, и с усилием разжал их.

— Я просто трахаю её, а не прошу выйти за меня.

— Можешь продолжать вешать мне лапшу на уши.

— Что ты знаешь? — огрызнулся я.

— Послушай, я знаю тебя много лет, и никогда не видел, чтобы ты потерпел неудачу с женщиной. Ты редко обращаешь внимание на баб, если не хочешь спать с ними, и на этот раз дело касается замужней дамы. Что произойдёт, когда придёт время вернуть её тому куску дерьма, её мужу?

Я застонал, откинув голову на спинку стула.

— Я всё ещё надеюсь, что она не выберет его.

— Гарантий нет. И ты действительно хочешь выступить против сумасшедшего ублюдка вроде Толли? Любому дятлу, готовому продать жену, чтобы сохранить свою задницу, явно не хватает пары гаек в мозгу.

Я поднял голову.

— Я похороню этого сукиного сына, если понадобится.

— Сомневаюсь, что твоего отца действительно это волнует.

Прозвучал мой невесёлый смех.

— С этим я бы поспорил. Отец познакомился с ней на прошлой неделе. Поверь мне, я бы не удивился, если бы он сделал это сам, после того, как услышал, через что она прошла.

— Ещё один Дэвид?

То, что мой отец сделал с Дэвидом было хуже смерти. Даже Брок не мог переварить истории, которые мы все слышали, к тому же мы видели мужчину своими глазами, убедившись, что большинство слухов были правдой.

Дэвид больше не ходил, после того как мой отец «посетил» его. Он потерял левый глаз и правое ухо, одна нога была сломана так сильно, что им пришлось ампутировать её, чтобы спасти ему жизнь. У него были ожоги третьей степени на голове, шее, груди и спине, но муки на этом не заканчивались. Половина его пальцев была сломана, другие отрезаны, языка больше не было. Я не хотел думать о том, что случилось с его яйцами. Дрожь пробежала по спине от воспоминаний об этом. Как, мать его, моему отцу удалось жить с этим, не укладывалось у меня в голове.

— Возможно.

Стук в дверь.

— Говоря о Толли, — сказал Брок, вставая, чтобы впустить его.

Гнусный ублюдок не спеша вошёл в комнату, словно был хозяином этого места. Он остановился напротив меня, протягивая левой рукой маленький конверт. Этого явно было недостаточно, чтобы вернуть все деньги, которые он мне задолжал. Все мои должники знали, сверх пятидесяти мне платить не позволено.

Почему у меня складывается ощущение, что этот человек считает себя выше меня?

— По размеру этого конверта я предполагаю, что это даже не восьмая часть того, что ты мне должен, — я передал конверт Броку, чтобы он пересчитал.

— Там десять тысяч. Оставшаяся часть у меня будет к концу нашего соглашения. Я должен был подумать раньше, прежде чем продавать тебе Елену. Я больше не могу жить в отелях, но и ненавижу убираться в квартире, — его глаза метались по комнате. — Где эта ленивая сука? Ей лучше сделать то, что я ей велел, несмотря на то, что она омерзительно трахается.

Я спрыгнул со стула, и, не раздумывая, нанёс удар. Кулак соприкоснулся с его лицом, и он споткнулся назад, ударяясь об один из столов. Другим ударом я сбил его на пол, наседая на его грудь. Мои очки слетели с лица и скользнули через комнату.

— Не смей... говорить о ней... так... снова!

Это был не первый случай, когда я доводил свою точку зрения с помощью кулаков. Дьявол, даже не десятый. Этому куску дерьма повезло, что я использовал только кулак. Я чувствовал холодную сталь своего Глока, трущегося о бедро, пока замахивался снова и снова.

Я не прятался за спиной мышц. Да, я использовал Брока время от времени, но так было, когда у меня имелись неотложные дела, или когда человек был недостойн того, чтобы я марал о него руки. У меня была репутация, которую я заработал. Мне *не переходят* дорогу, и Елена моя, по крайней мере сейчас, и, следовательно, этот парень тоже не перейдёт дорогу ей.

Кровь забрызгала мои ладони и руки, плечи болели, а костяшки были в ссадинах. Я отвёл руку назад для следующего удара, и мне было вдвойне насрать на повреждения, причинённые ему, но сильные руки обхватили меня вокруг груди, оттягивая прочь.

— Он отключился.

Задыхаясь, я посмотрел вниз. Один его глаз был уже опухшим, волосы окрасились в красный цвет и прилипли к голове, кровь сочилась из носа, который теперь был искривлён под странным углом.

— Убери его отсюда, — прорычал я. — Позвони кому-нибудь, чтобы тот остался с мудаком пока он не очнётся, и ясно объясни ему, что если он когда-нибудь заговорит о Елене так же, то начнёт молиться, чтобы я вырубил его.

— Эштон... — начал Брок.

— Твою мать, я не хочу ничего слышать, — крикнул я. — Убери этого ублюдка с моих глаз.

Брок не стал спорить дальше. Он тихо сгрёб Доминика и потянул его в одну из ванных комнат в задней части клуба. Чересчур много людей толпилось вокруг, чтобы вытащить его со стадиона, но я был слишком зол, чтобы думать рационально. Я не хочу думать, почему я сорвался.

— Чёрт возьми, блядь! — Я достал другой телефон, который нельзя отследить, зная, что единственный способ исправить ситуацию, это позвонить отцу. Он либо будет зол как дьявол, либо от всего сердца одобрит моё поведение.

Спустя несколько гудков он, наконец, взял трубку.

— Алло?

— Пап, у нас проблема.

— Не говори мне, что тебя арестовали. — Его голос становился громче с каждым словом. Я слышал, как мама кричит на заднем фоне.

— Не арестовали, по крайней мере пока. — Я обыскивал комнату в поисках недостающих очков.

— Что ты имеешь виду под *«по крайней мере пока»*?

Обнаружив потерю на другой стороне комнаты, я положил их на

один из столов, чтобы удостовериться, что они не погнулись.

— Ага, если ты не отправишь ко мне кого-нибудь, чтобы помочь убрать беспорядок.

— Ну, если ты перестанешь городить грёбаную ахинею, и дашь мне представление о том, с чем мы имеем дело, я пошлю людей.

Я застонал и откинулся на кресло. Теперь, когда адреналин испарился, я чувствовал истощение, и хотел выбраться из этого дерьма.

— Кусок дерьма, который именует себя мужем Елены, хотел вернуть сегодня долг. Я встретился с ним на стадионе, а он сразу начал вываливать о ней всё дерьмо. Я потерял контроль.

— Ты убил его? — спросил отец без эмоций в голосе.

— Нет, но он в отключке. Глаза опухли, нос сломан.

— Судя по сказанному, ублюдок заслужил это, — на другом конце линии слышались некоторые помехи. — Какой тайм?

Я снова посмотрел на табло.

— Конец четвёртого.

— Хорошо, дай мне полчаса. Я пришлю кого-нибудь. Брок с тобой?

— Да, — сказал я. Брок только вернулся и сел рядом со мной, разглядывая кровь на полу и качая головой.

— Я хочу, чтобы вы ушли после девятого. Скажи Броку остаться до конца игры. Я пошлю за ним автомобиль.

— Хорошо, скажу.

— Заедешь завтра по пути в ресторан.

— Хорошо.

Мы отключились, и я перевёл взгляд на пол. Все причины, по которым я был не в восторге от своей принадлежности к бизнесу отца, находились прямо передо мной. Обычно я не ввязываюсь в драки, по крайней мере, со времён начальной школы. Была разница между «не платить» и «слететь с катушек».

Передо мной появился пакет со льдом.

— В противном случае твои костяшки опухнут, и будет очевидно, что ты сегодня подрался, — объяснил Брок, его рубашка была в крови. Ему тоже нужно было переодеться.

Взяв лёд, я приложил его к кровоточащим костяшкам. Он моментально обжёг холодом кожу, и я поморщился. Как, чёрт возьми, я должен буду объяснить Елене, что сегодня произошло?

— Спасибо.

— Уёбок это заслужил. Если бы ты не надрал ему задницу, это сделал бы я.

— Да, за исключением того, что теперь мне нужно отправиться домой и объяснять это Елене.

— Если она до сих пор не поняла, каким членососом является её муж, это должно разъяснить ей.

Я подался вперёд, поставив руки на бёдра и придерживая лёд.

— Она знает. Я больше беспокоюсь о её реакции на то, что я избил его до бесчувствия.

Брок поднял руки.

— Послушай, может это и не моё дело, но я хочу дать тебе совет. Я могу ошибаться, но мне кажется, что ты не готов оставить эту девушку. Может быть, пришло время познакомить её с тем, чем ты занимаешься. Как сделал твой отец. Тогда она не будет в шоке, когда подобное повторится.

— Ты ведь знаешь, что если бы я не считал тебя другом, с такими комментариями ты стал бы следующим.

Брок усмехнулся.

— Ты бы и пальцем меня не тронул.

Я потёр затылок, пытаюсь снять напряжение.

— Возможно, ты и прав. Я думал о том, чтобы взять её с собой однажды, но решил, что не стоит.

— Не иди на попятную. Просто сделай это.

Я смотрел на табло, пока не настало время уходить. В ходе седьмого периода прозвучал ещё один стук в дверь. Доминик не издавал ни звука до шестого периода, а затем были лишь мычания и

стоны.

Брок встал, чтобы открыть дверь.

— Добрый вечер, мистер Хоуз. Я — Виктор, ваш отец послал меня к вам, чтобы я позаботился обо всём.

— Да. Думаю, мой отец решил пораньше вызвать чистильщика.

Он кивнул.

— Он так и сделал. На данный момент седьмой период почти окончен. Вам следует уйти во время перерыва между периодами, когда большинство зрителей начнут покидать свои места. Я отправлю Брока между восьмым и девятым. К этому времени всё будет сделано.

Кем бы ни был этот мужчина, очевидно, мой отец доверял ему, да и, судя по всему, для него разбираться с последствиями кулачного боя — самое обычное дело.

— Отец сказал подождать до девятого.

Он кивнул.

— Знаю. Мы говорили об этом с ним. Так будет менее заметно.

— Спасибо, Виктор. — Я осмотрел бокс.

— Иди, я присмотрю, — предложил Брок, протягивая мне пиджак. Я надел его, застёгивая, чтобы прикрыть пятна крови. — Тебе лучше взять себя в руки, пока не привлёк чьё-нибудь внимание, — он указал на мои ладони. — Убедись, что они в карманах, пока не доберёшься до машины.

Я коротко кивнул.

— Доброй ночи.

И не говоря больше ни слова, я оставил клуб и стадион позади.

Глава 16.

Эштон

Несмотря на большое количество людей, присутствующих на игре, стоянка, по которой я шёл к машине, пустовала. Слышно было лишь тиканье моих часов. Я залез внутрь и включил зажигание. Костяшки всё ещё кровоточили и болели.

— Блядь! — выкрикнул я, ударив ладонью по рулю.

У меня ещё ни разу не возникало проблем со сбором долгов. Конечно, были инциденты как, например, с Рейнольдсом, но ничего настолько ужасного. Они всегда уходили на своих двоих, понимая, что не должны привлекать к себе внимание. Они знали о последствиях неуплаты долга, и это впервые, когда мне пришлось вызвать чистильщика.

Я так сильно сжал руль, что боль выстрелила по рукам, заставляя ослабить хватку. Сдав назад, я выехал со стоянки; полагаю, не лучшая идея, когда нужно залечь на дно, но учитывая мой характер, мне действительно было насрать. Мысли о Елене и всей дерьмовой ситуации в целом проносились в моей голове. Должно быть, я ехал на автопилоте, потому что меня удивило, когда перед глазами возник поворот на мою улицу.

Подъезжая к дорожке, ведущей к гаражу, я заметил, что свет в фасадной части дома не горит. Елена, должно быть, легла спать пораньше. Разговор о произошедшем сегодня придётся отложить до утра. Не хочется будить её и расстраивать.

Я бесшумно прошёл через дверь гаража на кухню, осторожно шагая по дому, так чтобы ни во что не врезаться. Свет горел наверху лестницы, освещая её достаточно, чтобы можно было подняться без происшествий. Оказавшись наверху, я понял, что свет исходит из моей комнаты. Джулия, должно быть, оставила его для меня, зная, что я вернусь домой поздно. Жаль, что Елена отказала мне, когда я предложил ей остаться в моей комнате. Мой член твердел только от мысли о ней в моей постели.

Войдя, я замер на полушаге.

Елена спала в моей постели.

— Святое дерьмо, — прошептал я. Возбуждение во мне нарастало.

Мои слова разбудили её, длинные ресницы затрепетали, открывая её тёплые карие глаза.

— Эштон? — позвала она сонным голосом.

Сев рядом с ней, я убрал несколько прядок волос с её лица.

— Ты же сказала «нет».

Она покачала головой.

— Нет, я сказала, что хочу сделать это, потому что это будет моим желанием, а не для того, чтобы порадовать тебя. На самом деле я сперва легла в своей комнате, но осознала, что соскучилась по твоему теплу и запаху на твоих простынях.

Мой рот захватил её, овладевая. Когда её сочные губы разомкнулись, я, не теряя времени, скользнул языком внутрь — это было именно то, что мне нужно после прошедшей ночи. Забыв о костяшках, я скользнул рукой под коротенькую розовую ночнушку, которую она надела в постель, и поморщился, когда ткань зацепилась за содранную кожу.

Я надеялся, что она не заметит, но Елена отличалась умом. Она отстранилась и посмотрела на меня.

— Что случилось?

— Ничего. — Я отодвинул руку подальше от её глаз.

— Не смей мне врать, Эштон, — предупредила она, садясь и скрещивая руки на груди. Я дотронулся здоровой рукой до её лица, но она шлёпнула по ней. — Я так не думаю. Только после того, как расскажешь, что произошло.

Вздохнув, я вытащил свою руку и показал ей. Синяки уже проявились, а кровь запеклась вокруг ран.

— Что, чёрт возьми, произошло? — Не дожидаясь ответа, она встала с кровати и пошла в ванную, вернувшись через несколько секунд с мокрым полотенцем, которое приложила его к моей руке.

— Ты только что выругалась при мне? — засмеялся я.

— Не начинай. Что произошло с твоей рукой?

— Боже, когда в тебе проснулась властность?

Она прищурила глаза, и мой член сразу оживился. Ни разу в жизни меня не возбуждало, когда женщина что-то требовала. Что-то в Елене делало её сексуальной, даже когда она злилась. С ней всё было по-другому.

— Твой муж-мудак появился сегодня и не смог удержать язык за зубами.

Она вздрогнула при упоминании о Доминике.

— Что он говорил?

Я покачал головой, не желая говорить, но знал, что она настоит на своём.

— Кучу дерьма о тебе, которое ни один муж не имеет права говорить о своей жене. Я потерял контроль.

— Ты защищал меня?

— Конечно. А чего ты ожидала?

— Я просто не привыкла к этому, — её глаза сверкнули. — Должна признать, это приятно. У тебя не будет проблем?

— Нет. Мой отец прислал человека на стадион, чтобы позаботиться об этом.

Осторожно убрав полотенце, она осмотрела ссадины. Тепло её рук согревало мою холодную кожу, и всё, о чём я мог думать — это тонкие пальцы на моём члене.

— Елена.

Её глаза потемнели, но она не попыталась прикоснуться ко мне. С тех пор, как я впервые попробовал её губы на вкус, она ни разу не проявила инициативу. Возможно, это ещё одно дерьмовое внушение её мужа.

Я зарылся руками в её волосы, не обращая внимания на боль, и захватил её губы. Вкус клубники смешался с ароматом виски на моём языке, и её руки легли на мою грудь, там и оставшись.

Покусывая её нижнюю губу, я сел на пятки и начал расстёгивать рубашку. У неё перехватило дыхание, когда я расстегнул последнюю пуговицу и стянул рубашку, бросив её на пол. Елена протянула ко

мне руку, но резко остановилась и опустила её на кровать. Прежде чем она успела отвести взгляд, я уловил желание в её глазах.

— Дотронься до меня, Елена.

Она дёрнула головой, в глазах читался вопрос. Взяв её руку, я расположил её на моей груди. Когда её глаза округлились, я испытал острую необходимость узнать, как глубоко запустила корни её проблема.

— Ты никогда не прикасалась к мужчине?

Она затрясла головой, глаза наполнились слезами.

— Не так. Мне не... не разрешалось. Доминик говорил мне, где прикасаться.

Блядь.

Её рука дрожала под моей, пока я держал её на своём теле. Не отводя взгляда от её лица, я произнёс:

— Этот человек не заслуживает ничего другого, кроме кулака или чёртова клейма. Я хочу, чтобы твои руки касались меня в любое время, когда ты захочешь, если только я не связал тебя, — я наклонился и лизнул её дрожащую нижнюю губу. — И это только потому, что я хочу приводить тебя к вершинам бесподобного удовольствия.

Мои слова вызвали у неё стон, звук которого моментально достиг моего члена. Её тело отвечало мне, но я чувствовал, что позволь я ей, она снова уберёт руки, а этого я не мог допустить. Мои руки направляли её, смещаясь по моей груди. Я позволил ей осматривать меня, убивая страх. Мои мышцы дрогнули, когда ладони Елены задели мои соски. Потребовался весь мой самоконтроль, чтобы не дёрнуть бёдрами, из опасения разрушить прогресс, которого мы достигли. Не говоря уже о том, что вся ситуация казалась мне эротичной.

Когда её руки самостоятельно продолжили исследование, я сдвинулся, чтобы расстегнуть ремень и пуговицу на брюках. Освободив член, я вздохнул с облегчением. Быстро погладив его несколько раз, я заметил, что руки Елены снова замерли, глаза широко распахнулись, но она не казалась шокированной.

Она выглядела возбуждённой.

Я снова взял её руку, направляя вниз по моему телу. Наши ладони потянулись к моему члену, и я наклонился вперёд, приближаясь к её уху.

— Дотронься.

Слова, скатившись с языка, принесли с собой странное ощущение, но по какой-то причине приятное.

Изящные пальцы обхватили мой ствол и слегка погладили. В движении присутствовала нерешительность, но от этого ощущения становились гораздо лучше. Я чувствовал её прикосновение повсюду, оно зажигало огненную бурю в моём теле, и желание опрокинуть её на спину и погружаться в неё снова и снова захлестнуло меня. Стиснув зубы, я держал свою задницу прикованной к постели.

Эта ночь была для Елены.

Сегодняшняя ночь под её контролем.

Глаза цвета расплавленного шоколада смотрели на меня из-под ресниц, грудь поднималась и опускалась от неглубоких вдохов, а дыхание вырывалось в такт с каждым поглаживанием. Наши тела двигались в унисон. Атмосфера в комнате накалилась, когда что-то изменилось в её взгляде, и она наклонилась вперёд, впервые поцеловав меня сама. У меня не осталось сил, чтобы контролировать свои руки. Обхватив её лицо, я наклонил голову, чтобы получить лучший доступ к её рту.

Полыхающая страсть заставила Елену толкнуть меня на кровать, отчего в горле завибрировал низкий рык. Она отстранилась от поцелуя, и я открыл глаза, понимая, что она уставилась на меня широко распахнутыми глазами и прижала пальцы к губам.

— Я...

— Не останавливайся.

Я направил её обратно вниз. Наши губы соединились, и тепло вернулось.

Внезапно она снова села, но когда я открыл рот, чтобы возразить, она прижалась пальцем к моему рту. Я замер в ожидании её следующих действий. Её руки коснулись подола сорочки и потянули тонкий материал через голову, позволив ему упасть на пол. Трусики быстро последовали туда же.

Я резко поднялся с кровати, стягивая оставшуюся одежду и хватая презерватив из ящика. Взяв Елену за руку, я вложил пакетик из фольги в её открытую ладонь и накрыл пальцами. Она сморщила нос.

— Сегодня вечером мы будем делать только то, чего ты хочешь. Я хочу, чтобы ты взяла контроль. — И дабы доказать ей серьёзность моего настроя, я лёг на кровать и закинул руки за голову.

Её глаза нашли мои.

— А если я не хочу, чтобы ты держал свои руки при себе?

Я засмеялся, мой член подпрыгивал на животе от каждого движения.

— О, дорогая, я не имею ни малейшего желания держать свои руки или любую другую часть моего тела при себе. Я всего лишь хочу, чтобы ты вела. Если ты не заметила, — её взгляд последовал за моим, пробежав по телу к моему члену, — всё, что ты делала до этого момента сделало меня тверже гвоздя.

— Тогда прикоснись ко мне, пожалуйста.

Потянувшись вверх, я взял в ладони её грудь, потирая затвердевший сосок подушечкой большого пальца, с её губ сорвался нежный всхлип. Елена опустила руки на мою грудь, перекуру ногу через живот. Когда она оседлала меня, вес её тела на моём только усилил возбуждение. Её влажная киска скользила по моему стволу, и мне пришлось сжать простыни, чтобы не толкнуться вперёд и не войти в её восхитительное тело.

Я заметил блеск в глазах Елены и понял, что серьёзно попал. Что бы ни удерживало её прежде, совершенно ясно, что теперь она отодвинула это подальше в своей голове. Наклонившись, она провела языком по моей груди.

— О, чёрт, Елена.

Её язык, выводящий линию вниз по моей груди и обратно вверх, влажное движение по одному соску с таким же вниманием, и возбуждение, струящееся по моему телу, заставили меня спросить самого себя, не умру ли я прежде, чем ночь закончится. Елена снова провела языком по моей груди, двигаясь от ложбинки на горле вверх по шее, пока не захватила мой рот. Закрыв глаза, она поглощала мои губы, ведомая голодом и страстью. Маленькая функционирующая

часть моего мозга признала, что именно так чувствовали себя женщины, когда их прекрасные тела оказывались подо мной. Чёрт, это было изумительно.

— Нравится? — прошептала она в мои губы.

— Сама почувствуй.

От её вида желание стало сильнее, член ещё тверже, а тело завибрировало.

— О Боже, Елена, если я немедленно не окажусь в тебе, то кончу себе на живот.

Она прикусила моё ухо.

— Мы бы этого не хотели, не так ли?

Откинувшись назад, она разорвала пакетик фольги, и дрожащими руками попыталась раскатать презерватив по моей длине.

— Расслабься, ты всё делаешь прекрасно.

Посмотрев на меня секунду, она кивнула. Сделав глубокий вдох, Елена сфокусировала взгляд на моём члене и плавно скользнула резинкой по стволу, от её нежного сжатия в моём животе отдалась боль. Зажмурив глаза, я сдерживал оргазм, чтобы не взорваться от таких мягких прикосновений. Приподнявшись, она разместилась надо мной, замерев на мгновение, прежде чем скользнуть на мой член.

— Святой ад...

— Чёрт, так хорошо, — мои глаза распахнулись, и я с удивлением наблюдал, как её лицо заливалось чем-то неопишуемым, а в глазах разгоралась страсть.

— Ругательство второй раз за ночь. — Я хмыкнул, не в силах сдержать сарказм.

Она приподняла бровь.

— Мне кажется, или ты смеёшься?

Вот дерьмо.

Она приподнялась, словно собиралась слезть, но воздух покинул мои лёгкие, когда Елена начала объезжать меня. Я поднял свои руки вверх, чтобы она могла ухватиться за них. Её темп ускорился, и я чувствовал, что моё тело придёт к кульминации быстрее, чем когда-

либо в жизни.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты близко, — молил я, прошипев слова сквозь стиснутые зубы.

— Очень близко, — с трудом выдохнула она.

Я потянулся большим пальцем к её клитору, и её спина изогнулась, а киска сжала мой член, когда Елена взорвалась вокруг него. Это всё, что мне было нужно, чтобы последовать за ней. В конечном счёте её тело обмякло, и она упала на меня. Я откинул с лица волосы и поцеловал её в губы.

— Я знал, что в тебе это есть.

Елена покачала головой, не открывая глаз.

— А я нет.

Её дыхание выровнялось. После одного поистине фантастического раунда секса, сон казался идеальным вариантом. Я выскользнул из-под Елены, чтобы убраться и выбросить презерватив. Мне надо было поговорить с ней о приёме у врача. Елене я доверял, а вот уёбку, за которым она была замужем, нет. Толли, вероятней всего, не мог удержать свой член в штанах, но, надеюсь, использовал презервативы с другими женщинами.

Елена сидела на том же месте, когда я вернулся в кровать. В доме не было слышно ни звука. Когда я обнял её, она прижалась к моей груди, и момент был настолько идеальным, что стало трудно поверить, что это может быть временно. Но решение было за Еленой. Что бы она ни решила, я должен всего лишь подождать и увидеть.

Глава 17.

Елена

Впервые за долгое время я чувствовала лёгкость в теле. Кровать ощущалась по-другому: больше, мягче, теплее. Не открывая глаза, я наслаждалась деталями этого момента. Впервые за долгое время отсутствовал тот подавляющий страх, приходящий каждый раз, как только я открывала глаза, не было усталости. Каждое утро, с тех пор как я переехала, становилось немного легче.

Этим утром страх исчез полностью.

Я почувствовала легчайшие прикосновения к спине и распахнула глаза; желание увидеть Эштона пронзало меня слишком сильно, чтобы противиться ему. Завораживающие глаза глубокого зелёного цвета смотрели на меня.

— Доброе утро. — Его голос напоминал страстный шёпот, послав дрожь по моему позвоночнику. Приятную дрожь, от которой моё сердце забилось быстрее.

— Доброе.

Нервозность вернулась, стоило мне полностью проснуться. Я была в безопасности с Эштоном, но, несмотря на произошедшее ночью, инстинкты взяли своё, и я приготовилась к его реакции, которая, я знала, последует.

Он удерживал меня в плену своих глаз и поднял руку, чтобы погладить моё лицо.

— Мне нравится просыпаться рядом с тобой.

В секунду, когда слова слетали с его губ, я растаяла под его прикосновением.

— Мне тоже.

Мысли о подобном утре проносились в моей голове одна за другой. Если бы это всё не было временно. Эштон вознёс меня на уровень, которого я не достигала ни с одним мужчиной. Мечта — вот как я могла назвать жизнь, останься я с ним. Опять же, я никогда не думала, что буду петь на сцене, как всегда хотела. Мечты сбываются, когда ты освобождаешься от гнёта неприятностей.

Его палец ласкал мои быстро твердеющие соски и, несмотря на всё, что мы уже сделали, здесь, в ярком свете дня, мне хотелось скрыть свою наготу от его взгляда. Его прикосновения были просты, но раскрывали меня. Не будь в этом моменте теплоты, уверенность покинула бы меня.

— Не стесняйся. Не после прошлой ночи.

Я отвела взгляд.

— Я не знаю, что мне делать.

Он продолжал гладить одной рукой, скользнув другой по затылку.

— Знаешь, но существует миллион вещей, которые я хочу тебе показать, — сказал он, прежде чем впиться в мои губы обжигающим поцелуем.

Наши языки танцевали, пока нам не понадобилось сделать вдох. Эштон поднял голову, чтобы посмотреть на меня.

— Твоя первая репетиция сегодня, так ведь?

— Да, — я посмотрела на часы. — Туда нужно явиться примерно через полтора часа.

— Я бы начал прямо сейчас, но не хочу, чтобы ты опоздала.

Я попыталась сесть и перебросить ноги через край кровати, но Эштон толкнул меня обратно.

— Оставайся здесь, — потребовал он, вставая и натягивая штаны. — Я собираюсь принести тебе завтрак. Расслабься, пока не будешь готова.

Он не дал мне шанса возразить. Развернувшись на пятках, выскочил из комнаты и спустился по лестнице.

Нахождение в кровати в одиночестве и тишине имело одну проблему — у меня было слишком много времени, чтобы обдумать ситуацию. Мой разум блуждал среди мыслей, которые посещали меня с утра.

Влюбилась ли я в Эштона?

Нет. Это невозможно. Должно быть, мои эмоции навеяны комфортом. Он показывает мне лучшую жизнь, наполняя меня

уверенностью, воплощая мои мечты. Это нормально — чувствовать к нему благодарность. Вот что я чувствовала.

Благодарность.

Если это так, то почему моё сердце ускорялось, когда я его видела? В действительности, мне даже не нужно было его видеть. Для бабочек в животе достаточно сообщения. Как только я узнавала, что он на пути домой, я не могла сосредоточиться ни на чём другом.

Я натянула одеяло на плечи и сунула руки под подушку, зная, что не смогу заснуть.

Мысли, чувства, *мысли о чувствах* — всё вращалось в голове.

Пока я ёрзала, лёжа в кровати, чувствуя то жар, то холод, отчего невозможно было почувствовать себя комфортно. Я опёрлась спиной на изголовье кровати, сделав глубокий вдох и радуясь, что Эштон достаточно далеко и не услышит, иначе он неминуемо спросил бы, в чём дело. Одно слово продолжало преследовать меня, дразнить своей важностью, танцевать на задворках моего разума так, что я была не в силах игнорировать его, как не в силах признать и дать имя тому, что происходило между мной и Эштоном.

Ситуация не была обычной, здесь и к гадалке не ходи. И поэтому было страшно. Для этого должно быть другое слово.

Обязано быть.

Мне нужно было найти способ разобраться с Эштоном, не выдав свои мысли. И он не должен знать, что я об этом думаю. Мне не нужна была жалость. После ухода от Доминика я усердно работала, чтобы подняться на ноги и стать сильнее.

Услышав шаги в коридоре, я сделала лучшее, что смогла придумать — села и обернула простынь вокруг груди.

— Ну и ну, я бы не отказался смотреть на эту грудь, пока ты ешь.

Он поставил поднос передо мной и, просунув палец в ложбинку между грудей, потянул простынь на себя. Я чувствовала себя незащищённой и сексуальной в то же время — так на меня воздействовать мог только Эштон.

Мне необходимо было сосредоточиться на чём-то, кроме его рук. Посмотрев на поднос, я заметила, что он приготовил свой особенный омлет. Эштон взял вилку, и сжал её моими пальцами, что было

необычайно эротично. Я наколола кусочек омлета, и его глаза следили за тем, как я подношу вилку ко рту. Из него вырвался стон, когда она оказалась зажатой между моими губами.

— Чёрт, наблюдать, как ты ешь — невероятно, чертовски сексуально, — он протянул руку вниз. — Я сделаю всё возможное, чтобы контролировать руки и позволить тебе поесть... Но ничего не гарантирую, потому что прямо сейчас я хочу развернуть тебя и оттрахать так, чтобы после ни один из нас не мог двигаться.

Теперь стон сорвался с моих губ прежде, чем я успела взять его под контроль. В голове появились картинки всего, что Эштон хочет со мной сделать, но о чём я стеснялась просить.

— Елена, — сказал он хриплым голосом. — Я не хочу, чтобы ты опоздала, и вижу то же в твоих глазах. Я собираюсь принять чертовски ледяной душ, но этой ночью ты моя.

Он захватил мои губы, сбивая дыхание, и пошёл в ванную комнату.

Мои глаза метались между едой и дверью, из-за которой был слышен шум воды в душе.

Ёрзая в кровати, я доела омлет и встала, чтобы пойти в ванную.

Очертания его тела были видны сквозь матовые стёкла, заставив мои соски затвердеть. Оперевшись одной рукой о стену перед собой, Эштон воплощал собой картину похоти. И я хотела попробовать его на вкус.

Шагнув в душ, я обняла его за талию. Взяв в одну руку член, я несколько раз провела по всей длине. Его голова наклонилась вперёд на секунду, прежде чем он обернулся. Не желая давать ему шанс остановить меня, я опустилась на колени, и взяла его в рот.

— Елена, — прошипел он. — Ты не...

Я взяла его глубже, эффектно отсекая любые аргументы, которые он планировал выдать. Впервые я делала минет, в котором каждый толчок не сопровождался оскорблениями. Доминик говорил, что я отвратительно это делала. Странно, что ему всегда удавалось кончить. Стоны удовольствия Эштона позволили мне поверить, что я всё делаю правильно.

Когда язык прорисовал круги вокруг головки, Эштон запустил

руки в мои волосы, сжав и потянув. Боль от этих движений была приятной. Его кожа ощущалась шелковистой под моим языком, когда я взяла его глубже. Бёдра двинулись вперёд, но он внезапно остановился.

— Елена, прости...

Не желая отпускать, я схватила его за ягодицы и притянула к себе. Он понял намёк и начал скользить по моему языку. В это время я обхватила его яйца, перекатывая их в ладони. Его движения ускорились, стали быстрыми и потеряли ритм.

— Я собираюсь кончить, Елена, — задыхался он.

Я знала, почему он предупреждал, но хотела этого. Взяла его в рот до самой стенки горла, сжав задницу руками, и, убедившись, что он не сможет выйти, доводила его до конца, пока семя не излилось в моё горло и рот. В секунду, когда он закончил, меня резко дёрнули, поставив на ноги, и его губы впились в мои.

Рот приоткрыт.

Языки переплетены.

Поражало каждое движение.

Он прервал поцелуй и лбом прижался к моему.

— Ты не должна была этого делать, — прошептал он, всё ещё задыхаясь.

— Я хотела.

— Ммм... не стесняйся, если захочешь сделать это в любое время.

Его простые слова изгнали весь страх и неуверенность.

— Хорошо.

Он погладил меня по животу. Я знала, чего он хотел. Взяв его за руку, я поднесла его ладонь к губам.

— У тебя будет вся ночь впереди. В противном случае мы оба опоздаем.

Он быстро поцеловал меня.

— Ненавижу, когда ты права.

Мы покончили с душем и приготовились встретиться лицом к лицу с новым днём. Эштон будет дома гораздо позже меня, но есть кое-что, о чём мне нужно позаботиться, когда я вернусь домой с репетиции.

* * *

Репетиция прошла лучше, чем я ожидала; единственная проблема была в том, что она быстро пролетела, и меня накрыла нервозность. Хотя это, вероятнее всего, и самая меньшая из проблем, я не была уверена, что готова лицом к лицу встретиться с демонами побольше.

После того, как Льюис высадил меня у дома, я сидела в гостиной, пялясь в телефон. Не набирала номер и не разговорила. Просто смотрела на телефон в руке. Пальцы дрожали, пока я нажимала каждую кнопку, а желудок переваривал содержимое.

Что они скажут? Я не общалась с ними пять лет. А если они отреклись от меня? Не сменили ли они номер? Трубку взяли, отчего меня чуть не стошнило. Мягкий, женский голос ответил:

— Алло?

Я глубоко вздохнула и заговорила.

— Мам?

— Лейни?

От её голоса, произносящего имя, с которым я выросла, горло сжалось и мне стало тяжело дышать.

— Лейни, это ты?

— Это я, — прохрипела я.

— Боже мой. — Послышалось приглушённое шарканье, а потом мама закричала. — Ланс! Ланс! Наша Лейни позвонила.

Донёсся ещё один крик.

— Включи громкую связь, — сказал мой папа. — Лейни, ты ещё здесь?

Мне пришлось рассмеяться над их выходками. За пять лет они не

изменились.

— Да, я всё ещё здесь.

— Где ты? — спросила мама, в то же время, когда папа поинтересовался: — Ты ещё с этим мудаком?

Я вздохнула.

— Я по-прежнему в Колорадо, и *технически* да, но собираюсь начать бракоразводный процесс.

— О, слава Богу, — выкрикнула мама. — Что изменилось?

Я теребила в руке уголок подушки.

— Я встретила мужчину...

— Ты встречаешься с кем-то? — Её голос немного кружил голову. — Вы с Домиником расстались?

Она никогда не была поклонницей Доминика. Когда я позвонила ей с новостями о нашем тайном побеге, она плакала, и отнюдь не от радости. Тогда Доминик начал наговаривать, что моя мама не желает мне счастья, что если бы хотела, то была так же рада, как и я. Это был первый шаг вниз по очень ненадёжной тропе моей жизни, где я стала не нужна всем, кроме Доминика.

Если бы я только знала.

— Да, мы живём отдельно последний месяц или около того. — Моим родителям не нужно знать больше. — И я встретила кое-кого. Он обаятельный и красивый.

— О, милая, — в её голосе узнавалась грусть. — То же самое ты говорила о Доминике.

— Да, но... — Только мысли об Эштоне оживляли мой день. — Он совершенно другой. Заботится о том, чего хочу я, и что нужно *мне*. Он слушает, когда я говорю, и отказывается от моей помощи, когда я хочу помыть посуду после совместного ужина. И вы никогда не догадаетесь, что он ещё сделал.

Она хныкнула в трубку.

— Он помог мне попасть на прослушивание в Бродвейское шоу, и я получила одну из главных ролей.

Мама не ответила, но я слышала её всхлипы, когда папа

произнёс:

— О, Лейни, это замечательно.

— Мам, ты в порядке? — Почему она плачет? Она знала, что это то, чем я хотела заниматься, поступая в колледж.

— Я... — Она сделала резкий вдох. — Я... никогда не д-думала, что мы услышим... тебя снова, — всхлипнула она.

Слёзы появились на моих глазах быстрее, чем я смогла остановить их, и я позволила им сбегать вниз по лицу.

— О, мам, мне так жаль.

— Малышка, тебе не за что извиняться, — утверждала мама. — Он исказил все твои взгляды.

— Это одна из тех вещей, которым я учусь. Эштон хороший учитель.

— Когда мы сможем познакомиться с этим таинственным мужчиной? — спросила мама, и я могла услышать её улыбку.

Дерьмо.

Об этом я не подумала. Безусловно, я могла бы объяснить своим родителям, что ситуация носит временный характер, и как я впервые оказалась здесь, но я бы не хотела, чтобы они узнали об этом. Эштон уже сделал так много для меня. Могла ли я требовать больше и попросить о встрече с ними?

— Я не знаю, но подумаю, как найти время и приехать к вам. Я так сильно по вам скучаю, — плакала я.

— Мы тоже скучаем, дорогая.

Разговор продолжался. Мои родители спрашивали, чем я занимаюсь, но я опустила многие детали, опасаясь их реакции на то, насколько ничтожной оказалась моя жизнь. Они, в свою очередь, рассказывали мне, что происходит с нашей семьёй на востоке. В конце концов я обратила внимание который уже час и поняла, что Эштон скоро вернётся с работы домой. Я бы хотела удивить его готовым ужином. Он мог разозлиться, что я готовила, но это был мой выбор. Это то, что я *хотела* сделать.

— Окей, мам. Обещаю, что постараюсь звонить хотя бы раз в неделю.

— Тебе лучше выполнить обещание, иначе твоя мать сведёт меня с ума, — со смешком сказал папа.

— Ладно, ладно.

— Лейни? — пропищала мама.

— Да?

— Я так рада, что ты позвонила.

— Я тоже, мама. Я тоже.

Мы попрощались, и когда я оказалась на кухне, Эштон вошёл через гаражную дверь.

— Чёрт, — выругалась я.

— Следи за речью, — с насмешкой выговорил он. Потянувшись, осторожно взял мою губу своими большим и указательным пальцами. — Не хочешь рассказать мне, почему надулась?

— Собиралась приготовить ужин, но поздно прибежала.

Едва я успела закончить предложение, как оказалась в объятиях, ощущая его губы на своих. Мы задыхались, когда наш поцелуй прекратился.

— Теперь лучше, — сказал он.

— Что?

Он снова провёл большим пальцем по моей губе.

— Больше никаких надутых губ. Иди наверх и переоденься. Поужинаем где-нибудь. А завтра сможешь приготовить, — подмигнул он.

И это то, за что я любила Эштона.

Любила?

Дерьмо.

Чёрт.

Чёрт.

Как я могла позволить себе снова влюбиться? Я не могла этого сделать. Исключено. Что бы я не чувствовала, это нужно оттолкнуть подальше, поглубже. Моя жизнь наконец-то стало чем-то, чем я могу

наслаждаться.

Я ничему не позволю её разрушить.

Глава 18.

Эштон

В глазах Елены что-то мелькнуло, но тут же исчезло. Она улыбнулась и спросила:

— Что мне надеть?

— Что-нибудь наполовину повседневное.

Я забронировал столик в моём любимом стейкхаузе и после ужина планировал сходить в кино. Елена не была в кино Бог знает сколько, и мне хотелось сводить её туда. Мы посмотрели так много фильмов, которые лично я видел миллион раз, а она даже не слышала о них. И это были не индийские фильмы, а блокбастеры высокого класса.

— Хорошо, дай мне пятнадцать минут, — улыбнулась она.

— Не торопись. Я тоже хочу переодеться.

Кивнув, она начала подниматься по лестнице, и я последовал за ней немного медленнее, наблюдая, как покачивается её задница, и чувствуя, как у меня просыпался стояк. Воспоминания о сегодняшнем душе заполнили голову. Ни разу за всё время я даже подумать не мог, что она сделает подобное, но, чёрт возьми, эта женщина знала, как использовать свой рот.

Остановившись на полпути, я посмотрел, как она исчезла в комнате, и постоял в коридоре немного времени, стараясь взять себя в руки. Всего несколько часов, и я смогу взять её. Она не заслуживала того, чтобы к ней относились как к секс-рабыне, но я собирался показать ей мир, наполненный удовольствиями, а на это потребуются длительные уроки.

Когда я вошёл в комнату, Елена уже оделась и теперь укладывала волосы в ванной. Скорее всего, хорошо, что я не застал её голой, иначе мы бы не вышли из дома.

В первую очередь я избавился от галстука. Хотя позже его и можно было бы использовать для связывания, в одном из ящиков я припас кое-что другое. Раздевшись до боксеров, я откопал пару джинсов и серую рубашку. Быстро одевшись, спустился вниз,

удаляясь от искушения. Примерно через десять минут Елена присоединилась ко мне. Я затаил дыхание от её вида. Джинсы так подчёркивали каждый её изгиб, словно их сшили специально для неё на заказ.

Нам необходимо убраться из дома, прежде чем я разрушу все планы на вечер и возьму её прямо на полу в гостиной. Когда она рядом, весь мой самоконтроль улетучивался в окно. С Еленой мне всегда недостаточно, и не важно, как часто я брал её — моё желание становилось только сильнее.

В каждой позе.

В каждой комнате.

Снова и снова.

Обычно я мог пождать, выждать, полностью посвятить своё внимание одной девушке, часами доводить её до невероятных высот удовольствия. Но не с ней. С Еленой я обнаружил, что мне повезёт, если я не кончу в штаны. Наблюдать, как она падает за грань, было просто...

Мой член неудобно дёрнулся.

Сегодня это изменится. Меня не волновало, как тяжело это будет, я выдержу и покажу ей всё.

Протягиваю ей руку:

— Пойдём.

— Куда мы идём?

Я ответил на её вопрос после того, как она села в машину, а я, обойдя вокруг, занял водительское место:

— Я заказал столик в моём любимом стейкхаузе, а затем мы поедем в кино.

Её глаза загорелись. Меня по-прежнему поражало, как такие обыденные вещи приносили ей радость.

— На какой фильм?

Я выехал на улицу.

— Подумал, что ты выберешь на месте.

Она откинулась на спинку сидения.

— Звучит, как идеальная ночь.

Мы остановились на парковке, и я поспешил обойти машину спереди. Блеск в её глазах, когда я открывал для неё дверь или делал что-то в стиле настоящего джентльмена, всегда приносил мне наслаждение. Не то, чтобы я всегда вёл себя как джентльмен, но Елена была другой. Через минуту мы вошли в двери и нас провели к нашему столику. Как истинные кавалеры обошёл Елену и выдвинул для неё стул.

— Спасибо.

Когда я занял своё место, к нам подошёл официант. Зная, что Елена ненавидит заказывать вино, я просмотрел винную карту.

— Нам бутылку Chateau Montelena Cabernet 2010 года.

— Отличный выбор. Я вернусь и приму ваш заказ.

Я кивнул официанту, и он ушёл. И я обратил всё своё внимание на Елену, изучавшую меню.

— Я понятия не имею, что выбрать, — засмеялась она.

— Не удивительно, — усмехнулся я. — Какой именно стейк тебе нравится?

Она пожала плечами и закатила глаза.

— На самом деле, я пробовала не так много стейков.

Её простое и честное заявление напомнило мне, почему я делал для неё всё это. Она столько упустила в жизни. От этого хотелось сжать челюсть так, чтобы зубы раскрошились, но я держал себя в руках, стараясь не огорчать её.

— Хочешь, я выберу что-нибудь для тебя?

На её лицо вернулась улыбка.

— С удовольствием. Твой вкус всегда лучше.

— Не всегда. Поглядываешь на рыбу-меч?

Она хихикнула.

— Так и есть.

— Хорошо, — сказал я, открывая меню. — Давай посмотрим, что тебе понравится.

— Хорошо.

Парни вроде тебя не заслуживают таких девушек как она.

Это мысль горела в моём мозгу, и несла в себе правду. Тот парень, которым я хотел быть, заслуживал такой женщины. Елена была достойна кого-то, кто мог окружить её добротой, чистотой и стабильностью — всем, чего не мог ей дать я. Но тот парень, которым я был, не отпустит её обратно. Я собирался удержать её, даже если она заслуживает большего.

Меню было закрыто.

— Выбирай что хочешь, а я пока закажу стейки.

Ожидая большего, Елена сверлила меня взглядом. Когда я не ответил и продолжил смотреть, она закатила глаза и посмотрела в меню. Официант вернулся с вином. Я взял предложенный им бокал, сделал глоток, пробуя, и коротко кивнул в одобрении, чтобы он наполнил наши бокалы.

Приняв наши заказы, официант ушёл. Прежде, чем я успел спросить Елену о том, как прошёл её день, завибрировал мой телефон. Я достал его и резко отвернулся от стола.

— Ответь, — она кивнула на телефон. — Это может быть кто-то из ресторанов.

Вряд ли.

Проведя пальцем по экрану, я отошёл от стола и увидел, что меня ждало сообщение от папы. Прекрасный способ, чтобы испортить отличный вечер.

Папа: Ты завтра будешь в боксе?

— Дерьмо, — пробормотал я себе под нос.

Я: Конечно. Спасибо.

Я поставил телефон на беззвучный режим, — то, что нужно было сделать ещё когда мы были дома.

— Всё в порядке? — спросила Елена, когда я вернулся. Беспокойство читалось у неё на лице.

— Папе необходимо, чтобы я встретился с клиентом завтра вечером.

— Хорошо. Разве ты не всё время это делаешь?

Пришло время раскрыть карты и увидеть её реакцию.

— Не по своему выбору.

Она ахнула.

— Ты хочешь сказать, что твой отец *заставляет* тебя это делать?

— Нет, — я потёр заднюю часть шеи, массируя мышцы. — Во всяком случае, это не совсем так. После того, как папа оплатил моё обучение в кулинарной школе, он попросил меня взять на себя эту часть бизнеса. Он так много сделал для меня, что я не смог ему отказать.

Подняв бокал, она сделала глоток и поставила его обратно.

— Буду честна, я не понимаю этого. Каждый день ты подталкиваешь меня, заставляя делать собственный выбор и то, что приносит мне счастье. Но не делаешь того же для себя.

— Это не одно и то же. Я делаю это, потому что люблю отца, и он любит меня.

Она наклонила голову и откинулась на спинку стула.

— Это было подло.

— Чёрт, — я потянулся к ней. — Это не то, что я имел в виду.

Она отодвинулась, и её глаза сфокусировались на чём-то в другой стороне комнаты.

— Тогда объяснись, потому что это действительно прозвучало так, словно ты напоминал мне, какой глупой я была, делая всё это для Доминика, в то время как он обращался со мной как с дерьмом.

— Елена, посмотри на меня.

Она сделала, как я попросил.

— Не смей думать, что это подействует на меня сейчас. Ты можешь разговаривать так со мной в спальне, но не во время спора.

Потянувшись к бокалу, я ощутил, как её слова морозом опустились на мою руку. Никто, ни мужчина, ни женщина, никогда не говорили со мной подобным образом, но это делало меня твёрдым как камень.

— Что, прости?

Скрестив руки на груди, она огрызнулась:

— Что, не думал, что я могу ответить подобным образом?

— Мне интересно, почему ты говоришь со мной таким тоном, — возразил я, имитируя её позу.

Её плечи оставались в напряжении, словно она готовилась к бою.

— К чему ты клонишь?

Блядь, она не собирается уступать.

— До того, как ты сорвала на мне злость, я пытался сказать тебе, что я не это имел в виду.

— Тогда что ты имел в виду?

Я стиснул зубы, пытаюсь сохранить хоть какое-то подобие контроля. Рациональная часть моего мозга знала, что ей нужно было постоять за себя. Не имело значения, что я показывал свой характер. Я отпустил его, и он искал крови. Потребовались все мои усилия, чтобы обуздать себя.

— Папа дал мне и Миллеру всё, поэтому, когда он попросил нас взять на себя часть его бизнеса, мы не могли отказаться, хотя, возможно, нам это и не нравилось. Его семья занималась этим в течение многих десятилетий. Правильно это или нет, но это всё, что я умею.

— Ты умеешь готовить. Очень хорошо, могу добавить.

— Да, но он мой отец.

Между нами возникло напряжение. Я взбалтывал вино в бокале, отпивая и ища официанта, чтобы поторопить его. Напряжение медленно покидало её тело.

— Сегодня я звонила родителям.

Святое дерьмо. Этого я не предвидел.

— Что они сказали?

В её глазах появились слёзы.

— Что скучали по мне, и обрадовались, услышав, что я теперь не живу с Домиником.

Мысли об её проживании со мной наполнили мой разум.

— Ты рассказала им о шоу?

Она улыбнулась сквозь слёзы.

— Да. Они очень гордятся мной. Сказали, что хотели бы посмотреть его.

— Почему не могут? Где они живут?

— В Делавэре. Слишком дорогостоящий перелёт ради одного шоу.

— Но они же твои родители?

— Да. Но ты должен понимать, что у моих родителей нет таких денег, как у твоих. Такой билет будет стоить около шестисот долларов *каждый*. И это не включая гостиницу.

В голове появилась идея. Мне просто нужно понять, получится ли у меня.

— Я не осознавал, что перелёты такие дорогие, — сказал я, запинаясь и надеясь, что она не поймает меня на том, о чём я думал на самом деле.

Официант вернулся с её салатом. Он заметил мой бокал, и когда я вновь взглянул в его сторону, тот уже был полон.

Принесли остальную часть нашего заказа, и мы принялись за еду в тишине. Когда съели половину, Елена отложила вилку и посмотрела на меня:

— Мне кажется, если бы ты поговорил со своим отцом и рассказал ему, что чувствуешь, он не сошёл бы с ума от того, что ты хочешь это прекратить. Всё, что от тебя требуется, это мужество для разговора с ним. И если я могу поговорить с моим папой, то и ты можешь.

— Брось, Елена. — Раздражение в голосе вылилось вместо со словами.

У неё отвисла челюсть, скорее всего, из-за моего тона, но она

ответила:

— Отлично. Это твоя жизнь, — и вернулась к еде.

Превосходно. Теперь она на меня злилась.

За ужином мы с Еленой почти не разговаривали, что помогло нам немного успокоиться. Когда тарелки опустели и нам принесли кофе, я наконец-то начал расслабляться впервые после сообщения от отца.

Проверил часы.

— Пойдём? За десертом можно заехать по дороге домой после кино.

— Звучит отлично, — сказала она. — Не думаю, что прямо сейчас в меня влезет ещё хотя бы кусочек. Выбранный тобой стейк был невероятно вкусным.

Оплатив счёт, я поднялся и помог ей встать со стула.

— Рад, что тебе понравился ужин, — прошептал на ухо, ощущая её дрожь.

Когда мы приехали в кино, я стоял перед кассой, пока Елена выбирала фильм. В списке была только одна романтическая комедия. Я не думал, что она выберет её, но всё бывает впервые.

К счастью, она выбрала не её.

Подойдя к стойке, я заказал билеты. Даже если Елена клялась, что наелась в ресторане, ей всё равно захотелось изюм в шоколаде. Кто я такой, чтобы ей отказывать?

Позже моим десертом станет она.

* * *

— Фильм оказался лучше, чем я ожидал.

Она взяла меня за руку и улыбнулась.

— В самом деле? Мне он так понравился.

— Когда вокруг фильма поднимают так много ажиотажа, всегда задаёшься вопросом, а не сделали ли они трейлер из самых лучших

кусочков.

— О, не будь занудой, — сказала она, её смех коснулся моих ушей словно песня. Интересно, я к нему когда-нибудь привыкну?

— Занудой? — я повернулся к ней лицом. Машина стояла прямо у неё за спиной, и я всем телом толкнул её к двери. — Сегодня ты полна сюрпризов.

— Разве ты можешь меня винить? Любой фильм с Мэттом Дэймоном занимает лидирующую позицию в моём списке.

— Мэтт Дэймон? Так вот что привлекло твоё внимание? — спросил я, наваливаясь на неё телом.

— Нет, — прохрипела она. — У меня определённо другие вещи на уме.

Её рука схватила меня через ткань джинсов. От такого смелого жеста мои бёдра толкнулись вперёд, чтобы оказаться ближе к ней, а рот накрыл её губы с властью и жаждой. Когда она раскрыла губы, я погрузился языком вглубь, чувствуя потребность ощутить её вкус.

О, как много я попробую позже.

— Мистер Хоуз?

Незнакомый голос вытащил меня из дымки похоти, которую вокруг меня создала Елена. Поправляя очевидный стояк, я развернулся к человеку, прервавшему мою ночь, и замер. Мои плечи напряглись.

Обуздав реакцию своего тела, я ответил:

— Простите, не уверен, что мы знакомы.

— Эштон? — Елена стояла позади меня.

Голос сделал два шага вперёд, позволяя свету от припаркованной машины осветить его лицо.

— Мистер Хоуз, это я, Дрейк Палмер. Я должен вам денег, сэр.

Ублюдок.

Во что бы то ни стало, я не мог отреагировать нужным образом и выбить из этого дебила последнее дерьмо. Кулаки сжались, когда я встретился лицом к лицу с идиотом.

— Вы ошиблись, — отступив, я взял в ладонь дрожащие пальцы

Елены.

Парень сделал ещё шаг вперёд, и дрожь в его руках стала заметной в жёлтом свете.

— Мне жаль прерывать ваш вечер, но у меня трудности с выплатой долга. — Его голос звучал низко и беспокойно, я для этого у него были все основания.

— Вам нужен не я, — проворчал я, но он продолжал говорить.

— Я слышал, что вы не против обмена, — он кивнул в сторону Елены.

Нет. Здесь я этого делать не буду. Конечно, Елена знала, чем я занимался, но это было *моё личное* время. У нас было свидание, чёрт возьми. Я упорно трудился, чтобы не впутывать в дела эту сторону моей жизни. И не было ни единого шанса, что я позволю бизнесу выйти за пределы.

Ни сейчас.

Ни когда-либо.

Отпустив её руку, я сделал два шага вперёд, встав прямо перед ним. Я был выше него на несколько дюймов и, судя по его тощей фигуре, он мне не противник. Он был из тех парней, которых я обычно отдаю Броку.

— Слушай сюда, ублюдох, я понятия не имею, о чём ты говоришь, но если ты не уберёшься отсюда в ближайшие пять секунд, я буду считать это угрозой. И поверь мне, ты *не захочешь* угрожать такому парню, как я.

Его глаза расширились и тело дёрнулось. Я собрался было открыть рот, но он исчез, умчавшись в ночь. Моё тело всё ещё пребывало на чеку, и я огляделся вокруг, но никого не увидел.

С усилием разжал кулаки. Мне нужно было увидеть, что Елена в порядке.

Она была белая как полотно, дрожа с головы до ног. Я протянул руку, но она отпрянула, и это оказалось больнее, чем я мог себе представить.

— Елена, посмотри на меня.

Её взгляд устремился на меня, но не был сфокусирован, и я знал,

что до неё ничего не дойдёт. Я должен был увезти её домой, подальше от этой ерунды.

Опустив руки на её плечи, я осторожно помог ей сесть в машину. Она не произнесла ни слова, пристёгиваясь на автомате ремнём безопасности и ожидая. Я встал за машиной, достал телефон и написал Брокку короткое сообщение.

Я: Мне нужна услуга. Встретимся у меня минут через 20.

Брок: Я буду.

Его ответ меня не удивил. Я платил ему, и платил хорошо, чтобы он был доступен всегда и везде. Палмер поймёт, как правильно связываться со мной к тому времени, как Брок с ним закончит. При нормальных обстоятельствах я бы сделал это сам. Если бы он остановился, когда я попросил его, я бы позволил ему уйти без каких-либо проблем, но он проигнорировал это. Ничего не доставит мне большего наслаждения, чем знать, что этот парень больше никогда не оскорбит другую женщину так, как Елену, но сейчас ей необходимо моё внимание, поэтому Брок передаст сообщение от моего имени.

Поторопившись, я сел в автомобиль и покинул парковку. Тревога приковывала моё внимание к Елене. Она сидела, глядя вперёд, со сжатыми на коленях руками. Взяв её ладонь, я потянул её к своим губам и оставил на ней мягкий поцелуй.

— Елена, поговори со мной.

— Нет.

— Что мне сделать?

Она с трудом сглотнула.

— Такое всегда происходит?

Всё во мне говорило, что я хочу, чтобы по истечению трёх месяцев Елена осталась со мной. И чтобы достичь этого, мне не только необходимо, чтобы она ушла от мужа, но и чтобы чувствовала себя комфортно со мной. Я не могу ей врать.

— Прежде подобное случалось один-два раза. Большинство клиентов осознают и принимают правила прежде, чем брать деньги в

долг. И если они не следуют им, мы их напоминаем.

Она вздрогнула, и я крепче сжал её ладонь.

— Я не причиняю им вреда, по крайней мере, не сразу. До сих пор большинство из них подчиняются правилам после первой беседы. Те, кто ослушивается, после не являются проблемой.

Она не ответила, но я видел, как дрожала её нижняя губа.

— Я никогда не причиню тебе вред, Елена. Ты должна знать это. Это всего лишь бизнес.

— Всего лишь? Раньше этим вечером ты сказал, что работаешь на отца только потому, что чувствуешь себя обязанным.

Я застонал. Это должно было стать идеальным свиданием, а не анализом потребностей и желаний.

— Я и чувствую. То, что я внушаю правила другим, ничего не меняет.

— Может, для меня меняет.

Я ударил кулаком по рулю.

— Ты знала, чем я занимаюсь, когда впервые забралась в мою постель.

Что бы ни сдерживало её нрав прежде, оно дало трещину после этих слов, словно спусковой механизм.

— Так для меня должно быть нормально, когда мне в лицо бросают факт, что я твоя последняя игрушка для траха?

И это было оно — сравнение с Толли. Потому что он относился к ней как к рабыне, и это то, что я собирался сделать, независимо от моих попыток доказать ей обратное.

Какой смысл? Я надрывал задницу, стараясь показать ей, что я не он, что я могу предложить ей больше. Я никогда не был таким парнем. Чёрт, с ней я был лучше, чем с любой другой женщиной. Она познала нового улучшенного Эштона Хоуза. Так почему она по-прежнему считает меня лжецом?

Я не знал, почему она так думала, но будь я проклят, если позволю этому продолжиться.

Глава 19.

Эштон

— Черт побери, Елена. Зачем ты это сказала?

Я резко ударил по тормозу, заставив нас обоих податься вперёд.

— Эштон, — закричала она, схватившись за ремень.

Повернулся к ней и схватил за подбородок, чтобы её лицо оказалось напротив моего.

— Теперь ты обратила на меня внимание?

— Что? — огрызнулась она.

— Я никогда не буду считать тебя *игрушкой для траха*. Если бы считал, то пользовался бы твоим телом, как предлагал мне твой дерьмовый муж, но вместо этого ты спишь в моей кровати, потому что мне нравится, когда ты там. Я бы не организовал для тебя прослушивание. Не водил на ужин. И я бы *никогда* не смотрел кино вместе с тобой, независимо от того, как хорошо ты делаешь минет.

Я не дал ей возможности подумать, не говоря уже об ответе. Опустив голову, я припал к её губам в жёстком поцелуе. Мне нужно было её доверие. Необходимо было знать, что она понимает — всё, что между нами было, вовсе не результат обстоятельств. Всё это я вкладывал в поцелуй.

Я заявлял на неё права.

И с каждым моментом она все медленнее таяла, её губы тянулись к моим, тело расслаблялось на сиденье. Я отстранился.

— Я хочу от тебя намного большего, чем от временного увлечения, поэтому сделал всё зависящее от меня, чтобы выпустить настоящую Елену — ту, которая может постоять за себя. Мне хочется, чтобы ты сделала свой собственный выбор. Хочется, чтобы ты выбрала меня. Мне без разницы, как ты появилась в моей жизни, я просто хочу тебя.

Она пристально посмотрела на меня, затем вышла из машины и пошла в дом, оставив дверь распахнутой. Я хотел последовать за ней, но меня остановил грохотом Chevelle SS 69 года. Я вышел из машины

и прислонился к двери, мне было необходимо поговорить с Броком и покончить с этим.

— Эштон, что произошло? Ты просто так не звонишь.

— Дрейк Палмер стал проблемой, — проворчал я.

— У тебя сегодня была встреча? — Он нахмурил брови над почти чёрными глазами.

— Нет. — Я начал вышагивать по проезжей части. — Кретин подошёл к нам возле кинотеатра.

— Дерьмо. Стоп, «к нам»? Елена была с тобой?

— К сожалению, идиот не только вынес бизнес на всеобщее обозрение, но ещё он очень ясно дал понять, что знает о моей сделке с Толли.

— Какого хера? — Брок размял плечи и отвёл их немного назад, что сообщило о его готовности к драке. — Хочешь, чтобы я урегулировал этот вопрос? — Снижение тона его голоса означало, что с него хватит разговоров, если только я не остановлю его.

— Я хочу, чтобы ты *побеседовал* с Палмером. Объясни ему, что ещё хоть одна малейшая ошибка, и он проведёт месяцы, а не часы, в больнице. И если эта ошибка будет допущена, говорить с ним буду я. И пока ты там, узнай, откуда ему известно о сделке.

— Кто ещё, кроме нас и Толли, знает об этом?

— Никто. Я знаю, что это был тот урод, но мне необходимо узнать, как далеко расплозлось это дерьмо. Елена злится, и мне это не нравится. Второе, что мне не нравится — это слабые мелкие ничтожества вроде Палмера, которые думают, что могут купить время, выступая сутенером своих подружек или предлагая нечто настолько же глупое. И глазом моргнуть не успеешь, как каждый из них обзаведётся каким-то нелепым умозаключением о том, что они могут не платить, а предложить подобную чушь. А мы не можем допустить это дерьмо.

— Я позабочусь об этом. — Брок скрестил руки на массивной груди — движение, означающее угрозу — но я знал лучше. — Ты уверен, что она достаточно сильна для этого? Знаю, что я сказал, что она была стойкой, но возможно...

— Отвали к чертям, — предупредил я. — На сегодня с меня

хватит дерьма.

Чем больше я думал об этом ублюдке, снующим и заявляющем, что он сможет перепрыгнуть через мою голову, тем сильнее мне хотелось надрать ему задницу. Но у меня были дела поважнее.

— С этим идиотом я разберусь, — сказал Брок, отступая к машине. — А тебе нужно разобраться с Еленой.

— Блядь! — я сделал несколько глубоких вдохов, пытаюсь успокоиться. — Заскочи завтра со свежими новостями.

— Будет сделано, — он вернулся к своей машине.

Я наблюдал, как Брок выезжал на дорогу. Он получит результаты, которые мне нужны. Дрейк Палмер вскоре узнает, что случается с людьми, которые не выплачивают свои долги и не могут держать рот на замке.

Я с такой силой оттолкнул дверь на своём пути, что по ней пошли трещины. Словом «злость» нельзя было описать моё состояние той ночью, которую испортил мелкий говнюк. В этом нет вины Елены, но расстроена именно она. Мне необходимо поговорить с ней, необходимо объясниться. Прежде чем подняться по лестнице, мне нужно было успокоиться.

* * *

Спустя пару глотков виски, я поднялся по лестнице. Даже зная, что нам придётся поднять эту тему в конце концов, время, проведенное внизу, помогло и у меня появилась идея. Когда я поднялся на самый верх лестницы, то услышал шум душа в своей комнате.

По крайней мере, она не вернулась в комнату для гостей.

В надежде подловить её, когда она выйдет, я разделся и подошёл к столу рядом с кроватью. Моей целью было заставить её забыть на некоторое время. Подготовить, чтобы мы могли поговорить об этом.

Пришло время показать Елене нечто из моих более экзотических пристрастий в спальне.

Захватив нужное и желаемое на сегодня, я выставил предметы на

стол и прикрыл их полотенцем. Когда вода выключилась, я подошёл к двери ванной и открыл её.

— Эштон, — закричала она, притягивая полотенце плотнее к телу.

Прежде, чем она успела сказать что-либо ещё, я подступил к ней так, что она прислонилось спиной к туалетному столику. Запустив руки в её волосы, я позволил себе вкусить её, воспламенившееся тепло от поцелуя заскользило по моему телу. Простое скольжение моего языка стало лишь небольшой увертюрой к тому, что я планировал сделать с ней позже.

Нуждаясь в воздухе, я прервал поцелуй и отстранился, наблюдая за румянцем, поднимающимся вверх по её телу и щекам. Забытое полотенце лежало на полу. Одним быстрым движением я взял Елену на руки.

— Поставь меня, — завизжала она, слова сорвались резко.

— Нет, пока не сотру всё то дерьмо, которое случилось раньше.

То, как её тело прильнуло ко мне в момент, когда ноги соскользнули на пол, заставило мой член дёрнуться. Если бы он был моим мозгом, я был бы уже по яйца погружен в неё.

— Эштон, — она упрямо попыталась вывернуться. — Мы должны поговорить.

— Потом.

Мне нужно было больше.

Наклонившись, я поцеловал нежное местечко прямо за её ухом, затем спустился вниз по шее, к груди, пока мой язык не коснулся затвердевшего соска.

— Ох, — простонала она, и её тело завибрировало от этого звука.

Когда мои зубы коснулись соска, она обхватила меня руками за шею, удерживая мою голову. Я давал ей то, чего она хотела, поочередно покусывая и облизывая. Резкие стоны заполнили воздух. Медленно, я встал и посмотрел ей прямо в глаза.

— Я хочу поиграть с тобой сегодня. Как только мы начнём, я возьму контроль на себя. Если что-то из этого для тебя будет слишком, скажи об этом. Ты согласна это сделать?

Её грудь поднималась и опускалась от глубоких вдохов. Она изучала моё лицо, остановившись на губах на секунду, прежде чем вернуть взгляд обратно к моим глазам.

— Да.

Это было единственное слово, которое я хотел услышать от неё. В мгновение ока я развернул Елену к себе спиной и повёл к кровати, уложив на матрац лицом вниз. Я лёгкими касаниями пальцев спустился по спине, пока она дрожала от моих прикосновений, мгновение я просто смотрел на неё, не до конца веря, что вся эта нежная и гладкая кожа всецело предоставлена для моих прикосновений и ласк.

Я хватаю её за бедра и потираюсь своей набухшей длиной напротив её задницы, показывая ей, что она делает со мной каждый чёртов раз. Усилив давление, раздвигаю ягодицы, чтобы увидеть девственный вход, и в горле перехватывает дыхание. Однажды я буду первым мужчиной, кто возьмёт её там.

Но не сегодня.

— Так чертовски сексуально. Каждый раз, когда я вижу тебя в моей постели, я хочу тебя всё больше и больше.

Когда я надавил большим пальцем возле запрещённого входа, она ахнула от моего прикосновения, не имея ни малейшего представления, сколько удовольствия я мог бы ей доставить.

— Думаю, сегодня мы немного здесь поиграем.

Елена приподняла голову с постели и посмотрела на меня через плечо с чёткой неуверенностью в глазах.

— Я никогда...

— Знаю, — я наклонился, чтобы прошептать это ей на ухо, скользя большим пальцем по крошечной дырочке. — Мы не доберёмся туда сегодня, но я хочу попробовать кое-что новое. То, чего ты никогда не делала. Доверься мне.

— Хорошо.

Она опустила голову обратно на матрац. Её мышцы всё ещё сжимались в напряжении, но она незначительно расслабилась после моего напоминания.

Потянувшись, я отодвинул полотенце и взял три предмета, которые, как я думал, понравятся ей больше всего. Мой член запульсировал от картинок в моей голове. Со слабым стоном я щёлкнул крышкой на бутылке и налил прохладную жидкость на кончики пальцев, прежде чем скользнуть ими вниз по её заднему входу, позволяя большому пальцу проникнуть внутрь.

Она сжалась, крепко удерживая меня. Начиная с основания позвоночника, я целовал её кожу, двигаясь вверх по спине.

— На вкус ты такая же сладкая, какой кажешься.

— О, Боже. — Её тихий стон был заглушён простыней.

Когда я почувствовал, что она расслабилась, то начал двигать большим пальцем немного вперёд и назад, снова и снова, позволяя ей приспособиться к ощущениям. Она извивалась на кровати, когда я протянул указательный палец к клитору. В момент, когда её тело толкнулось назад, пытаюсь насадиться глубже, я понял, что она готова.

Позволив пальцу выйти из её тела, я взял новейшую маленькую анальную пробку и смазал её для лёгкого проникновения. Просунул её во вход, продолжая поддразнивать пальцами её клитор. Огонь прокатился по мне, когда я увидел, как пробка исчезла внутри.

— О, это... ох! — Её слова становились бессвязным лепетом, пока я вращал пальцами по её маленькому комочку нервов.

— Милая, это ещё ничего.

Крепко удерживая бёдра, я повернул её голову к себе. Поднял бровь, давая вопросу повиснуть в воздухе.

Её глаза горели жаждой.

— Чувствую наполненность.

— Станет лучше.

Я перевернул её на спину, и, наклонив голову, всосал в рот сосок, делая из него твердый пик. Пока уделял такое же внимание второму, защёлкнул на первом зажим.

— Эштон, — захныкала он, выгибаясь на кровати.

— Тебе нравится это?

— Да. Да. Да.

Защёлкнул другой зажим — тонкая серебряная цепочка между ними контрастировала на коже цвета слоновой кости, — и мой член запульсировать при виде, как она натянулась между сосками. Елена была такой отзывчивой. Я пытался быть терпеливым, но достиг своего предела. Всё, чего я хотел, это скользнуть внутрь тёплого влагиалища и почувствовать трение пробки, растягивающей её для меня.

Я вошёл в неё одним плавным толчком.

— Святое дерьмо, — закричала она. — Боже мой, я...

Быстрый толчок внутрь и наружу, и весь разговор был забыт. Я захватил её рот, скользнув языком внутрь. Моё тело двигалось в том же ритме — брало и отдавало. Каждый стон и всхлип, срывающийся с её губ, толкал меня дальше, зажимы на цепочке заставляли Елену сжимать меня сильнее. Тугой жар оказался настолько обжигающим, что я не мог его вынести.

Я не мог сдерживаться слишком долго, и по тому, как её тело льнуло ко мне, я знал, что она тоже очень близко. Проведя рукой вниз по её бедрам, я просунул пальцы между нашими телами и начал тереть клитор, пока она не взорвалась. Её киска сжалась вокруг меня, сочетаясь с давлением от пробки, и я не смог больше сдерживаться. Ещё два резких толчка, и я кончил внутри неё.

Она лежала, тяжело дыша, удивление скользило в её глазах. Я вытащил из нее пробку, вызвав стон, и аккуратно снял зажимы. В её теле не осталось ни единой нечувствительной части. Относя игрушки в ванную, я захватил махровое полотенце, чтобы вытереть Елену. Провёл тёплой тканью по её телу, пока она лежала, не шевелясь, полностью удовлетворенная.

Я знал, что ты идеальна.

К тому времени, когда я забрался в постель и лёг рядом с ней, Елена крепко спала. Я переложил её в свои руки и, как всегда, в момент, стоило её телу коснуться моего, она свернулась в клубок.

Было что-то такое в этом жесте, дающее понять, что я получил даже больше, чем когда-либо ожидал. Елена значила для меня всё больше и больше с каждым днём.

Была ли это любовь? Я не знал.

Но готов был выяснить.

* * *

Гора документов, казалось, никогда не закончится. Реальность заключалась в том, что мне необходимо было проводить больше времени в двух своих заведениях. В последние время я проводил больше времени в «La Trattoria», не заботясь о «The Bluewater Grill» и «Indigo». Это был первый открытый мною ресторан, и он всегда будет особенным. Однако два других тоже приносили прибыль, и начини я ими пренебрегать, это прекратится.

Откинув голову на спинку стула, я вспомнил, как выглядела Елена этим утром во сне, обнимая меня и демонстрируя все свои восхитительные изгибы. Она уснула практически сразу, поэтому мы не успели поговорить. Попробую после работы.

Стук в дверь вытащил меня из фантазий.

— Входите, — крикнул я, сев и придвинувшись к столу.

Миллер просунул голову в дверь.

— Эй, чувак. Подумал, загляну и посмотрю, как дела у Елены. — Он поиграл бровями вверх и вниз.

Я указал на дверь.

— Вали отсюда или захлопни рот.

Он засмеялся.

— Ты переспал с ней, не так ли?

— А что заставляет тебя думать, что я расскажу тебе что-нибудь?

— Ты рассказываешь мне о каждой цыпочке, которую трахаешь, — сказал он, садясь на диван в углу кабинета. — Что делает её особенной?

Я отвернулся от него к экрану компьютера.

Громкий грубый хохот разрывал Миллера, когда он упал на диван, держась за живот.

— Ты... ты... — он не смог договорить.

— Какого чёрта ты ржёшь? — не прекращающийся звук раздражал меня. — Знаешь что? Я не хочу знать. Просто убирайся, чтобы я мог поработать.

Когда он немного взял себя в руки, то заговорил.

— Я был прав насчёт тебя в ту ночь у отца.

— Прав насчёт чего?

— Ты хочешь её, и не для быстрого перепиха. Ты хочешь эту женщину на долгое время.

— Кто сказал?

Он усмехнулся.

— Это написано у тебя на лбу.

Я больше не удерживал расслабленное выражение лица человека, которому плевать. Сжал ладонь у себя на бицепсе, барабанил пальцами по руке.

— Отлично. Я хочу её. Счастлив?

— Не совсем. Это впервые, когда ты хочешь кого-то не только для того, чтобы поиграть, а после выбросить. В чём дело? Что Елену делает другой?

Хороший вопрос. Что заставляет меня хотеть подарить ей мир на блюде, когда в большинстве женщин, за которыми я ухаживал ранее, меня даже не интересовало, нравятся ли им мои предпочтения?

— Она другая.

Меня спас очередной стук в дверь.

— Что? — спросил я раздражённо.

В комнату вошёл Брок, его челюсти были сжаты так плотно, что я подумал, они могут треснуть от напряжения. Войдя, он кивнул нам обоим.

— Кто нассал тебе в кашу? — У Миллера всё ещё были проблемы с контролем смеха.

Брок зарычал на него, но прежде, чем у парня появился шанс придушить его, я перенаправил внимание на себя.

— Что у тебя для меня?

Не зачем ходить вокруг да около.

— Палмер полностью осведомлён о том, как он должен и не должен поступать, если хочет яркого и счастливого будущего.

— Я так и думал, что он поймёт это, как только ты проведёшь с ним хорошую беседу. — Как бы мне не было ненавистно вести дела *этого* бизнеса, во всей этой ситуации нужно было разобраться немедленно.

— У нас была хорошая долгая *беседа* о том, откуда он узнал определённые вещи о Елене.

Это протрезвило Миллера.

— Что произошло с Еленой?

Я вздохнул, не желая объяснять это, но знал, что Миллер не позволит уйти от ответа, если я попытаюсь прогнать его.

— Один дерьмовый клиент подошёл к нам вчера на парковке возле кинотеатра и решил поговорить о деньгах, которые задолжал.

— Господи Боже. Я надеюсь, ты сказал ему, чтобы он шёл на хуй.

Теперь он сидел прямо, его глаза метались между мной и Брокком. Миллер практически всегда имел взрывной характер. Он, вероятнее всего, сделал бы с Палмером намного больше.

Брок сел рядом с Миллером.

— Палмер и Толли делали ставки в одном и том же месте в центре. Спорт. Не в твоём, Миллер, — добавил он. — По словам Палмера, Толли хвастался тем, как обыграл тебя. Что никто в здравом уме не захочет его тупую жену.

Я ударил кулаком по столу.

— Ты должно быть, мать твою, шутишь? Как вышло так, что об этом придурке никто не позаботился раньше? У него должны быть враги.

Брок покачал головой, и я знал, что он так же, как и я, озадачен вопросом, почему Доминик Толли всё ещё ходит по земле, не говоря уже о том, что до сих пор дышит. В нашем бизнесе ребята с длинными языками долго не живут. Как только какая-либо информация попадёт в чужие руки, весь карточный домик может

рухнуть.

И поверьте мне, никто не захочет оказаться *этим* парнем.

— Как Елена на это отреагировала? — спросил Миллер.

Я усмехнулся.

— Не очень хорошо. Утверждала, что я использую её как игрушку для траха и в реальности не хочу её.

— Господи. Он ебанутый на голову урод. Какого чёрта ты теперь собираешься делать?

Я повернулся к Броку.

— Навести этого урода *сегодня*. И как можно яснее объясни ему, что он должен будет вернуть мне каждый чёртов доллар, если не прекратит трепаться о нашей сделке всему грёбаному миру. Если бы я не думал, что это займёт у меня много времени, то сам бы нанёс визит. Но этот парень нам нужен живым.

Брок встал.

— Сделаю. Удостоверюсь, что он понял. — Угрозу в его голосе не с чем было перепутать.

Как только Брок закрыл за собой дверь, Миллер пересел в кресло перед моим столом.

— Что ты собираешься делать, чтобы исправить это дерьмо с Еленой?

— Я исправил это прошлой ночью.

— Нет, брат, ты наклеил пластырь. Нечто такого масштаба не исправить за одну ночь. Если она значит для тебя так много, как я думаю, тебе необходимо очень чётко показать ей, что она у тебя в приоритете. Что ты хочешь её больше, чем что-либо ещё.

— И как мне это сделать?

Парень пожал плечами.

— Я не знаю. Своди её куда-нибудь, где она никогда не была. Сделай что-то, чтобы продемонстрировать своё к ней внимание и показать, что ты на самом деле думаешь о ней.

Может быть, Миллер был прав.

— Когда ты стал таким мягким?

— Пошёл ты. Я много присматривался к маме и папе. Мы работаем в бизнесе, который отпугивает большинство женщин. Ты найдёшь выход, если хочешь удержать её. А если ты действительно этого хочешь, то тебе необходимо показать ей, что ты не позволишь бизнесу вмешиваться в вашу жизнь. Что сможешь разделять личное и работу. Что сможешь удерживать её в безопасности.

В моей голове начал созревать план. Я планировал что-то, что она никогда не делала и, вероятно, не получила бы шанс сделать, если бы не осталась со мной. Вопрос заключался в том, смогу ли я воплотить это в жизнь.

Глава 20.

Елена

— Проснись, соня.

Мои глаза медленно открылись, и я застала Эштона сидящим на краю кровати. В костюме он был сексуален, ну а в джинсах и облегающей футболке — мечтой.

— Доброе утро. — Мельком взглянула в окно и смутилась. — Эмм... или ночи? Который час?

— Почти три часа ночи.

Он откинул одеяло, и я приложила все усилия, чтобы не проглотить язык, глядя на его задницу, плотно обтянутую джинсами. Села и попыталась пригладить взъерошенные волосы, приводя себя в более презентабельный вид. С ним мне не сравниться. Он сжал мои пальцы и притянул их к губам.

— Не надо. Ты всегда прекрасна.

Он не оставил мне и шанса поспорить, хотя это не помешало румянцу разлиться по моим щекам.

— Спасибо. — Я все еще не привыкла к комплиментам и попыталась сменить тему. — Почему ты встал и оделся?

Он взял сумку в изножье кровати.

— У меня для тебя сюрприз. Мне нужно, чтобы ты тоже встала и оделась.

— Но...

— Никаких «но». Поднимай свою сексуальную попку с кровати и одевайся. Я буду ждать тебя внизу, иначе мы так и не выйдем из дома. — Его жаркий взгляд прошелся по моему телу. Потянувшись вниз, он поправил себя, глядя на меня с желанием, и сделал глубокий вдох, прежде чем выйти за дверь.

Еще мгновение я сидела, ощущая ритм сердца в груди от предвкушения того, что он мог придумать. Было так много сюрпризов, и каждый из них прекраснее предыдущего. Я спрятала лицо в простынях и улыбнулась.

— Поторопись! — крикнул он с лестницы.

Вскочив с постели, быстро умылась и натянула джинсы и футболку, которые Эштон оставил на кровати. Я была слишком занята, чтобы заметить их раньше. Сунув телефон в задний карман джинсов, спустилась, перескакивая через одну ступеньку. Может, рассвет только занимался, но прошло так много времени с тех пор, как кто-то устраивал для меня сюрприз. И с Эштоном каждый сюрприз был лучше предыдущего.

— Готова? — спросил он, тряся ключами от машины.

— Да.

Я потянулась к сумке у его ног, но он оттолкнул мою руку и поднял ее сам.

— Ты собираешься рассказать мне, куда мы едем? — спросила я, когда мы шли по дорожке к ждущему нас Бентли.

— Не-а.

Я прикусила нижнюю губу, надеясь, что он даст мне больше информации, но после того, как он закинул сумку в багажник и обошел машину, чтобы открыть мне дверь, его большой палец провел по моей нижней губе.

— Не сработает, Елена. — Он открыл пассажирскую дверь и жестом указал сесть в автомобиль.

— Хорошо. — Я села на сиденье, слушая его глубокий смех, пока он обходил машину и садился на водительское место. Было трудно прекратить притворяться и не засмеяться. К тому времени, когда мы выехали на дорогу, я сдалась и хихикала вместе с ним.

Мне было тяжело усидеть на месте во время нашей поездки. Предположения о том, куда бы мы могли направляться, мелькали в моей голове так быстро, что я едва поспевала за ними. Эштон свернул в небольшой аэропорт, паркуясь перед одним из ангаров.

— Перелет?

— Да, но больше я ничего не расскажу.

Мы вылезли из машины одновременно, и Эштон захватил сумку из багажника, пока шел ко мне. Переплел свои пальцы с моими, и я ахнула от его жеста, потому что легким сжатием моей руки он

успокоил мои нервы. Мне было странно оттого, как хорошо он знал меня.

Мы шли рука об руку к ангару. Ворота были открыты, самолет ждал на взлетной полосе.

— Эштон. — Мужчина с коротко стриженными рыжими волосами вошел в дверь. — Быстро добрались.

— Да, — сказал Эштон, протягивая руку. — После того как кто-то встал с кровати.

Он оглянулся и подмигнул мне.

— Середина ночи, — запротестовала я.

Оба мужчины рассмеялись.

— Джон, это Елена, — Эштон подтолкнул меня вперед. — Елена, это Джон. Папа платит ему дополнительно, чтобы у нас был трансфер для особых перелетов.

— Приятно познакомиться. — Джон поцеловал мою руку, задержавшись немного дольше, чем это было необходимо.

— Джон, — предупредил Эштон.

Тот поднял руки, глазами прошелся по моему телу. Несмотря на предупреждение Эштона, его взгляд задержался на моей груди.

— Ты не можешь обвинить меня в том, что мне сносит башню.

— Тогда ты не сможешь обвинить меня в том, что произойдет дальше.

— Справедливо. — Джон вернулся к двери. — Самолет заправлен. Проверен. Полоса свободна. Можем взлетать, как только вы будете готовы.

Эштон посмотрел на меня, очевидно, увидел мольбу в моих глазах.

— Мы уже готовы.

— Трап спущен. Заходите. Я поднимусь через минуту. — Джон выбежал за дверь.

— Было приятно познакомиться, — прокричала я в ночь. Повернувшись к Эштону, добавила: — Ты напугал его.

Он усмехнулся.

— Да мне плевать. Я плачу ему за полет, а не за распускание рук на женщину, на которую я пытаюсь произвести впечатление.

Я закатила глаза и позволила Эштону провести меня к уже готовому трапу.

— Частный самолет?

— Единственный способ попасть туда, куда мы собираемся. Аэропорт маленький, а ближайший крупный в трех часах езды.

География никогда не была моим любимым предметом. Я ломала мозг над тем, куда он мог меня везти.

— Перестань пытаться угадать, — тихо сказал он рядом с моим ухом. — Испортишь сюрприз.

Он пристроил сумку в один из отсеков рядом со входом, затем указал мне на одно из огромных кожаных сидений. Этот самолет не был похож на те, где обычно сидели по три человека в секции. Этот был действительно огромным для двоих. Заняв место, я была удивлена, насколько комфортным оно оказалось.

— Я летала только в эконо-классе.

— Сколько раз ты летала?

Я уставилась в пол.

— Один, когда мы летали в Лас-Вегас.

Эштон повернул голову ко мне.

— Ты говоришь мне, что летала только один раз в жизни?

Кивнула, не зная, как реагировать. Меня окатило унижением.

— Да, назад в Колорадо мы поехали на машине. Доминик хотел начать жизнь заново в новом месте.

— Я думал, что твои родители живут на восточном побережье. Ты не навещала их?

— Доминик всегда говорил, что у нас нет денег для такого длительного перелета. — Я смотрела на ковер так долго, что запомнила узор на нем. — К тому же, мы перестали общаться, помнишь?

Он взял меня за подбородок большим и указательным пальцами, приподняв мое лицо к своему.

— Елена, ты не виновата. Каждый раз, когда ты открываешься мне, я чувствую отвращение из-за степени бесчувственности и эгоистичности этого человека.

Так много мыслей закрутилось в моей голове. Правильно это или нет, но я решила рассказать Эштону о своих планах.

— Я решила подать на развод. Мне нужно найти хорошего адвоката.

Порочная ухмылка появилась на его губах, и он налетел на мои губы требовательным поцелуем. Наши танцующие языки сражались в обжигающем пламени, и я мгновенно забыла, где мы, пока он не отстранился, тяжело дыша.

— Я хочу тебя. Не могу. Еще нет, пока.

Моя грудь вздымалась. Меня по-прежнему поражало, как быстро Эштон может превратить меня в кашу из нервов и безумия. Все, что требовалось — простой поцелуй. Его язык очень талантлив, где бы он его не использовал.

Джон вошел в самолет, отводя взгляд.

— Пристегните ремни, мы готовы взлететь.

Мое лицо воспламенилось от мысли, что нас застукали.

— Он ничего не видел, — прошептал Эштон. — И он пропустит остаток шоу, потому что застрянет за этой дверью, откуда будет управлять самолетом. — Он непристойно усмехнулся.

Каждое нервное окончание стало покалывать от его чувственного обещания.

— Мы не можем делать *это* в самолете.

Его рука скользнула под мою футболку.

— О, еще как можем. И сделаем. Ты то и дело дразнила меня, с тех пор как я тебя разбудил. Я достаточно ждал.

— О, Боже.

— Правильно. Ты много раз будешь кричать это, но сейчас хватит только моего имени.

— Подожди... Ты сказал, что *я дразнила тебя?* — Все комментарии, взгляды, не говоря уже о поцелуе, мелькнули перед глазами. — Ты же... — Он накрыл пальцами мои губы.

— Не отрицай. Я видел, как ранее ты пялилась на мою задницу. Какой мужчина это выдержит? — Я хотела возразить, что он тот, кто раздел меня вчера ночью, но его пальцы не сдвинулись. — Поскольку мы еще не можем делать то, что я хочу, давай поговорим о твоём разводе.

Его пальцы исчезли с моих губ, но я только успела выдать:

— Прошлой ночью.... — И он снова накрыл их.

— Не-а, мы говорим о разводе, а не о твоих способах меня дразнить.

Закатила глаза и кивнула. Его пальцы снова исчезли.

— Я хочу начать процесс развода. Не хочу ждать ни минуты, чтобы освободиться от него. Я должна была уехать от него раньше, но не знала, как. Я рада, что готова сделать это теперь. Мне только нужно найти адвоката.

— У меня есть юридическая фирма. Мы можем сходить туда на неделе.

— Ты не должен этого делать.

Самолет выехал на взлетно-посадочную полосу.

— Я хочу. Мысль о том, что ты будешь полностью свободна от этого придурка, делает меня твердым, как камень. Кроме того, я им плачу. Пусть хоть как-то отрабатывают деньги.

Самолет набрал скорость, и мы оторвались от земли. В этот момент Эштон взял меня за руку и положил ее на выпуклость в своих штанах.

— Эштон, — прошептала я.

Он захватил мой рот, когда самолет начал набирать высоту, но наполняющие моё тело чувство полёта не имело ничего общего с взлётом. Эштон и его талантливый язык посылали меня к новым высотам и все мысли о протесте вылетали в окно. Его рот двинулся от щеки вниз к шее, слегка вставив место, где пульсировала моя венка.

Мое тело уже горело, когда пальцы Эштона гладили меня по

животу, пробирались под футболку, чтобы накрыть грудь. Его большой палец дразнил меня над тканью.

— Быстрее, — взмолилась я.

— Быстрее? — Его пальцы дразнили мои соски. — Ты была не уверена, что хочешь делать это здесь.

Желая меньше слов и больше прикосновений, я вцепилась в волосы на его затылке и притянула его губы к своим.

Он не разочаровал.

Когда его язык скользнул обратно в мой рот и его пальцы опустились под ткань моего лифчика, слабый голосок на заднем плане пытался прокричать мне, что я, должно быть, сошла с ума, раз согласилась на это. Вот только возражения этого голоска были настолько тихими, что больше походили на шепот.

Пульсация в моем центре просила большего. Внезапно мой ремень безопасности оказался расстегнутым, а я была перемещена на колени Эштона, не разрывая наших губ. Твердая эрекция уперлась в меня, создав восхитительное трение. Желание, горячее и тяжелое, заполнило меня. Я протянула свободную руку, чтобы расстегнуть пуговицу и молнию на его джинсах. Он научил меня этому: я могла прикасаться к нему и наслаждаться этим.

Это было именно то, что я хотела — прикасаться и наслаждаться. Стон соскользнул с его губ в момент, когда я нырнула рукой внутрь его штанов и обхватила его.

— Блядь, Елена.

Несколько раз двинула рукой вверх-вниз прежде, чем Эштон, схватив меня за плечи, повернул на своих коленях. Одна рука задрала мою футболку и вернулась к соскам, другая обвила меня внизу и, расстегнув джинсы, скользнула в них. Мои бедра ожили, пытаясь получить его пальцы везде, где мне было необходимо. Зубами он прикусил мой затылок.

— Эштон.

— Это именно то, что я хотел услышать. Такая отзывчивая. — Его палец ласкал мой клитор, и мышцы моего тела напряглись в ожидании, пока языком он двигался по моему затылку. Этого сочетания оказалось слишком много, и фейерверк взорвался перед

моими глазами, пока я поддавалась позыву и кончала, выкрикивая имя Эштона.

Ощущение после шока так плотно заполнило мое тело, что я едва заметила, как он стянул мои штаны вниз на бедра. Приподняв меня немного выше, он скользнул в меня. Оба наши медицинские тесты не показали ничего опасного, я была на таблетках, так что не было никакой необходимости в презервативе.

— Ты такая чертовски влажная. Знание того, как сильно ты меня хочешь, заставляет меня кончить. Я хочу трахнуть тебя быстро и жестко прямо сейчас.

— Сделай это, — стонала я.

Эштону не нужно было повторять дважды. Он схватил меня за бедра и начал быстро двигаться. Мое тело двигалось синхронно с ним.

— Черт, черт, черт, — всхлипывала я, мое тело встретило второй оргазм быстрее, чем я могла себе представить.

Эштон сбился с ритма, перед тем как толкнуться в меня в последний раз. Ощущения были единственным, на что я обращала внимание, пока оргазм разрывал меня.

Пока мы остывали, Эштон мягко целовал меня в шею. Взглянув вниз, я заметила наше полураздетое состояние. Истощенная, я прислонилась спиной к Эштону, наслаждаясь его мягкими поглаживаниями на моем животе.

— Ты настолько страстная и отзывчивая. Все, что мне нужно, — прошептал он мне на ухо.

— М-м-м.

— Разве я украл твои силы? — усмехнулся он.

Я кивнула, потому что слишком устала, чтобы говорить.

— Давай оденем тебя, и ты сможешь поспать оставшееся время полета. Я разбужу тебя по прилету.

— Куда?

— О, нет, ты по-прежнему не вытянешь из меня ни слова своим сонным голосом.

— Я пыталась, — пробормотала я.

Он засмеялся и встал, обняв меня на талию. Помог мне одеться, а затем натянул на себя джинсы. Я села обратно на свое место, задаваясь вопросом, будет ли достаточно комфортно спать сидя. Эштон покопался в шкафчике и вернулся с одеялом и подушкой.

— Спасибо, — сказала я, взяв подушку из его рук и поместив ее за голову.

Он рассмеялся и покачал головой.

— Давай помогу. — Он протянул руку вниз на сиденье. Спинка начала медленно откидываться. Когда она, наконец, перестала двигаться, я легла и поняла, что засну мгновенно. Эштон накрыл меня одеялом, а затем поцеловал в макушку.

— Спи.

Я слишком устала, чтобы спорить или пытаться получить ответы от него, и мои глаза закрылись.

* * *

Меня разбудил толчок от соприкосновения шасси с землей. Как ребенок в рождественское утро, я немедленно подскочила. Приподнявшись, обнаружила Эштона развалившимся в кресле рядом со мной. Его очки были сдвинуты на лоб, и сам он сидел с книгой в руке.

— Неужели мы почти на месте?

Он опустил книгу на колени, вернув очки обратно на глаза.

— Мы скоро должны быть в ангаре, просто ждали разрешения на приземление.

Эштон встал и потянулся, каждая из его мышц проступила под футболкой.

— Ты можешь прекратить глазеть. Если хочешь прикоснуться...

Он взглянул на меня краем глаза с ухмылкой на губах.

Я отвела взгляд, но затем вернула обратно. Почему я не должна прикасаться к нему? В конце концов, в этом самолете мы делали

вещи похлеще. Скоро мы окажемся там, куда он меня пригласил — кто знает, когда мне в следующий раз удастся сделать это.

Встав, я подошла и прижала руки к его ребрам, и его глаза мгновенно потемнели. Его реакция заставила меня ощутить себя храброй и, не дав ему шанса сделать что-либо, приподнялась на носочки и прижалась губами к его губам. Опустив руку на мой копчик, он прижал меня ближе к себе. Когда откинулся на спинку кресла, то смотрел на меня с минутку и признался:

— Ты заставляешь меня чувствовать, то, что, я думал, никогда не почувствую.

Не будучи уверенной, что на это ответить, я закрывала и открывала рот несколько раз, ожидая, что найду что сказать. Но меня прервали, распахнув дверь.

— Ребята, можете выходить из самолета, когда будете готовы. Машина... — Джон, казалось, заметил, что происходит между нами, и затих.

— Спасибо, Джон. Я напишу тебе, когда мы будем готовы вернуться обратно, — бросил через плечо Эштон. Выдохнув, я поблагодарила приносящие удачу звезды. Спасенные чудом.

— Эштон.

Он шагнул в сторону отсека, где ранее оставил сумку. О, Боже, я все испортила? Мой желудок скрутило. Ему понадобилось время, чтоб организовать это, а я стояла, словно набрав в рот воды.

В нерешительности последовала за ним. Ситуации такого рода всегда заставляли меня нервничать, с Эштоном я не знала, где остановиться. Доминик бы просто пришел в бешенство, и с этим я смогла бы справиться. Я не привыкла размышлять.

Эштон стоял у двери, просто глядя на трап. На мгновение я подумала, что он может изменить свое мнение и позвать Джона, чтобы тот отвез нас обратно. Затем он повернулся и протянул мне руку, держа таинственную сумку в другой. Я чувствовала, как напряжение покидало мое тело, все мои переживания мгновенно угасали.

Моя рука скользнула в его ладонь, сплетая наши пальцы вместе, и я почувствовала на коже тепло, отогнавшее холод. Мы шли, держась за руки, к джипу, который стоял на взлетной полосе перед

нами.

— Здесь тебе, возможно, понадобится это. — Он залез рукой в сумку и вытащил свитер с капюшоном.

— Спасибо. — Я натянула свитер и забралась в джип.

После того, как Эштон занял место водителя, я посмотрела на него. Он был таким красивым мужчиной. Мне нужно было заставить себя поверить, что я не сплю.

— Всё ещё не хочешь рассказать мне, куда мы направляемся?

— Увидишь через минуту. — Он завел машину и поехал к воротам.

Когда мы проехали через них, я подумала, мои глаза выпадут из орбит. Я не могла неправильно понять знак. Потянувшись вперед, он приподнял мой подбородок.

— Закрой рот, пока в него не залетела муха.

— Гранд-Каньон? Ты привёз меня к Гранд-Каньону?

Это было то место, где я всегда хотела побывать, но ни разу в жизни не подумала, что смогу это сделать.

— У меня такое ощущение, что ты никогда не была здесь, и я подумал, что увиденный здесь восход солнца будет для тебя впечатляющим зрелищем для первого раза.

Слезы подступили так быстро, что у меня не было ни малейшего шанса остановить их, и они заскользили по моим щекам, размывая картинку перед глазами и мешая мне глубоко вдохнуть. Эштон посмотрел на меня.

— Не плачь, Елена.

— Я ничего не могу с этим поделать. Я никогда не была так счастлива.

Небо было все еще темным и сложно было что-то увидеть. Мое сердце ускорялось в груди с каждой милей. Я знала, что мы подъезжаем ближе.

Эштон остановил джип и выпрыгнул, захватив сумку. Выйдя из машины, я удивилась тому, как снизилась температура.

— Ничего себе, как холодно.

— Это пока солнце не взойдет. — Он приподнял сумку в руке. — Я захватил вещи, чтобы согреться. Пойдем, не хочу, чтобы ты пропустила хотя бы секунду.

Он включил фонарик, свет которого оказался необычайно ярким в темноте, и пошел вперед. Безусловно, я работала в ночное время, но не знаю, было ли это из-за смены местности или из-за чего-то еще, но всего казалось... *больше*. Воздух холоднее, ночь темнее. Я догнала Эштона, просунув руку под его локоть, и когда мы шли по тропинке, мне казалось таким правильным — чувствовать его рядом с собой.

Больше.

Мы оказались там не единственными, вокруг нас слышались голоса. Когда мы, наконец, остановились, я была рада, что Эштон дал мне кроссовки. Он достал одеяло из сумки. Заняв место в центре, похлопал рукой перед собой.

— Садись со мной. В это время года здесь лучшее место, чтобы увидеть рассвет.

Дрожа от холода, я села между его ног, прижавшись к его груди, и он укутал нас еще одним одеялом, крепко прижав меня к себе. Это казалось таким правильным — сидеть с ним здесь вот так, как сейчас. Было трудно сосредоточиться на чем-либо, кроме окружающей меня красоты. Мы просто сидели и наблюдали за тем, как небо меняется от светло-голубого до оранжевого, и в конце становится розовым.

Тогда, в самый незабываемый момент моей жизни, в объятиях мужчины, что спас меня из ада, в котором я жила, я наблюдала восход солнца над горизонтом.

— Он прекрасен.

Я не рискнула оторвать взгляд от неба, зная, что это будет один раз в моей жизни. Не хотела пропустить ни секунды. Ничто не сможет сделать момент лучше.

— Да, — сказал Эштон, опустив подбородок мне на плечо, его рот оказался прямо возле моего уха. — Как и ты.

Глава 21.

Эштон

Трепет в голосе Елены подтвердил, что наш перелёт того стоил. Никто никогда не относился к ней как к принцессе. Отец прочёл меня как открытую книгу, когда я впервые привёз Елену в его дом на ужин — что-то влекло меня к ней. Я не знал, что и почему. Сначала говорил себе, что это всё ради её спасения, но на самом деле эта женщина нашла способ преодолеть преграду, которую я возвёл.

Я наблюдал за ней, пока мы сидели и ждали восход солнца, рассматривал её волосы, спадавшие на линию челюсти, размышляя, что в Елене присутствует красота и элегантность, но сама она этого не понимает. Это озадачивало меня.

Елена сидела, полностью увлечённая наблюдением за восходящим солнцем. Всё, чего мне хотелось, это касаться её тела, неважно где, до тех пор, пока я у меня есть такая возможность. Я мог попытаться сказать себе, что виной всему ощущение тепла от её тела, но знал, что это не так. С каждой минутой, проведённой с Еленой, я обнаруживал, что меняюсь, становлюсь достойным её мужчиной.

На сегодня мною было запланировано немало: поход, затем ланч в сказочном ресторане недалеко от парка и быстрый перелёт назад, чтобы посмотреть бейсбол. Я решил, что в бокс её больше не возьму — слишком много плохих воспоминаний осталось от последнего там пребывания. Имелось ещё кое-что, с чем, возможно, ей придётся иметь дело ещё не раз, но не на нашем свидании, во всяком случае. Чтобы избежать подобного, я купил места позади скамьи запасных первой базы. Если она действительно хочет посмотреть игру, лучшего места для этого не найти.

Мысли о боксе и обо всём, что там случилось, убивали моё настроение. В какой-то момент мне нужно будет решить, смогу ли я продолжать заниматься делами для отца. Хочу ли я быть ростовщиком или остаться только владельцем ресторана и шеф-поваром? Смогу ли совмещать два дела?

Солнце уже полностью взошло. Елена повернулась ко мне.

— Спасибо, — оставив быстрый поцелуй, тихо сказала она.

— Пожалуйста.

Елена повернулась назад, чтобы посмотреть на вершину горы.

— Нам нужно уже уезжать?

— Нет, — я встал и протянул руку, чтобы помочь ей подняться.

— Подумал, что сперва мы могли бы немного прогуляться по склонам.

Я достал бутылку воды, и улыбка на её губах стала ярче, чем только что взошедшее солнце.

— Готова? — спросил я, наблюдая, как она осматривается.

— Никогда в жизни не была более готовой.

В течение следующих нескольких часов мы бродили по различным тропам, придерживаясь более простых. Елена не ходила в походы раньше, и я боялся, что тропы поизвилистей могут оказаться чересчур для неё. Примерно через час мы остановились попить воды и дать ногам передохнуть.

Сев на камень чуть ниже моего, она посмотрела на меня.

— Можно задать вопрос?

— Конечно.

Она указала на моё лицо бутылкой водой.

— Очки.

— Что с ними?

— Ну, я заметила, что в самолёте ты не надел их для чтения. Они остались у тебя на голове.

— А, — усмехнулся я. — Они не нужны для того, чтобы видеть вблизи, только для дальности. Но проще носить их постоянно, а не только когда нужно рассмотреть что-то на расстоянии.

— Что ж, это имеет смысл, — она снова поднесла бутылку к губам, делая глоток воды, и я был рад, что она больше не говорит, потому что всё, о чём я мог думать, это как сильно я хочу увидеть эти губы на своём члене.

Позже, Эитон. Потерпи.

— А что насчёт контактных линз?

Пришлось вырывать себя из фантазий.

— С ними никогда не везло. У меня есть пара, но, когда ношу их несколько часов, они вызывают дискомфорт. — Мне не хотелось упоминать о моей слегка самовлюблённой стороне. Я знал, что большинству женщин нравятся мужчины в очках — стильных очках, по крайней мере.

— Закончим и вернёмся к машине? У меня запланировано много сюрпризов.

Елена бросила на меня пристальный взгляд.

— Много?

— Ага. Первый — это особое место для ланча, но ты увидишь его, когда мы туда доберёмся.

— Хорошо. — Её улыбка была слишком заразительная, и я обнаружил, что сам глупо ухмыляюсь, хотя делал это не часто.

У нас заняло около получаса, чтобы добраться до автомобиля. Я бросил сумку на заднее сиденье и занял место водителя. Елена уже сидела в машине, прежде чем я открыл свою дверь.

— О чём думаешь? — спросил я, когда мы направились в сторону ресторана.

— Это было идеально. Я не могла бы придумать лучшей причины, чтобы встать в три часа ночи, — она помолчала и усмехнулась. — Ну, разве что ещё одна...

— Елена, — простонал я. — Если ты не прекратишь подобные комментарии, я остановлю машину на обочине.

Когда её рука опустилась на моё бедро, я остановил машину и посмотрел на женщину рядом с собой, пытаюсь вспомнить причины, почему я не должен давить на неё.

Но чёрт...

Она сняла свитер во время похода. Футболка, в которой она осталась, лишь больше подчёркивала очертание груди, вплоть до затвердевших сосков, которые проступали сквозь тонкую ткань.

Кровь устремила к моему члену, а здравый смысл вылетел в окно. Направив автомобиль к заброшенной боковой улочке, я остановился так глубоко между деревьев, насколько это было

возможно. Не говоря ни слова, вышел из машины и подбежал к её стороне, рывком отстегнул ремень безопасности и вытащил Елену из машины. Её глаза сверкнули, когда я перевернул её и прижал к корпусу.

— Я тебя предупреждал, — прошептал я, дрожащей рукой направляясь к ширинке её джинсов.

— Пожалуйста, — взмолилась она.

Засунув руку под резинку трусиков, я погрузил в неё пальцы. После прикусил мочку уха.

— Ты чертовски влажная.

Пальцы продолжили двигаться в соках её тела. Когда взял запястья в другую руку, в голову пришла мысль снять с неё джинсы прямо сейчас и трахнуть. Вместо этого я вошёл протолкнул пальцы глубже и начал двигать ими, создавая трение, которое хотел ощутить на своём члене.

Елена стонала, насаживаясь на меня.

— Сильнее?

— О, Боже, пожалуйста.

— Только потому, что ты сказала «пожалуйста».

Когда прелюдия подходила к концу, наши тела кричали от желания соединиться. Я спустил её трусики вниз до колен. Расстегнул ширинку, освободил свой член и пару раз провёл по нему рукой, прежде чем толкнуться вперёд. Её тело сжалось вокруг меня, вобрав глубже, создав ощущения, заставившее меня распасться пополам от потребности.

— Вот так, — простонала она.

Моё тело врезалось в неё сильно и быстро, каждый толчок заставлял мой член выделять жидкость и умолять о высвобождении, когда я толкался в неё, подводя к краю одновременно со мной и проникая в её тело сильнее снова и снова.

— Эштон, — произнесла Елена, когда упала на сиденье.

Быстрый жёсткий трах — именно то, что было мне необходимо перед тем, как я возьму её ночью дома и познакомлю с ещё большим количеством сюрпризов, которые использую в спальне.

Не отпуская её, я медленно вышел и спрятал член обратно в джинсы. Елена встала, её глаза расширились, когда она осмотрелась вокруг.

— Боже мой, не могу поверить, что мы только что сделали это на обочине среди бела дня! — сказала она, быстро поправляя одежду.

Я обнял её, прижимая к себе всем телом.

— О, милая, есть столько способов, которым я хочу и возьму тебя. Это только начало.

— Я никогда не делала ничего подобного, — румянец распространился по ещё щекам.

— Знаю. И я так счастлив, что ты всё это делаешь со мной.

— Эштон, я... — Мои губы тут же оказались на её.

— Ничего не говори. Просто наслаждайся моментом, — я шлёпнул её по заднице. — Теперь садись в машину и прекрати отвлекать меня.

Елена приподняла брови, но села в машину, не сказав ни слова. Мы оба заняли свои места и я, быстро развернувшись, снова направился к ресторану. Тихий бурчащий звук послышался со стороны пассажирского сидения.

— Проголодалась? — покосившись на Елену, спросил я.

— Умираю с голоду, — она погладила рукой живот. — Протеинового батончика на долго не хватило. Мне необходима настоящая еда.

— Хорошо, что мы к ней и едем.

— Определённо.

Елена полностью поборола свою потребность есть только салаты и маленькие порции. Позади остались и те дни, когда она беспокоилась о лишнем весе и убеждениях, что слишком много весит. Она выбирала несколько блюд и всегда старалась пробовать что-то новое, даже если думала, что это невкусно. Поэтому я решил не уводить её далеко от Гранд-Каньона. Для Елены было не важно сколько звёзд имеет ресторан, её больше волновала атмосфера. Дело не в том, что она не наслаждалась изысканной кухней, но модный ресторан не входил в планы этого дня.

Въехав на парковку, я нашёл место для парковки, а Елена устала на здание перед нами. Спроектированный в стиле охотничьей хижины, ресторан был простым и представлял собой бревенчатый домик. По слухам, у этого места самый захватывающий вид на Гранд-Каньон, помимо другого, что имеется ещё вдали от троп.

Елена посмотрела на меня.

— Не похоже на рестораны, которые ты обычно выбираешь.

— Я бы и не выбрал его, будь я в городе, но мы, моя дорогая, в центре пустыни. Это место для ланча кажется идеальным.

— Не могу не согласиться.

— Ну тогда пошли во внутрь и увидим, так ли он совершенен, как ты думаешь.

Её глаза загорелись.

— Идём.

Я повёл Елену внутрь. Нас быстро разместили. Интерьер ресторана соответствовал его внешнему виду. Шагнув в обеденный зал, мы оказались в охотничьем домике. Округлившимися глазами Елена осматривалась вокруг, задержавшись взглядом на головах животных на стенах.

Официантка оперативно приняла наш заказ, что я оценил, и быстро принесла нам напитки. Елена заказала бутылку пива и теперь вращала её в руках.

— Я думала, ты предпочитаешь тёмное?

Сделав глоток, я посмаковал вкус местной пивоварни.

— Да, но иногда здешние варят отменное пиво. Попробуй, — я кивнул в сторону бутылки.

Она поднесла её к губам и сделала глоток.

— О, действительно вкусное.

— Я же говорил.

Елена взглянула на меня сквозь ресницы.

— Столь долгое отсутствие не скажется на твоей работе?

Я покачал головой.

— Нет. Не забывай, я владелец ресторанов, могу отсутствовать хоть по полнедели. К тому же, каждый день, когда ты на репетиции, я работаю. До твоего шоу осталось всего ничего. Мне бы хотелось, чтобы ты насладилась этим временем.

— Спасибо, — просто ответила она.

— Волнуешься перед выступлением?

Елена просияла.

— Да. Никогда не думала, что стану под софиты. После нашей с Домиником свадьбы это казалось мне невозможным. Теперь я здесь, через несколько дней выйду на сцену.

Её возбуждение было заразным. У меня уже имелись планы на грядущую ночь шоу, но я держал их в секрете.

— Да, Алан всё ещё проклинает меня при каждой встрече за то, что я не привёл тебя к нему раньше. Я с нетерпением жду твоё первое выступление.

— Ты придёшь?

— У меня место в первом ряду.

— Но... Я очень волнуюсь... не хочется, чтобы ты чувствовал себя *обязанным* прийти.

— Елена, ты когда-нибудь видела, чтобы я делал то, что не хочу?

Я думал, что она скажет что-то о разговоре прошлой ночью про наших родителей, но тема осталась не тронутой.

— Нет. Разве, что ты рассчитываешь застрять со мной.

Накрыв рукой её ладонь, я моментально потерялся в её глазах.

— Я не *застреваю* с тобой. Если бы я не хотел помочь тебе, то не принял бы предложение Доминика. Решил бы с ним дело как обычно в таких ситуациях. И я хочу увидеть тебя на сцене. Верь мне, когда я говорю тебе это.

— Я доверяю тебе, — торжественно сказала Елена.

Нашу еду принесли вскоре после того, как мы немного

поболтали. Я до сих пор не понимал связь с Еленой. Она была настолько застенчивой поначалу, а теперь сидела напротив меня и предлагала мне своё доверие. Совершенно очевидным оставалось одно — я хотел, чтобы Елена осталась со мной после истечения трёх месяцев. Мне нужно было сказать правду, но как?

Дело было в желание держать её подальше от Толли? Блядь, да. Но более того, я хотел её для себя, даже если не мог осознать это, и знал, что это значит.

— Я хочу поехать повидаться с Гретхен когда-нибудь на следующей неделе.

Единственное, что я знал о Гретхен, — она работала с Еленой в закусочной. Они были подругами с тех пор, как Елена начала работать там три года назад, и эта умная женщина постоянно подталкивала её уйти от Толи.

— Хорошо. Думаю, она будет рада узнать, что я не запер тебя где-нибудь.

Она хихикнула в ответ, и этот звук застал меня врасплох.

— Я звонила ей и сказала, что меня не будет некоторое время, убедив, что ты не какой-то сумасшедший маньяк, — продолжила он, посмотрев на меня строгим взглядом.

Елена расстроилась в ту ночь, когда я сказал ей, что разговаривал с её боссом в закусочной и сказал ему, что она увольняется, несмотря на то, что сама Елена попыталась это скрыть. Я объяснил ей, что хотел помочь найти ей что-то лучше. В то время я не знал о её актерском таланте. Никогда не представлял, что она будет работать в центре города в одном из театров.

— Хорошая идея. Можешь рассказать ей о новой работе. Когда хочешь встретиться?

— Подумывала увидаться в закусочной через день или два.

Это привлекло моё внимание.

— Думаешь, это хорошая идея? — Мне было известно, что Толли живёт в нескольких кварталах от закусочной, и если он узнает, что его жена будет там, то он тоже может прийти туда, дабы вывалить своё дерьмо, когда меня не будет рядом.

— Почему бы и нет? Я работала там много лет.

— Да, но в то время ты не думала о разводе.

Она пожала плечами.

— Я сильнее, чем была.

Это конечно было правдой, но...

— Елена, пожалуйста, не пойми меня неправильно, потому как ты намного чертовски сильнее, чем тогда, но ты не видела его с тех пор, как он оставил тебя со мной. Зато видел я, и поверь мне, когда я говорю, что ничего хорошего ты от него не услышишь.

Её глаза сверкнули.

— Думаешь, что я не смогу с ним справиться?

Крохотная часть меня беспокоилась о том, что Елена может замкнуться, если он заикнётся о том же дерьме, что и в ту ночь. Опять же, я знал, что ей необходимо сделать это, если она хочет когда-нибудь полностью освободиться от мужа.

— Нет, это не так. Он полный дебил, и я не хочу, чтобы ты имела с ним дело. Если бы это зависело от меня, я бы держал тебя как можно дальше от этого ублюдка.

Напряжённость покинула её плечи.

— Да, я бы не хотела когда-либо видеть его снова, но это невозможно. Мы живём в одном городе, я могу увидеть его в любом месте. И как ты и сказал, мне придётся видеть его, потому как нам предстоит пройти через развод.

Мысль об этом пробудила у меня желание ударить что-нибудь. У меня, конечно, было представление о том, как работает подобного рода дерьмо, но я планировал углубиться в эту тему.

— Это не значит, что мне нравится идея. Как насчёт того, чтобы пригласить Гретхен на обед в «La Tratoria». Она сможет встретиться со мной и убедиться, что я не какой-то извращенец и не держу тебя ради сексуальных утех.

Елена рассмеялась, и я понял, что мы снова говорили на чистоту. Я не собирался выводить её из себя, когда моей целью было удивить.

— Как насчёт четверга?

— Можно. Столик закажу сам, — я поднёс её руку к губам.

— Было вкусно, — сказала она, отложив салфетку на пустую тарелку.

— Ну, мы нагуляли аппетит.

— Точно.

Как бы сильно не изменилась Елена, я всё ещё наслаждался той слегка застенчивой женщиной, которая иногда в ней проявлялась. Это было очаровательно и сексуально — очень интересное сочетание. Когда официантка принесла счёт, я достал телефон и быстро отправил сообщение Джону, чтобы тот подготовил самолёт к вылету домой. Планов было не мало, но мне хотелось отвезти Елену домой, чтобы она сначала немного отдохнула.

Я оплатил счёт и встал, протянув руку:

— Готова?

Глава 22.

Елена

— Где мы сейчас?

— Возвращаемся в аэропорт.

Не хотелось признаваться, но я была немного разочарована тем, что день закончился. Вероятно, сегодня Эштону необходимо быть в одном из ресторанов.

— Хорошо.

В ответ послышался его смех.

— Убери этот взгляд со своего лица. На ночь я запланировал нечто другое, но сначала хочу доставить тебя домой. Тебе нужно вздремнуть. Я действительно поднял тебя ни свет ни заря.

— Ты можешь сделать это ещё раз.

Эштон вывел меня из джипа, и мы направились к самолёту. Джон уже ждал нас, когда мы остановились у ангара, и они пару минут о чём-то поговорили. Полёт обратно оказался более длинным, может быть, потому что я провела это время скрутившись под боком у Эштона вместо сна, но скоротать время подобным образом оказалось гораздо приятнее.

Ну, на втором месте после секса в самолёте.

Когда мы вернулись домой, я последовала за Эштоном, учитывая сколько он спал, энергии ему было не занимать, а вот я еле волочила ноги. Даже зевок сдержать не получилось.

— Мне необходимо сделать несколько звонков. Почему бы тебе не отдохнуть? Я поднимусь через несколько минут.

— Звучит великолепно.

Эштон вошёл в комнату следом за мной. На мгновение я подумала, что он собирается предложить что-то ещё, но он поднял простыни и помог мне залезть в постель, накрыв одеялом до плеч. Это был милый жест.

— Сколько у меня времени перед подготовкой? — сонно пробормотала я.

— Несколько часов. Я присоединюсь к тебе, как только удостоверюсь, что всё для ночи готово.

С моим уровнем усталости я едва ли видела, как Эштон покинул комнату, прежде чем мои веки отяжелели, и я заснула.

* * *

Вибрирующий звук доносился со стороны комода. Мне потребовалась минута, чтобы понять, что это телефон Эштона. Я открыла глаза и увидела, что он протянул руку и отключил звук. Небо намного посветлело по сравнению с тем, что было ранее.

— Который час?

До меня донёсся знакомый звук — Эштон шарил по столику в поисках очков. Когда наконец нашёл их, кровать прогнулась и он повернулся на бок.

— Пять.

— Думаю, пора вставать.

Потянувшись, он обвил меня, укрывая телом.

— Как бы сильно я не хотел раздеть тебя сейчас догола, для этого будет время позже. Ты можешь принять душ первой.

— Окей, — я села и посмотрела на него. — Будут подсказки относительно того, что надо надеть?

— Что-то не официальное. Я надену шорты. Но не уверен, что это подходящий вариант для тебя, ты можешь замёрзнуть вечером.

Что он приготовил на этот раз?

— Предполагаю, что мы снова будем на улице?

— Угадала. Пока набрось майку. У меня есть для тебя определённая одежда.

— Ещё один сюрприз? Ты меня балуешь.

Эштон поднял руку и приласкал моё лицо.

— Ты заслуживаешь, чтобы тебя баловали, и мне нравится это делать.

— А мне нравится, когда меня балуют, — не глядя на него, ответила я. Правда заключалась в том, что меня немного смущало то, как много Эштон делает для меня. Я не лгала — мне нравилось, когда он баловал меня, просто я не совсем понимала зачем он это делает.

Мне было интересно, какие чувства он будет испытывать, когда я уйду. Эштон ни слова не сказал о том, чтобы я осталась, и не важно, кем мы приходились друг другу, я никогда не предполагала, что он захочет этого. Ко всем атрибутам такой жизни было очень легко привыкнуть.

Я схватила белый топ, джинсовые шорты и закрылась в ванной, всё время чувствуя взгляд Эштона на своём теле. Что бы он не планировал, я была уверена — это включает время, проведённое месте голыми.

После душа я быстро оделась и высушила волосы, прежде чем выйти из ванной. В первую неделю после ухода от Доминика для меня казалось странным заботиться о своём внешнем виде. Даже то, что я могу потратить на выбор одежды больше десяти минут сбивало меня с толку. Я поняла, что наслаждаюсь временем, приводя себя в порядок не ради кого-то, а для себя. Это придавало мне уверенности.

Эштон сидел на краю кровати с коробкой в руках. На нём были надеты шорты цвета хаки и простая белая футболка. Не то, чего я ожидала. Мне протянули коробку.

— Я хочу, чтобы ты надела это сегодня вечером.

Сгорая от любопытства, я взяла коробку и сняла с неё ленту. Внутри коробки находилась фиолетовая футболка с «Rockies»¹. Доставая футболку из коробки, в голове промелькнули воспоминания о последнем разе, когда я ходила на стадион. Не говоря ни слова, натянула футболку через голову. Она подошла идеально. На Эштоне я заметила свитер.

— Готова? — глядя на меня, спросил он.

— Полагаю, да.

Хотела ли я вернуться в место, где всё, что я знала, перевернулось с ног на голову? Возможно, такой шаг к лучшему, но это не значит, что я хочу вспоминать сказанное в той комнате. То, что я усердно пыталась преодолеть последние два месяца.

— Нервничаешь, — пробормотал он.

— Вроде, — я уставилась в угол комнаты.

— Тебе станет лучше, если я скажу, что мы не пойдём сегодня в бокс?

Мой взгляд метнулся к нему.

— Потому что, мы идём не туда.

Тяжесть в желудке пропала, но появилось волнение; то же, что я чувствовала в первую ночь, когда думала, что увижу игру. Я оттолкнула эти мысли в сторону. Если бы не та ночь, с Эштоном я бы сейчас не стояла.

— Значит, я вполне готова.

Он протянул руку.

— Тогда пошли.

Всю поездку до стадиона я не могла унять дрожь в коленках, и прекратилось это только когда Эштон прижал руку к моему бедру, сместив её под шорты. Воздух был по прежнему жарким, и моё тело становилось горячее с каждой лаской Эштона.

Прогулка до стадиона нервировала больше, чем я ожидала. Даже зная, что мы будем находиться в другом месте, я не могла избавиться от дрожи в руках. Эштон успокаивающие сжал мою ладонь, когда мы спускались по лестнице.

Он вёл меня через многие ряды сидений, пока я наконец-то не поняла, куда мы направлялись.

— Мы будем сидеть за скамьёй запасных?

Уголки его рта дрогнули вверх.

— Подумал, раз ты никогда не была на игре, то это то, что нужно для идеального просмотра.

Мы заняли наши места за первой базовой линией, так мне объяснил Эштон. Что касается меня, то я из тех, кто ничего не понимает в бейсболе, и для меня это были обычные сиденья, но Эштон всё объяснял.

У нас были великолепные места, с которых было прекрасно видно большой экран, по крайней мере, пока не включилась камера

поцелуев. Даже за миллион лет я не бы не подумала, что камера остановится на нас, но с тем, как Эштон наклонился ко мне, этого стоило ожидать.

Через секунду наши лица появились на большом экране, и Эштон обвил рукой мою шею, придвигая мои губы к его. Момент — и его язык скользнул в мой рот, а стадион вокруг нас исчез. Он слегка щекотал большим пальцем чувствительное местечко за ухом, посылая искры по всему телу. Это продолжалось, пока вокруг нас не начали свистеть, и мы наконец прервали поцелуй.

Только Эштон от меня не отодвинулся.

— Теперь весь мир знает, как сильно я тебя хочу.

Эмоции, которые я не желала признавать, наполнили меня. Как бы я хотела, чтобы Эштон чувствовал больше, чем простое желание заполучить меня в свою постель. На самом деле, это пустая мечта. Я не позволю ей разрушить то, что произошло в лучший день моей жизни. Эштон устроил идеальное свидание. Улыбаясь, я украдкой поцеловала и прижалась к его руке, чтобы насладиться игрой.

После седьмого тайма я отлучилась в дамскую комнату. «Rockies» лидировали после одного рана², и я не хотела пропустить слишком много. Уклоняясь от людей, направляющихся за пивом и едой, я была в нескольких шагах от уборной, когда кто-то схватил меня за руку и дёрнул на себя.

— Когда я сказал, что ты должна раздвинуть ноги для Эштона, я не имел в виду, что практически трахнуть его на публике, — прорычал мне в ухо знакомый голос.

Я повернула голову назад.

— Доминик? — пискнула я. Меня разозлило то, что я позволила ему влиять на меня вот так, но шок от встречи с ним послал мой разум в забытие. Он дёрнул меня за руку, и я попала в ловушку его взгляда. В глазах царил холод.

— Возможно, нужно напомнить кому ты принадлежишь.

Прежде, чем у меня появилась возможность ответить, его рот опустился на мой в жёстком поцелуе. Возможно, это было впервые минимум за пять лет, когда Доминик целовал меня, но любви в этом поцелуе не было. Этот жест должен был наказать и унижить. Шок

обездвижил меня, пока мой муж не попытался просунуть язык мне в рот. Пнув его со всей силы, мне удалось оттолкнуть его от себя.

— Что ты делаешь? — Я вытерла губы рукой, пытаюсь избавиться от его прикосновения.

В ответ он лишь усмехнулся.

— Напоминаю тебе, кем ты будешь, когда через две недели вернёшься домой.

Отступив назад, я покачала головой.

— Нет.

— Что нет? — огрызнулся он.

Обняв себя руками, я сделала ещё один шаг назад.

— Я подаю на развод.

— Что? — крикнул он, вена запульсировала на его шее.

Вид его сжавшихся в кулаки рук призывали во мне инстинкт «дерись или умри», но когда я попыталась сдвинуться, не смогла, потому что была прижата к стене; звук аплодисментов взорвал стадионе, заглушив грохот моего сердца.

Доминик схватил меня за руки и потянул к выходу.

— Ты моя. Не будет никакого развода. — Его голос послал мурашки по моей спине, и все инстинкты, с которыми я боролась в течение последних двух месяцев, вернулись с полной силой.

— Что ты делаешь? — Крикнул кто-то из-за спины.

— Мы не закончили, — толкнув меня, прорычал он, и я упала спиной на пол. Обняла себя, наблюдая, как он убегает, заведя двух парней.

— Ты в порядке? — спросил тот из них, что был повыше.

— Да, — ответила я, пытаюсь спрятать дрожащие руки. — Просто бывший, который не хочет понимать, что он бывший.

— Тебя проводить обратно до твоего места? — подхватил другой.

Я покачала головой. Всё, чего сейчас хотелось, это вернуться к Эштону как можно быстрее.

— Нет. Уверена, что вы, ребята, напугали его. Спасибо. — Я заставила себя улыбнуться в надежде, что выйдет убедительно.

Высокий осмотрелся вокруг, сканируя толпу.

— Если уверена. Можно, по крайней мере, проводить тебя до твоей секции?

— Она как раз за скамейкой запасных.

Забыв о дамской комнате, я позволила им сопровождать меня к моему месту, пока сама взглядом искала Доминика и задавалась вопросом, действительно ли он ушёл или остался где-то рядом и наблюдает за мной.

— Будьте осторожны, — сказал парень, и я кивнула, прежде чем войти через вход и сесть на место.

— Ты пропустила... — Эштон посмотрел на меня и замер. — Что случилось? — Его глаза нашли мои.

— Ничего, — я переплела свои пальцы с его. — Давай посмотрим игру.

— Не надо мне этого дерьма, Елена. Посмотри на себя — ты дрожишь. Что-то случилось, и я хочу знать что. — Его тон не оставлял места для спора.

Я сглотнула, мой голос дрожал во время ответа:

— Столкнулась с Домиником.

— Боже.

Эштон поднял руки, чтобы прикоснуться ко мне, и ничего не в силах сделать, я вздрогнула.

— Блядь.

Его руки опустились, но я увидела напряжение в его теле. Он глубоко вздохнул и спросил:

— Ты в порядке?

Кивнула.

— Хорошо, — сказал он, но его голос прозвучал так низко, что я не поняла, со мной ли он говорил. — Я достаточно пересекался с Домиником, чтобы понять, что ты не просто столкнулась с ним, он в добавок ко всему не смог удержать свой рот на замке. Скажи мне, что

он сказал?

— Он... ээ...

Эштон протянул руку и отвёл пряди волос от моего лица, заправив их за ухо. Мне было немного некомфортно, но я позволила это, зная, что меня не обидят.

— Елена, всё хорошо. Я здесь и не позволю ему добраться до тебя.

Нуждаясь в спокойствии, я подалась вперёд.

— Сначала он накричал на меня за наш поцелуй на большом экране, затем поцеловал.

Эштон соскочил с места и прошёл уже половину лестницы, прежде чем я смогла остановить его. Оставив вещи на наших местах, я помчалась за ним. Но был намного впереди меня.

— Эштон!

Он остановился примерно в трёх метрах от меня. Отражения ламп в его очках было недостаточно, чтобы замаскировать холодную решимость в глазах. Желая оказаться с ним рядом, я подбежала и схватила его за руку.

— Не оставляй меня, — попросила я. Меня не волновало, как отчаянно это прозвучало. Остаться одной не хотелось. И я определённо не желала, чтобы он сделал что-нибудь глупое.

Когда Эштон повернулся ко мне, его черты лица смягчились.

— Я не оставляю тебя, но и не буду стоять в стороне, позволяя этому мудаку прикасаться к твоим губам.

— Я сказала ему, что подаю на развод.

— Сказала? — На лице Эштона отразилась смесь замешательства и удивления. Он на секунду остановился, обдумывая что-то, прежде чем сказать: — Как он это воспринял?

— Сказал, что не допустит этого и зажал меня у стены около дамской комнаты.

Эштон заскрипел зубами.

— Я убью этого ублюдка, как только доберусь до него.

По-прежнему чувствуя шок, мне просто хотелось выбросить

случившееся из головы. Поэтому я обратила его внимание на факт, который мог бы помочь:

— Это был идеальный день. Мы можем досмотреть игру и побеспокоиться о Доминике позже?

Эштон взял моё лицо в ладони, оставляя самый сладкий, мягкий поцелуй на моих губах.

— Хорошо. Пойдём, — он взял меня за руку и повёл обратно к нашим местам. Я видела напряжение в его плечах, но знала, что он пытается скрыть это. Ради меня.

Когда мы сели, Эштон вытащил телефон. Его пальцы летали по клавишам, когда он отправлял одно сообщение за другим. Через несколько минут он убрал его и вздохнул.

— Мы запишем тебя на уроки самообороны.

Подумывала поспорить, но вреда от этих уроков не будет. Даже если я никогда не использую эти навыки, всё равно буду знать, что смогу противостоять Доминику, если он когда-нибудь придёт ко мне снова, и знание того, как защититься, будет греть мне душу. Эштон не всегда будет рядом. Научиться постоять за себя — хорошая идея.

Я кивнула, и Эштон повернулся назад к игре.

Оставался всего один раунд, и он пролетел очень быстро. Поскольку это означало окончание игры, все начали вставать, направляясь к выходу, поэтому у нас заняло больше времени, чтобы выбраться оттуда. Как только мы добрались до выхода, я заметила Брока, стоящего и ждущего нас.

— Эштон. Елена. Слышал о ваших проблемах сегодня вечером.

— Небольших, — ответила я.

— Брок отвезёт нас домой. В случае, если нам придётся иметь дело с Домиником снова, не хочу, чтобы ты оставалась одна.

Его слова звучали так собственнически и покровительственно. Мы с Эштоном забрались на заднее сиденье машины и ждали, пока Брок выедет с парковки. Эштон сидел так неподвижно, что мне хотелось закричать от разочарования. Я не могла позволить своим проблемам разрушить этот замечательный день. Знала, что не решу ничего, но было кое-что, что могло снизить напряжение.

Я провела рукой верх по его ноге от колена к бедру, оставив ладонь на молнии. Его резкий вдох сказал мне, что я делаю всё правильно, и я позволила пальцам скользить вниз и вверх по другой ноге. Его рука накрыла мою.

— Если продолжишь в этом духе, Брок увидит много интересного, — прошептал мне на ухо Эштон.

Жар поднялся по моим щекам, но был тут же забыт, когда Эштон обхватил мою челюсть и завладел губами. Открыв рот, скользнул языком внутрь, пробуя каждый мой миллиметр. Поглощённая поцелуем, я не заметила, что мы остановились перед домом, пока Эштон не отстегнул мой ремень безопасности и не вынес меня из машины.

В доме мы поднялись по лестнице. Жар пылал в его глазах, когда он наконец-то поставил меня, и я знала, что мне удалось заставить его забыть о Доминике, по крайней мере, пока что. Рот Эштона вернулся к моему, когда он опустил меня на кровать.

Прекрасное завершение чудесного дня.

Глава 23.

Елена

Эштон, конечно же, вышел и сам показал столик, и было очевидно, что это лучший столик в ресторане. Изолированный, дабы не нарушать личные разговоры, но всё же в центре. Я посмотрела на часы.

Пятнадцать минут.

Пятнадцать минут до приезда Гретхен.

Мне было не по себе увидеть её снова. Мы обменивались сообщениями после того, как Эштон подарил мне телефон, но смс-ки не заменят разговоров глаза в глаза, к которым мы привыкли. Так много всего изменилось с тех пор, как я видела её; было много хорошего, а также... скажем, неопределённого.

— Елена, — голос девушки оказался настолько громким, что почти все головы в ресторане повернулись на звук. Слава Богу, это были только несколько человек, пришедшие на ланч.

— Гретхен, — я помахала рукой, надеясь успокоить подругу, пока она не добралась до стола.

Но в этом была вся Гретхен. Она не извинялась за свои действия. Говорят, что противоположности притягиваются, и это было правдой: в Гретхен было всё, о чём я мечтала для себя. Она была сильной тогда, когда я проявляла слабость, уверенной там, где я робела. В прошлом, когда она говорила об уходе от Доминика, по её словам, это было проще простого, и каждый раз, уходя после такого разговора, я была полна решимости: хотелось пойти домой и показать Доминику, насколько я несчастна, и попросить его измениться. Затем видела его и весь мой запал потухал. И всё равно, пусть даже подобные проблески часто появлялись и исчезали, Гретхен никогда не теряла веру в меня. Всегда была рядом, помогала мне, не давала сойти с ума. И за это я буду вечно ей благодарна.

Эштона нигде не было видно, но опять же, я чувствовала, что он недалеко, потому что обещал подойти и встретиться с Гретхен во время обеда, чтобы помочь успокоить её.

— О мой Бог.

Неожиданно меня резко подняли с моего места в подобные тискам объятия, крепкие настолько, что не оставалось сил вдохнуть.

— Я так соскучилась, ты заставила меня сильно волноваться.

— Я писала тебе всё время, — получилось выдавить в ответ.

Подруга наконец отпустила.

— Прости, раздавить тебя не входило в мои намерения.

— Всё хорошо, — засмеялась я. Чувство тревоги в желудке поутихло, и я почувствовала себя расслабленной.

— Я так волновалась за тебя, — заняв свой стул, бессвязно продолжала она. — Ты присылала мне сообщения, но любой мог писать их и утверждать, что они от тебя. А ты на самом деле могла лежать связанная в каком-то жутком тёмном подвале с кнутами, наручниками и Бог знает с чем ещё.

Кто-то кашлянул позади меня. Глаза Гретхен распахнулись, а рот приоткрылся. Когда тёплая рука обняла мои плечи, к щекам хлынула кровь.

— Елена, — в голосе Эштона звучали нотки веселья. О, Боже, как много он слышал?

— Эштон.

Он сжал моё плечо, затем шагнул в поле зрения и протянул руку.

— А вы, должно быть, Гретхен. — Подруга медленно протянула свою. — Приятно познакомиться.

— Это... о... о... — с трудом сглотнула Гретхен. — Мне тоже приятно познакомиться.

Эштон поднёс её ладонь к губам, и щёки девушки порозовели.

— Простите, дамы, мне нужно кое о чём позаботиться, но я вернусь. Просто хотел представиться.

Эштон легонько поцеловал меня в губы и покинул нас. Гретхен сидела, беззвучно кивая. Я щёлкнула пальцами перед её лицом, пытаюсь привлечь внимание. Когда её глаза вернулись к моим, я не смогла сдержать сорвавшийся с губ смешок.

У неё было такое выражение лица! Не часто Гретхен теряла дар речи. Глаза едва ли не выпадали из орбит, когда она посмотрела на

меня.

— Это он?

— Да, это Эштон.

Она быстро затрясла головой.

— Святое дерьмо. Давно пора было найти такого, как он.

Я закатила глаза.

— Рада, что ты одобрила, но он не совсем мой.

— Не говорила бы ты с такой уверенностью, — посмотрела на меня подруга. — Несмотря на это, мне вроде нравится это твоё появившееся колкое отношение.

Наблюдая за своим пальцем, которым я выводила узоры на скатерти, ответила ей:

— Я многому научилась за последние два месяца.

— Эй. — Я посмотрела в мягкие понимающие глаза. — Никогда не бывает легко осознать, что то, что мы считали правильным, ошибочно.

Слёзы размыли моё зрение.

— Мне так жаль, что я не прислушивалась к тебе.

Она покачала головой.

— Это не твоя вина. Тот придурок настолько деформировал и вывернул наизнанку твоё восприятие своим дерьмом и ложью, что ты бы не смогла увидеть то, о чём я тебе говорила. Самое главное, что наконец-то поняла.

— Да. С помощью Эштона.

Гретхен взглянула на него и улыбнулась.

— Теперь, когда я удостоверилась, что он не обесчестил тебя в какой-нибудь подвальной комнате боли, я хочу знать, что с тобой произошло. У тебя так много свободного времени теперь, когда тебе не надо принимать заказы в закусочной. Чем ты занимаешься весь день?

Уже некоторое время я и думать забыла о тех ранних утрах. Очень *долгое* время единственное, что помогало мне существовать,

это рутина. Не то, чтобы ничего не изменилось. Как раз наоборот. Уголки моего рта дёрнулись вверх.

— На самом деле, Эштон устроил мне прослушивание для нового мюзикла, премьеры которого состоится через несколько недель.

Подруга наклонила голову в сторону.

— Прослушивание?

— Кажется, я никогда не говорила тебе, в каком колледже училась.

— Я даже не знала, что ты вообще училась в колледже.

— Мы с Домиником поженились сразу после выпускного. До тех пор, я хотела петь на Бродвее.

— Правда?

— С детства.

— Хорошо, — кивнув, сказала она. — Когда прослушивание?

Подошёл официант, прерывая разговор. В руке он держал ведёрко со льдом и бутылкой вина. Поставив его на подставку рядом со столом, он поднёс бутылку ко мне и открыл пробку.

— Комплимент от мистера Хоуз.

Я посмотрела через плечо: взгляд Эштона был направлен на меня. Он приподнял подбородок, подмигнул мне и снова вернулся к тому, что делал. Когда я повернулась к столу, официант наполнил бокалы и протянул один мне. Покружив жидкость, как учил меня Эштон, я сделала глоток, смакуя вкус.

— Превосходно. Передайте мистеру Хоузу, что у него отменный вкус.

Официант принял наш заказ и после того, как у нас забрали меню, я посмотрела на глазающую на меня Гретхен.

— Посмотри на себя — ты флиртовала.

— Нет

— О, да.

Может, и да, но я не признаюсь ей в этом.

— О чём мы говорили?

Подруга засмеялась.

— О том, как быстро тот мужчина расплавит твой мозг.

Её комментарий остался проигнорированным.

— Прослушивание, так ведь? Ну, я уже его прошла и получила роль.

— Прошла? — Гретхен завизжала, моя реакция на Эштона была совершенно забыта.

— Да. Через две недели премьеры. Ты придёшь? — спросила я застенчиво.

— Конечно, мать твою, я там буду.

— Спасибо. В зале будет хотя бы пара знакомых мне людей. Прошло много времени с тех пор, как я стояла под софитами.

Официант принёс наши салаты, и Гретхен взяла вилку, чтобы поесть. Указав на меня, сказала:

— Уверена, Эштон будет там.

— Будет, но чем больше, тем лучше.

Мгновение подруга изучала меня.

— Чего ты мне не договариваешь?

Я покачала головой, надеясь, что она не увидит, что между мной и Эштоном намного больше, чем просто флирт.

— Ничего.

На меня бросили сомнительный взгляд.

— Окей, прекрасно. Раз ты не признаёшься, расскажи мне побольше об Эштоне и что вы делаете за пределами спальни.

Моё лицо вспыхнуло.

— Я не говорила, что мы спим вместе, — резко прошептала я.

В уголках её глаз появились складочки, и она засмеялась.

— Тебе и не надо. Мне искры и отсюда видны, — Гретхен схватила салфетку и стала обмахиваться ею.

— О, Боже мой. Прекрати это, — я выхватила салфетку из её рук.
— Между нами нет никакой химии. Просто он очень милый.

Она усмехнулась и понизила голос.

— Ты называешь ростовщика милым.

— А как ещё я должна его описать? Безжалостным, коварным или эгоистичным? Потому что ни одно из вышеупомянутых качеств ему не подходит, когда он со мной.

Гретхен накрыла мой сжавшийся кулак ладонью.

— Успокойся, Елена. Я не это имела ввиду. Это только кажется оксюмороном. «Ростовщик» и «милый» определённо не идут рука об руку, разве что твоё имя Эштон Хоуз, который, очевидно, относится к исключениям.

— Да.

Мы закончили с салатами как раз перед тем, как принесли горячее. Официант поставил тарелку перед Гретхен, а когда я подняла глаза, моё горячее передо мной поставил Эштон.

— Наслаждайся, солнышко, — прошептал он, прежде чем снова исчезнуть.

— Привет, сексуальное напряжение, — прошептала мне Гретхен.

Проигнорировав её, я разрежала один большой равиоли на маленькие кусочки, от мыслей, как Эштон выражал свою нежность, все мои нервные окончания ожили. Каждый раз, когда Эштон говорил со мной вот так, меня пробирала дрожь. Съев кусочек или два, Гретхен снова начала:

— Ты не ответила на мой вопрос о времяпровождении с Эштоном.

Я вздохнула и подумала о поездке несколькими днями ранее.

— Ты только что вздохнула?

Ответила ей со смешком:

— Думаю, да. Ну, он возил меня посмотреть рассвет в Гранд-Каньоне.

Вилка Гретхен выскользнула из её пальцев.

— Что он сделал?

— Свезил меня в Град-Каньон, чтобы посмотреть рассвет. Мы пообедали там, прежде чем поехать на бейсбол. — Гретхен поморщилась, и я быстро добавила: — Он купил места сразу за скамьей запасных. Это было идеально.

— Вот дерьмо, — прошептала она.

Мой взгляд вернулся к ней.

— Что? Что такое? Ты в порядке?

— Ты влюбилась в него, не так ли?

Я замерла. Откуда у неё такие мысли?

— Нет. Это просто слепое увлечение. Эштон мне очень сильно помог. Такие парни как он, не влюбляются.

— О, милая, если я смогла понять, что это больше, чем слепое увлечение, то почему ты боишься признаться в этом?

Слёзы навернулись на глаза, и я надеялась, что Эштон был где-нибудь подальше и не видел этого.

— Посмотри, чем обернулся последний раз, когда я думала, что люблю.

— Да, но мужчина вон там, — он кивнула влево, — не имеет ничего общего с придурком, за которого ты вышла замуж. Он свезил тебя в Аризону, чтобы понаблюдать за рассветом. Доминик не мог сводить тебя даже на ужин.

Я всхлипнула.

— Не хочется снова обжечься.

— Елена? — беспокойный голос Эштона прозвучал рядом со мной. Он бросил взгляд на моё лицо и поднял со стула в объятия, послав свирепый взгляд Гретхен.

— Что случилось?

Я попыталась взять себя в руки.

— Мы говорили о том, какой я была душой, когда вышла замуж за Доминика. — По крайней мере, это была полуправда.

Он стёр слёзы с моих глаз большими пальцами.

— Ты не дура. Этот придурок не имел ни малейшего понятия,

какое сокровище рядом с ним. Он больше никогда не получит тебя в свои руки. Ты — моя.

Время остановилось. Начнись в ресторане пожар, пока я смотрела в глаза Эштону, я даже не заметила бы этого. Сквозь стёкла очков я видела то, что было в его глазах. Нечто большее, чем секс или помощь обиженной женщине. Он открыл рот, чтобы сказать что-то ещё, когда вдруг наш «пузырь» лопнул.

— Мистер Хоуз, — обратился метрдотель, став рядом с нами.

— Да, Пьер?

— Сэр, мне жаль прерывать вас, но у нас проблема.

Эштон глянул назад, а потом на нас. После вздохнул:

— Я сейчас подойду, Пьер, — подождал пока Пьер уйдёт, чтобы добавить: — Елена, мне жаль, но необходимо позаботиться о делах.

— Я понимаю. — Хотя это и было правдой, но не означало, что мне нравится. Но Эштон — владелец ресторана. Я села и потянулась за напитком от необходимости хоть как-то унять дрожь в руках.

— Нам нужно поговорить, когда я вернусь домой.

Это была не просьба.

— Хорошо.

— Я не должен задержаться. Дождётся меня, пожалуйста?

— Хорошо, — пискнула я. Ощущение пустоты засосало под ложечкой.

О чём он хотел поговорить со мной?

Гретхен ухмыльнулась поверх своего бокала.

— Ты — идиотка.

— Большое спасибо. Эштон только что застал меня плачущей в своём ресторане и теперь хочет *поговорить*, — сказала я, используя воздушные кавычки. — Вдобавок ко всему, ты обозвала меня идиоткой. День становится всё лучше и лучше.

— Ну, ты идиотка, если не видишь у себя перед носом. Этот мужчина настолько влюблён в тебя, что это становится нереально. Вполне уверена, что он хотел сказать тебе именно это, пока вас не прервали.

Мой рот открылся.

— Нет, не хотел.

— О, детка, хотел. В какой-то момент ты поймёшь, что можешь быть любима без боли в сердце, в противном случае — оттолкнёшь всех и в итоге останешься в одиночестве.

В одиночестве.

Я долгое время была одинока. Жила с человеком, который не проводил со мной время, а лишь разговаривал, и то так, как считал нужным. Возможно, такое существование можно назвать даже более выраженным одиночеством, чем если остаться одной. Мои нервы были на грани, и, если бы мы продолжили, меня бы вырвало на стол.

— Мы можем просто сменить тему? — обратилась с просьбой я.

Подруга кивнула и поставила бокал. Обед продолжался, и мы обе избегали всего, что связано с Эштоном, хотя я обнаружила, что, пока мы разговариваем, ищу его взглядом, пытаюсь хотя бы мимолётно увидеть мужчину, который занимает все мои мысли.

Официант принёс нам десерт, который мы не заказывали: торт с шоколадным муссом. Эштон был в курсе, что это моя слабость и тот факт, что он знал, что нам подать, оставил в моей голове ещё больше вопросов.

Обед закончился раньше, чем хотелось бы.

— Я скучаю по времени, которое мы проводили вместе, — сказала Гретхен, когда мы вышли из ресторана. — Нам стоит возобновить это.

— Стоит, — я попыталась улыбнуться, что удалось через силу. — Ты же придёшь на премьеру?

— Безусловно.

— Отлично. Я оставлю тебе билетик.

Она стиснула меня в объятиях.

— Дай ему шанс. И поблагодари за обед.

— Постараюсь и поблагодарю.

Мы попрощались, и Гретхен направилась к стоянке, когда я повернулась к фасаду здания. Льюис ждал меня у машины, готовый

отвезти на репетицию.

— Елена, — поприветствовал он и открыл дверь. Я долгое время убеждала его прекратить называть меня по фамилии. Мне ненавистно любое напоминание о Доминике.

Льюис выехал на проезжую часть и в скором времени высадил меня перед главным входом.

Репетиция прошла гладко; все мысли об Эштоне отошли на второй план. Но только на то время, пока моё внимание было сосредоточено на чём-то ином. Как только репетиция закончилась, я снова забеспокоилась о том, что Эштон хочет сказать мне.

К моменту возвращения в дом, я так нервничала, что решила: горячая ванная будет кстати. Тёплая вода успокоила боль в мышцах, пар очистил голову. Я легла на спину и закрыла глаза.

По мере остывания воды я понимала, что пришло время оставить свой маленький кокон и посмотреть в лицо всему, что хотел сказать мне Эштон.

Одевшись, я спустилась вниз. В доме было по-прежнему тихо, не горел ни один светильник. Желая побыстрее покончить с разговором, я прошла по коридору в кабинет Эштона. По-прежнему ничего. Он сказал, что не задержится надолго. Возможно, возникли какие-то проблемы в ресторане.

Шум гаражной двери заставил меня помчаться в коридор, сломя голову. Сделав глубокий успокаивающий вдох, я заставила себя медленно пройти на кухню, но, когда дверь открылась, меня встретил не Эштон.

— Миллер. Что ты здесь делаешь?

— Эштон застрял в одном из ресторанов, так что я решил составить тебе компанию, — он вытащил два пакета из «The Bluewater Grill».

Это вызвало у меня смех.

— Дай угадаю: Эштон послал тебя сюда с ужином, чтобы ты мог присмотреть за мной, пока он сам не вернётся домой.

— Только не говори ему, — Миллер поставил пакеты на стол и начал вытаскивать тарелки и вилки из шкафов. — Но разве ты можешь винить его в этом после того, что случилось той ночью?

Я съёжилась от понимания, как много брат Эштона знает о моей запутанной ситуации, и отошла к кулеру с вином, чтобы спрятать свою реакцию. Достала шардоне, которое Эштон любил пить с морепродуктами, и два бокала.

— Доминик понятия не имеет, где живёт Эштон... но нет, я действительно не могу винить его.

Миллер открыл контейнеры с едой на вынос и разложил её на тарелки, выбросив коробки в мусорку.

— Голодная? — он указал на еду.

— Да, — усевшись за кухонный стол, ответила я. Эштон прислал моё любимое блюдо: краб, обжаренный в соусе из белого вина. — Вкуснотища. Он всегда знает, что для меня выбрать.

Миллер усмехнулся, но я решила это проигнорировать.

— Да, знает.

Парень принялся за еду. Я была голодная, но сложно было думать о еде, когда всё, что хотелось, это знать, о чём Эштон хотел поговорить со мной. Гоняя еду по тарелке, я не заметила, что Миллер пытается привлечь моё внимание, пока он не похлопал меня по плечу.

— Что происходит? — спросил он. — Ты не притронулась к еде. Эштон клялся, что это твоя любимая.

— И был прав, я обожаю это блюдо. Просто тяжело избавиться от кое-каких мыслей, и это портит мне аппетит. — Я не была уверена, что это хорошая идея — сидеть здесь и разговаривать об Эштоне с его братом. Что он передаст Эштону?

— Давай, мне можно рассказать. Ты не сможешь перестать думать об этом, пока не расскажешь.

Несколько минут я молчала и боролась с совестью, пока Миллер смотрел на меня. Чем разговор с ним может навредить? С другой стороны, он мог всё рассказать Эштону. С третьей — он знал Эштона с рождения.

Решив, что мне необходимо выговориться, я выложила всё, как оно было.

— Сегодня во время обеда Эштон попросил меня дождаться его, потому что хотел о чём-то поговорить, и я боюсь, что он хочет

удостовериться, что через две недели я уйду из его жизни, так как трёхмесячный срок истекает. Я просто не уверена, что готова к этому.

Бокал Миллера был на полпути к губам, когда парень резко поставил его обратно, потому как расхохотался, и от этого звука волосы у меня на затылке встали дыбом.

Знала же, что говорить с ним было ошибкой.

Взяв тарелку и бокал, я отодвинулась от стола, чтобы перейти в столовую, где я могла сесть и поесть в спокойствии, когда Миллер протянул руку, пытаясь меня остановить.

— Пожалуйста, не уходи. Прости за смех, — он вытер глаза. — Просто мысль, что Эштон хочет, чтобы ты уехала, смехотворна.

Я поставила приборы обратно на стол, но осталась стоять.

— Почему ты говоришь это?

Он пожал плечами.

— Я никогда не видел, чтобы Эштон реагировал на женщину так, как он реагирует на тебя. Например, ужин в доме наших родителей. Он несколько раз угрожал мне, когда я неподобающе смотрел на тебя. Даже ударил.

— Эштон тебя *ударил*? — спросила я, широко распахнув глаза. — Зачем он это сделал?

— Думал, что я собираюсь позабавиться с тобой после твоего разговора с тётей Вероникой. Что было просто глупо. Он уже тогда был влюблён в тебя.

У меня приоткрылся рот.

— О чём ты говоришь? Я знаю Эштона едва ли больше двух месяцев. И только потому, что мой *муж* не может перестать играть в азартные игры.

Миллер ухмыльнулся.

— Муж, который, как я слышал, скоро станет бывшим.

— Откуда ты знаешь? Я только Эштону сказала. Даже не встречалась с адвокатом.

— Эштон рассказал мне на следующее утро, после того как узнал об этом от тебя. Обычно он очень спокойный и собранный, не

позволяет эмоциям управлять им... но только не с тобой.

— Но... но он... он не...

Миллер накрыл своей ладонью мою.

— Не нервничай. Мой брат заботится о тебе больше, чем готов признать. Уверен, что он не продержится долго.

От слов Миллера мне стало легче дышать. Мог ли Эштон действительно заботиться обо мне так сильно, как я забочусь о нём? Только время покажет.

Мысли исчезли, и я принялась за ужин. Миллер сделал то же самое.

— Как продвигается подготовка к шоу? — спросил он, прожевав еду.

— Отлично. Мне правда нравится работать с Аланом.

Парень закатил глаза.

— Эти двое вечно были друзьями. Тупоголовые постоянно встречали в массу неприятностей.

Побороть любопытство мне не удалось.

— О, правда?

— Ммм-хмм. Я такие истории могу тебе рассказать.

— Пожалуйста, расскажи.

Мы с Миллером закончили ужин. Это заняло больше времени, чем обычно, так как мне пришлось останавливаться несколько раз, чтобы посмеяться над историями из детства Эштона. Это было так легко, и в то же время меня тяготило слушать о том, каким беззаботным он был. Я видела проблески былых черт его характера сейчас, но думаю, что я стала одной из тех немногих, кому это удалось.

— Так ты застрял здесь, пока Эштон не вернётся домой. Может посмотрим фильм? — спросила я, загружая тарелки в посудомойку. Да, у Эштона была домработница, но от некоторых привычек не избавиться.

— Звучит отлично, — подмигнул Миллер.

Я последовала за ним по коридору и смотрела, как он выбирает

кино, с лёгкостью двигаясь по комнате, и мне показалось, что он неоднократно бывал здесь и чувствовал себя комфортно. Я пыталась сосредоточиться на экране, но мой взгляд то и дело метался к двери.

К тому времени, как закончился фильм, Эштон так и не появился. Миллер включил ещё один, и я свернулась калачиком под одеялом на диване, все тревоги за последние несколько часов дали о себе знать. Веки тяжелели, но я боролась со сном и старалась не закрывать глаза. Мне необходимо было узнать, что хотел сказать Эштон.

На данный момент, казалось, нет ничего более важного.

Даже если речь о сне.

Глава 24.

Эштон

Раздражение.

Ни одно другое слово не могло описать мои чувства, пока я ехал домой. Было так много всего, что я хотел сказать Елене. Три месяца почти закончились, а я всё ещё не попросил её остаться. Мой план состоял в том, чтобы забрать её домой, поужинать, и затем рассказать о своих чувствах.

Но потом разверзся ад.

Это началось, когда не пришла поставка алкоголя в «The Bluewater Grill», и я провёл всю долбаную ночь, пытаюсь распределить запас двух баров между тремя ресторанами. А затем стало ещё хуже, когда меня позвал Пьер. Я понятия не имел, что мне предстоит дело с должником.

* * *

— Мистер Хоуз, там джентльмен спрашивает вас. Говорит, что должен вам денег.

— Что за херня? — ответ сорвался с языка прежде, чем я смог остановиться.

Пьер поднял руки, мол не в силах ничего сделать.

— Не знаю, сэр. Мне жаль, я пытался отговорить его, чтобы не прерывать вас. Он не слушал. Отказывался прекратить устраивать сцену за столом, пока я не пошёл за вами.

— Спасибо, Пьер, — сказал я, не высовывая руки из карманов и скрывая таким образом кулаки. — Веди к нему. Я позабочусь об этом.

Заботиться об этом было правилом. Я мог в значительной степени гарантировать, что он уйдёт в худшем состоянии, чем пришёл.

Пьер указал на стол в углу, где с ухмылкой на губах и со

скрещенными на груди руками сидел мужчина.

Блядь.

Я убью кого-то. Используя всё своё самообладание, я подошёл к нему. Ублюдок сидел один. Убедившись, что подошёл достаточно близко, чтобы быть в пределах слышимости, я наклонился и тихо сказал:

— Ты последуешь за мной в мой кабинет сейчас же. — Его глаза расширились от моего тона. — И если попытаешься сделать хоть что-нибудь ещё, я найду тебя позже и гарантирую, что буду ещё менее дружелюбным, чем сейчас.

Мужчина сглотнул и кивнул.

Быстро развернувшись на каблуках, я прошёл до кухонной двери, а затем вниз по коридору до моего кабинета.

Пройдя через дверь, повернулся и подождал его. Когда должник перешагнул через порог, я закрыл дверь и развернулся к нему.

Схватив за запястье, я вывернул его руку ему за спину и вдавил в тело. Если двинется, то вывернет собственный сустав. Крик боли вырвался из его рта.

— Долбанутый на голову кретин. Ты перешёл грань, придя сюда. Не знаю, что заставило тебя думать, что явиться сюда и говорить о нашем деле — хорошая идея, но могу гарантировать, что это, мать твою, не так. — Я не повышал голос, чтобы не перепугать сотрульников.

— Но я...

— Я не желаю слышать больше ни единого слова из твоего поганого рта. Ты зашёл чертовски далеко. — Немного надавив, я услышал треск костей в запястье, и его колени одновременно подогнулись.

Кровь просочилась между его губ — он прикусил или щёку изнутри, или язык. В любом случае, в тот момент мне было насрать.

— Вижу, ты достаточно умен, чтобы не привлекать к себе больше внимания. Давай посмотрим, умеешь ли ты пользоваться своими мозгами.

Мужчина резко кивнул один раз.

— Ты провалишь отсюда, как будто ничего не произошло. Затем проверишь своё запястье и скажешь, что упал на него, споткнувшись. И наконец встретишься со мной в назначенном месте на следующем матче. Вот там мы и обсудим твой долг и увеличение процентной ставки. Тебе всё понятно?

— Да, — прохрипел в ответ.

— Отлично, а теперь съебись с моих глаз, прежде чем я сломаю тебе руку.

Он вышел, а я плюхнулся на диван в своём кабинете. Снова позволил гневу взять надо мной верх. Я не любил, когда другие мужчины удерживали меня далеко от Елены, а это дерьмо воспрепятствовало моей с ней встрече, прежде чем она уехала, и это подтолкнуло меня через край.

* * *

На светофоре мой взгляд упал на часы. Было далеко за полночь. Когда я понял, что не попаду домой в обычное время, то позвонил Миллеру и попросил его поехать ко мне, чтобы составить Елене компанию. После того случая с Палмером несколько дней назад и сегодняшнего, когда какой-то придурок заявился в ресторан, чтобы обсудить бизнес, мне было некомфортно оставляя её в одиночестве, даже с учётом того, насколько безопасен мой дом. Я был уверен, что она уже заметила, что Брок или Льюис везде с ней, если нет меня.

Нажав на кнопку, чтобы подключить телефон к аудиосистеме автомобиля, я набрал Миллера.

— Ну, брат, ты, наконец, едешь домой?

— А где «привет»?

— Эй, я протусовался всю ночь с твоей женщиной, и так как ты не позволяешь мне получить от неё то, что я хочу, то мне надо на ком-то отыграться.

Я усилил хватку на руле.

— Ты сукин сын, тебе лучше держать свои руки при себе. Надеюсь, она пнёт тебя по яйцам за эти слова.

Парень расхохотался.

— Думаешь, я тупой? Она мне нравится. Я не хочу, чтобы Елена ненавидела меня. Она заснула на диване около часа назад.

Я вздохнул. Шанс упущен... опять. Слова почти выскользнули в ресторане, но Пьер прервал нас.

Чёрт побери.

— Всё хорошо. Дома буду в десять.

Нажал «*завершить вызов*» прежде, чем брат сказал что-то ещё, что может меня разозлить. Елена через многое прошла. Мне просто хотелось, чтобы всё было идеально. Она это заслужила. При виде гаражной двери груз с моих плеч упал.

Я быстро нашёл Миллера и Елену в гостиной; она на краю дивана, свернувшись клубочком, а Миллер полулежал на одном из кресел. Даже спящая Елена была самой сексуальной женщиной.

Кивнув Миллеру, я подхватил её на руки. На мгновение мне показалось, что она проснётся, но Елена лишь ближе прижалась к моей груди. От осознания, что она мне доверяет, — Елена каждый день показывала это, — по моему телу разлилось тепло, а, учитывая её историю, она была в праве бояться и никому не доверять.

— Скоро вернусь, — прошептал я.

Елена весила словно перышко, и поэтому подъём по лестнице не доставил каких-либо неудобств. Я аккуратно опустил её на нашу кровать.

Нашу кровать.

Блядь, мне нравилось, как это звучит.

Я спустился вниз, чтобы поговорить с Миллером, и когда вошёл в комнату, он передал мне стакан скотча.

Слишком уставший, чтобы снимать пиджак и галстук, я опустил в одно из кресел и опустошил бокал одним глотком.

— Всё плохо? — спросил брат, поднимая бокал к губам.

— Можно и так сказать. — Напиток обжёг мне горло, и я почувствовал как он обжигающе распространяется по телу. Поставив бокал на стол, снял очки и потёр глаза. — Адам Томпсон появился во

время бизнес-ланча, чтобы сказать, что у него нет денег, которые он мне задолжал.

Челюсти Миллера сжались.

— Что происходит с этими мудаками? — спросил он сквозь зубы.

— Без понятия, но я отправил очень ясное сообщение. Мне до сих пор приходится разбираться с беспорядком после инвентаризации.

— Хорошо. Надеюсь после Палмера и Томпсона этому придёт конец.

— Тоже надеюсь, — я снова взял стакан и посмотрел на Миллера. — Она расстроилась, что мне пришлось застрять на работе?

Миллер вздохнул.

— И да, и нет. Было бы лучше, если бы ты не говорил ей, что вам нужно поговорить.

Я сел так быстро, что, показалось, упаду с кресла.

— Проклятье.

— Что ты собираешься сказать ей?

— Хочу попросить её остаться. Знаю, что она планирует уйти от этого куска дерьма, и хочу, чтобы она осталась со мной.

Брат усмехнулся.

— Я так и понял. Она боится, ты знаешь?

Проведя рукой по своим волосам, я встал и начал мерять шагами комнату.

— А как ей не бояться? Посмотри на то, с чем она имела дело до сих пор. Любой трижды подумал бы, прежде чем завести с кем-то отношения, не говоря уже о том, чтобы снова доверять.

— Так и думал, что ты в неё влюбился, — усмехнулся брат.

Я замер.

— Ты можешь быть серьёзным хотя бы сейчас?

— Да, и вот тебе мой серьёзный совет — ты должен сказать ей о своих чувствах. Она не поверит в это, пока не услышит о них из

твоих уст.

— Скажу ей завтра.

Миллер закатил глаза.

— Отлично, потому что вы оба сведёте меня с ума со своей съедаемой любовью.

Я взглянул на него.

— Разве ты не говорил, что у тебя планы?

— Да, были. — Миллер осушил свой стакан и повернулся к холлу, добавив: — Серьёзно, старший братец, скажи ей. Она первая женщина за долгое время, которая заставила тебя улыбаться.

Я чувствовал это в своей груди, потому что он был прав. Правда состояла в том, что у меня имелось более чем пара партнёрыш для секса, но ни одна не могла сравниться с Еленой. Ни одна из них не была такой стойкой. Пока эта девушка не появилась в моей жизни, я задавался вопросом, будет ли у меня когда-нибудь семья; уверен, мои родственники задавались тем же вопросом. Но нахождение рядом с ней заставляло меня хотеть другого. Я хотел ей дать ту жизнь, которую она заслуживала.

— Спасибо за то, что остался с ней сегодня.

— В любое время. — Брат кивнул и ушёл.

Я сел обратно, оставшись наедине со своими мыслями впервые за весь день. Независимо от того, какой сумасшедшей была моя жизнь, я знал, что мне необходимо рассказать ей о том, чего я хочу.

Чем раньше, тем лучше.

* * *

Но подходящий момент никак не выпадал.

Следующий день наступил и прошёл без единого шанса для разговора. Затем репетиция затянулась. Дела в ресторанах всё больше и больше затягивали, требуя уймы моего времени. Ещё добавились уроки самообороны, и не оставалось времени ни для чего. Мы едва проводили время вместе, и у нас оставалось всё меньше шансов

поговорить.

В таком темпе пролетели две недели. Время практически закончилось. И Елена всё ещё не знала, что я хотел, чтобы она осталась, и не только до того момента, пока она не обретёт уверенность в завтрашнем дне.

Навечно.

Миллер проедал мне плешь каждый раз, когда я его видел, но он очень кстати забыл, что я не хотел, чтобы какая-либо женщина переехала ко мне и стала частью моей жизни. Это не было лёгким решением. Мне нужно было правильное время, чтобы поговорить с Еленой, и я был полон решимости найти его.

— Эштон, — её мягкий голос прозвучал из коридора.

— Я здесь.

Спустя несколько секунд, её голова появилась из-за угла, блестящие тёмные волосы были зачесаны на одну сторону.

— Я готова ехать в театр. Уверен, что хочешь поехать?

Елена, возможно, и хотела притвориться, будто она чертовски не нервничает перед дебютом, но после проведённых вместе недель я мог её раскусить. Её выдавали небольшие суетливые движения, которые она делала: заламывала руки, пытаясь выдать это за щёлканье пальцами, или постоянно убирала одну и ту же прядь за ухо. Для меня это было ярким мигающим неоновым знаком, даже если она делала всё, что было в её силах, пытаясь это скрыть.

Я вышел из-за стола, взял её за руку и потянул в комнату, обнимая лицо ладонями и проведя большим пальцем по её щеке. Слова «я люблю тебя» почти соскользнули с моих губ, но я понял, что если есть хотя бы малюсенький шанс, что она не хочет услышать от меня этих слов, то я разрушу всё, что она создала перед выступлением. Какие бы не были мои чувства, они могли подождать.

— Я говорил тебе, что не могу дождаться, когда увижу тебя на сцене. Ты уверена, что хочешь, чтобы я был там?

— Да, — выдохнула она. — Будет приятно, если кроме Гретхен в зале меня будет поддерживать кто-то ещё.

Она не знала, что я организовал перелёт для её родителей, чтобы они посмотрели шоу, да и мои тоже. Мистер и миссис Брайтон жили

в отеле уже два дня, делая всё возможное, чтобы не раскрыть своё присутствие дочери аж до сегодняшней вечеринки в «La Tratoria».

— Тогда я буду там.

Наклонившись, я прикоснулся губами к её губам. Если я не мог сказать, что люблю её, по крайней мере, я мог покажу ей это прежде, чем она уйдёт. Дрожь пробежала по моему телу от прикосновения её пальцев, когда они скользнули вниз по моим рёбрам и вверх по груди, остановившись в моих волосах. В момент, когда её язык скользнул мне в рот и переплёлся с моим, поцелуй перестал быть лёгким. Задышавшись и разочаровавшись финалом, я прервал его. Елена прищурила глаза и посмотрела на меня.

— Если мы продолжим, то окажемся в конечном итоге в спальне, и тогда ты не успеешь в театр.

Я протянул руку вниз и поправил пах, давая понять, насколько я серьёзен. Девушка покраснела и начала пятиться из комнаты.

— Увидимся в театре, потом я вся твоя. — Подмигнув, она повернулась и пошла по коридору.

Мне было слышно, как входная дверь открылась и закрылась. Льюис должен был ждать её снаружи. Ни разу она не спросила, почему каждый раз, когда она куда-то идёт, кто-то всегда её сопровождает, но я был только благодарен за это. Мне необходимо было знать, что она в безопасности, и если это означало проявлять немного осторожности, то я готов был к этому.

Вернувшись к столу, я опустил в кресло. Вся эта ситуация чертовски раздражала. Привыкнув к контролю, я обнаружил, как сложно самому держать себя хоть немного в руках, когда дело касалось Елены.

Мой телефон завибрировал на столе. Скользнув пальцем по экрану, я ответил.

— Ну привет, мой сладкий, я уже давненько тебя не видела.

Зазвучал мелодичный смех.

— Я предположила, что это безопасный способ поговорить, раз ты не можешь держать руки при себе.

— Не могу, — усмехнулся я. — Кажется, припоминаю, как *ты* стала инициатором того, чтобы всё зашло немного дальше.

— Ну что я могу сказать? Тебе сложно сопротивляться, — я услышал шлепок. — О, Боже, я только что сказала это вслух?

Представил, как Елена мысленно корит себя, и её лицо наливается краской.

— Всё нормально. Тебе также весьма сложно сопротивляться...

Она вздохнула, но в звуке прозвучала радость, а не раздражение. Я сделал всё, что в моих силах, чтобы сосредоточиться на её словах вместо того, чтобы представлять её обнажённое тело подо мной и то, как она выкрикивает моё имя, когда её настигает оргазм.

— Я... — голос Елены прозвучал хрипло. Откашлявшись, она продолжила: — Хотела сказать, что один из твоих адвокатов звонил. Они попытались передать вчера документы Доминику, но он не открыл дверь. Они попробуют ещё раз в понедельник, и начнут с его работы.

Мне очень хотелось услышать эти слова.

— Хорошо. Чем быстрее, тем лучше.

— И не говори. Я подумала, что ты мог бы цепляться за ещё одну положительную мысль, пока будешь работать над кипой бумаг на твоём столе.

Кипа была выше, чем следовало, и состояла в основном из контрактов с новыми поставщиками алкоголя.

— Можешь сказать это ещё раз. Почему не сказала мне до отъезда?

В телефоне послышался смех.

— Эммм... ты забыл о своей угрозе отвести меня наверх и взять позже?

— Разумная мысль. Но просто подумай, как мы могли бы позабавиться.

— Позже.

— Буду иметь это в виду, пока буду бороться со скучной бумажной работой.

— Имей.

— Увидимся вечером. Ни пуха, ни пера. — Алан провёл мне

часовую лекцию на тему, почему я должен был сказать «ни пуха, ни пера», а не пожелать удачи. Я мог бы и обойтись без его урока, но если это поможет Елене, то пусть будет так.

— Спасибо. Увидимся после шоу. Пока.

— Пока.

Я отключил связь и набрал номер гостиницы, где остановились родители Елены.

— Алло, — ответил мягкий голос.

— Миссис Брайтон?

— Да. Это ты, Эштон?

— Да. Я хотел дать вам знать, что автомобиль прибудет около шести, чтобы забрать вас и мистера Брайтона.

— Спасибо и, пожалуйста, зови меня Элизабет. Не могу дожидаться, когда увижу её.

Я улыбнулся, вспомнив одну из наших бесед о её родителях.

— Я знаю, что она будет рада видеть вас.

— Надеюсь, что так, — задумчиво протянула женщина. — Прошло более пяти лет с тех пор, когда мы хотя бы мельком видели нашу дочь.

— Тогда я рад, что смог сделать так, чтобы это произошло.

— Спасибо, Эштон. Я с нетерпением жду встречи с тобой сегодня вечером.

Когда вызов завершился, я попытался сосредоточиться на бумагах. После катастрофического провала несколько недель назад, я не хотел повторения. Сделав глоток кофе, который принёс с собой, я начал отсеивать контракты.

* * *

Работа заняла у меня большую часть дня, но, в конце концов, мне удалось найти подходящий вариант. Оставив все дальнейшие дела до понедельника, я посмотрел на часы. Пора готовиться к отъезду.

Наполовину застегнув рубашку, я услышал мягкую вибрацию со стороны комода. Подняв телефон, увидел новое текстовое сообщение.

Э. Нэвелл: Привет, только что получил билеты на игру во вторник. Хочешь сходить?

Чёрт возьми.

Рано или поздно мне придётся представить Елене весь свой мир, хотя у меня была мысль, что она уже знает во что ввяжется, если останется со мной. В конце концов именно так она попала ко мне.

Я: У меня есть места в боксе на тот вечер, если хочешь присоединиться.

Э. Нэвелл: Это даже лучше. Посмотрю, смогу ли предложить свои билеты кому-нибудь на работе.

Организовав встречу, я надел пиджак и вышел за дверь. Убедился, что Елена взяла платье с собой, я сказал ей о праздновании после шоу. Только она не знала, кто к нам присоединится.

Прибыв в театр, я надеялся, что все остальные уже там. Я попросил Алана держать билеты у себя, чтобы её родители сразу получили их, когда придут, и им не пришлось ждать меня.

— Эштон, — голос моей матери позвал меня откуда-то из толпы.

Просканировав вестибюль, я наконец-то увидел папу — он возвышался на голову практически над всеми в комнате. Пробрался к ним и наклонился, чтобы поцеловать маму в щёку.

— Спасибо, что пришли. Я знаю, что она очень нервничает.

— Конечно, мы бы приехали. Ты пока не сказал ей, не так ли?

Я застонал.

— Почему все спрашивают об этом?

— Не говори с матерью подобным тоном, — отрезал папа.

— Прости, — произнёс я, чувствуя себя пятилетним ребёнком, которому делают выговор в школе. — Я не хотел, чтобы это прозвучало грубо. Просто Миллер каждый день в течение последних двух недель грыз меня. Я собирался сказать ей сегодня, прежде чем она уйдёт, но Елена так сильно нервничала, что я решил подождать.

Мама обхватила моё лицо ладонями.

— Мой малыш влюбился.

— Никогда не ожидал этого и за миллион лет.

— Не ожидал чего? — к нам подошёл Миллер.

— Что твой брат найдёт подходящую женщину, — просияла мама. После повернулась ко мне. — Я так рада за тебя.

— Ты, наконец, отрастил пару нужного, чтобы сказать ей?

— Миллер! — отругала его мама.

— Скажу ей после шоу.

Миллер закатил глаза, и, к счастью, только мысль о том, чтобы двинуть ему, удовлетворила моё желание на самом деле это сделать. Я бы не стал устраивать сцену. Не мог так поступить по отношению к Елене. Не говоря уже о том, что знал, что сделает мама, если я ударю Миллера. Он посмотрел на маму и папу.

— Мама, это Кейтлин. Кейтлин, это мои мама и папа.

— Приятно с вами встретиться, — протягивая руку, произнесла чувственная блондинка рядом с ним.

Миллер закончил представление, но я был не совсем уверен, зачем ему это вообще нужно — к концу следующей недели девушка будет забыта.

Я взглянул на часы.

— Думаю, нам пора.

Я купил билеты в первых рядах партера по совету Алана. Спустившись до уровня оркестровой ямы, мы нашли тётю Веронику и Сэмюеля вместе с парой человек, которые могли быть только Брайтонами. Елена идеально сочетала в себе черты своих родителей, — тёмные волосы от отца и шоколадных глаза от мамы.

— Мистер и миссис Брайтон?

Мужчина встал, протягивая руку.

— Да, а ты, должно быть, Эштон.

Я ответил на его рукопожатие.

— Да. Очень приятно встретиться с вами.

Миссис Брайтон встала, когда её муж отпустил мою руку, и обняла меня за талию, практически выдавив воздух из моих лёгких.

— Огромное спасибо за то, что дал возможность разделить этот вечер с нашей дочерью. Ничто не сделало бы нас более счастливыми, чем то, что она нашла такого замечательного мужчину, как ты. Я уверена, что теперь, когда поданы документы на развод, всё будет проще.

Мне пришлось напомнить себе, что они ничего не знают об обстоятельствах, при которых Елена оказалось со мной и о моей роли в семейном бизнесе, и так должно было оставаться. Её родители не должны знать, во что превратилась жизнь их дочери с Толли, а также о моём участии в незаконной деятельности. Мне хотелось им понравиться. Брайтоны беспокоились о своей дочери слишком долго. Не нужно давать им дополнительные основания.

Свет над нами погас.

— Пожалуйста, присаживайтесь. За ужином мы сможем поговорить больше.

Она кивнула, и мы заняли свои места. На сцене выступал не я, но сердце заходило бешеным темпом именно в моей груди. Елена до сих пор не дала мне послушать, как она поёт, говоря, что мне придётся ждать вечера премьеры.

Занавес на сцене поднялся, и полилась музыка. Я был покорен. Затем мы услышали пение женщины. Мне не нужно было видеть поющую, чтобы понять: невероятно привлекательный голос принадлежит Елене. Она вышла на сцену, и мне захотелось подняться с места и заплодировать.

Я огляделся и заметил благоговейное выражение на лицах членов моей семьи. Их удивление было сродни моему, Елена пела невероятно красиво. Потребовалось время, чтобы понять, что Елена и есть та патологически застенчивая женщина, которую изначально оставили у меня в уплату долга.

Лишь два человека не сидели в состоянии шока — её родители. Слезы текли по щекам её матери, выражение её лица демонстрировало неимоверную гордость. Взгляд её отца был почти идентичен. Они гордились ею и не боялись показывать это.

Как и я. Я был просто поражён масштабом сырого таланта Елены. Не удивительно, что Алан кричал на меня.

— Эштон!

Я обернулся, ища источник голоса, и увидел идущего ко мне Алана. Мы стояли в холле в ожидании второго акта.

— Отличное шоу. — Я протянул руку, чтобы пожать его ладонь.

— Спасибо. Она удивительная, не так ли?

Мои глаза по-прежнему были широко распахнуты от удивления.

— Я не имел ни малейшего представления насколько.

— Пожалуйста, скажи мне, что она планирует остаться на какое-то время? Я продолжаю думать о различных шоу, которые мог бы поставить с её голосом.

— Таков план.

Он смотрел на меня на мгновение.

— Эштон, мы знаем друг друга долгое время, и я могу сказать, когда с тобой что-то не так, так что выкладывай.

Мужчина был прав. Мы с Аланом знали друг друга вечность. Между нами не было секретов.

— Я собираюсь попросить Елену переехать ко мне. Думаю, она та единственная.

— Твою ж мать. В самом деле?

— Не то слово. Никогда не предвидел подобного на горизонте, пока она не ворвалась в мою жизнь, словно товарный поезд. Если она скажет «да», то останется здесь до тех пор, пока я смогу её удерживать.

— Ничего себе, это большой шаг. Знаешь, Елена хорошо на тебя влияет. За все годы, что я тебя знаю, никогда не видел тебя таким спокойным.

— Это всё она.

Свет внутри театра снова погас.

— Нужно вернуться. Мы поговорим больше на вечеринке.

Я кивнул и прошёл к своему месту.

Вторая половина шоу прошла даже лучше, чем первая; словно во время первого она накапливала свою уверенность для второго акта. Когда шоу закончилось, все заторопились в ресторан. Не хотели ничего упустить, застряв в театре.

Я ждал Елену в задней части возле гримерки. Настала моя очередь нервничать, поэтому я ходил взад и вперёд под дверью. Примерно через пятнадцать минут та распахнулась, явив Елену в синем, словно сапфир, коктейльном платье без бретелек. От этого цвета её кожа блестела здоровьем.

— Привет, — сказала она с лёгкой застенчивостью.

Желая забрать страх, я быстро обнял её.

— Ты была невероятной! Никогда не видел ничего подобного.

Румянец окрасил её щёки.

— Я так рада, что тебе понравилось.

— Очень! — Взяв Елену за руку, я повёл её в переднюю часть театра и вниз по ступенькам, всё время рассказывая о моих любимых моментах.

Когда мы остановились возле фонтана через улицу, она растерянно огляделась.

— Есть нечто, что я хочу тебе сказать, — начал я, и Елена кивнула, усаживаясь на край и пялясь на блестящие на дне монетки. Занимая место рядом с ней, я приподнял пальцем её подбородок, чтобы она встретила со мной взглядом, и заправил небольшую прядь волос за ухо. — Елена, я помню, как сказал тебе, что ты можешь оставаться со мной до тех пор, пока тебе нужна будет помощь, чтобы стать на ноги.

Она с трудом сглотнула.

— Да.

— Я больше этого не хочу.

Её глаза мгновенно наполнились слезами, она попыталась встать

и уйти, но я взял её за руку и остановил, призывая сесть обратно.

— Это прозвучало неправильно. Пожалуйста, останься и послушай. — Мне было противно от самого себя. Ни разу в жизни у меня не было проблем при разговоре с женщинами, но сейчас я звучал как идиот, у которого язык в заднице. — Я пытаюсь сказать, что не хочу, чтобы ты уходила. Даже когда ты станешь на ноги, я хочу, чтобы ты осталась и была моей. — Её глаза расширились, и я заметил, как она напряглась всем телом. — Я люблю тебя, Елена.

Глава 25.

Елена

— *Что?*

Мой голос прозвучал едва ли слышно: настолько слабо, что я сама засомневалась, услышал ли он меня или нет. Неужели Эштон только что сказал, что любит меня? Мне вспомнились кусочки разговора с Миллером, который у нас состоялся несколько недель назад.

«Он уже влюбился в тебя».

— Я влюблён в тебя, Елена, — сказал он, его взгляд не отрывался от меня.

Слова испугали и взбудоражили одновременно. Это были те слова, что я жаждала услышать из уст Эштона, но знала, что не могу ответить ему тем же. Даже если он проявлял ко мне лишь заботу и сочувствие, глубоко похороненный во мне страх быть отвергнутой по-прежнему мучил. Как бы я ни желала этих слов, ни одно не скатилось с моего языка. Я не знала, что сказать.

Хотела ли я остаться с Эштоном? Больше всего. Но будет ли он всё ещё хотеть меня, если я не смогу произнести эти три коротких слова? Был только один способ выяснить. Я устала жить в страхе.

— Я хочу остаться с тобой больше, чем ты можешь себе представить... но мне надо больше времени.

Его пальцы накрыли мои губы.

— Ты не должна отвечать. В твоём распоряжении столько времени, сколько тебе понадобится.

Обхватив моё лицо руками, Эштон приблизил свои губы к моим для страстного поцелуя. Нежные, медленные движения были предназначены для того, чтобы поделиться друг другом этим моментом, а не разделить страсть. Когда его язык скользнул по моим губам, исследуя каждый дюйм, я застонала. Там, на краю фонтана, я не обращала внимания на мир вокруг нас. Единственное, что имело значение, это Эштон и счастье, принесённое им в мою жизнь.

Наши губы разомкнулись, уголки его рта приподнялись в

улыбке. Он встал и протянул руку.

— Пошли. Предполагаю, что должен тебе ужин.

— Должен, — я подмигнула и вложила свою руку в его.

На пути к машине я заметила, что плечи Эштона расслаблены. Даже его дыхание казалось мне обременённым.

Взглянула на него, когда он выехал на дорогу.

— Эштон?

Он сжал мою руку и переплёл наши пальцы, поднеся мою ладонь к губам.

— Да?

— Ты боялся попросить меня остаться? Я заметила, что ты кажешься более расслабленным сейчас, когда сказал об этом.

Он ухмыльнулся.

— Немного. Не думал, что ты скажешь мне «нет», но после того, через что ты прошла, не был уверен. Плюс, хотел найти идеальное время, чтобы признаться тебе.

— Мне не нужно идеальное время. Мне нужен ты.

— Ты, возможно, не нуждаешься в идеальном времени, но заслужила его.

— Спасибо. И я...

Он снова прервал меня.

— Нет, ты пока не готова. Я могу подождать.

Мы подъехали к «La Tratoria». Каждый раз, когда я видела это место, оно поражало меня элегантностью.

— Особенный ужин для двоих?

— Что-то вроде того.

Он выскочил из машины и открыл мою дверь прежде, чем я успела расстегнуть ремень безопасности. Мы вошли в ресторан рука об руку, и ощущение — когда тебя держит мужчина, который нежно лелеет и *любил* тебя — было приятным. Я чувствовала себя странно от одной мысли об этом. Мужчина, державший мою ладонь, был влюблён... в *меня*. В моей груди поднималось чувство гордости,

которого я никогда не испытывала. Ощущение было восхитительное, такое, что я знала, мне никогда не надоеет.

Когда мы миновали главный зал, я смутилась. Мы всегда сидели за одним и тем же столиком, когда ужинали здесь, и, естественно, я предполагала, что мы сядем там же. Я не задавала вопросов о том, куда он меня ведёт. Когда мы подошли к двери в дальний зал, Эштон торжественно открыл её. Мы вошли в комнату, и я замерла.

Мои родители.

Мои родители.

О, Боже мой.

Воздух покинул мои лёгкие со свистом, а рукой, которую не держал Эштон, я прикрыла рот. Мои колени подогнулись, и я почувствовала, как он подошёл ближе, зная, что если бы он меня не удерживал, я давно была бы на полу. Я не видела их так долго, хотя казалось, что только вчера мы были вместе. Волосы у мамы стали короче, глаза более уставшие, но она была всё ещё та женщина, которая дула на мои порезы и ссадины, рассказывала мне о мальчишках и помогала завить волосы на выпускной вечер. Папа немного поседел, но седина ему шла. Он поправился, но его улыбка осталась прежней. Я любила эту улыбку почти так же сильно, как любила отца.

Мама подбежала ко мне в слезах и стиснула в крепких объятиях. Задняя стенка моего горла горела от попыток сдержать эмоции, но это было невозможно, и слёзы покатались по щекам. Эштон тихо вышел, давая мне побыть наедине с мамой и папой.

Мама откинула голову назад, чтобы посмотреть мне в глаза.

— Ты была удивительной сегодня, Лейни. Мы тобой очень гордимся.

Она снова притянула меня в объятия, зарывшись лицом в мою шею, и к её рукам вокруг меня присоединились руки папы.

— Я так счастлив, что мы смогли увидеть твой дебют.

— Как? Когда? Боже, я не могу поверить, что вы здесь, — визжала я, когда в конце концов высвободилась из их объятий, мой взгляд метался между ними.

Улыбка мамы меня согрела.

— Эштон позвонил нам и спросил, хотим ли мы приехать.

— Но вы не можете позволить себе приехать сюда только на выходные. Я в восторге, что вы здесь, но вы не должны были этого делать.

— Не волнуйся, куколка, Эштон взял все расходы на себя.

Моя рука взлетела к груди.

— На себя?

Я поискала Эштона в комнате. Не знала, вернулся ли он, но хотела, чтобы он знал, как я ему благодарна. Прежде, чем смогла найти его взглядом, папа взял меня за плечи и повернул лицом к себе.

— Ты нашла себе отличного мужчину. Я рад видеть тебя такой счастливой.

— Эштон делает меня счастливее, чем я когда-либо была.

— Это всё, чего мы могли желать.

Постукивание по плечу заставило меня повернуться.

— Ты была изумительна, — выказала чувства миссис Хоуз

— Большое вам спасибо, миссис Хоуз. — Она приподняла брови в ожидании. — Простите. Фейт.

— Так лучше, — улыбнулась мама Эштона. — Я в таком предвкушении снова увидеть твоё выступление на следующей недели.

— Вы снова придёте?

— Безусловно!

Мистер Хоуз вышел из-за спины своей жены, опустив руки на её плечи.

— Не пытайся удержать её. Она не пропустит этого, — он обнял меня. — Ты была превосходна.

— Она и правда была, не так ли? — Эштон обнял меня за талию, крепко притянув к себе.

— На кухне уже всё готово и подадут ужин, как только мы займём наши места.

Все двинулись в обеденный зал, но я задержалась. Не желая

затягивать начало ужина, я не стала разливаться в словах. Просто нежно поцеловала уголок его рта и произнесла:

— Спасибо... огромное.

И затем я направилась поужинать со всей своей семьёй.

* * *

Ужин прошёл под покровом прекрасной беседы и торжества. Это было больше, чем я когда-либо могла попросить, и я сказала об этом Эштону, когда мы возвращались домой.

— До сих пор не могу поверить, что ты оплатил моим родителям перелёт и проживание.

Он поднял наши сплетённые руки к губам.

— Разве ты ещё не поняла, что я сделаю всё ради твоего счастья?

— Приходило в голову пару раз, — рассмеялась я.

— Не прекращай дерзить, и я обещаю, ты заплатишь за это.

— О, *правда*, — сказала я, пытаюсь подбить его. Словно у него на самом деле хватит самоконтроля, чтобы сдержаться и не заставить меня заплатить.

Когда мы припарковались в гараже, Эштон вышел из машины, открыл мою дверь и помог мне выбраться, перебросив через плечо, как мешок с картошкой. Я извивалась, но ничего не могла сделать.

— Поставь меня, Эштон, — я старалась сказать сурово, но хихиканье меня выдало.

Всё ещё пытаюсь извиваться, я резко взвизгнула, когда его рука ударила меня по заднице. Тепло обдало мой центр. Всё, о чём я могла думать, это он, зажатый между моими бёдрами. Пока мы поднимались по лестнице, его рука во второй раз опустилась на мою задницу. На третий я простонала — Эштон на сто процентов знал, что со мной делал.

Когда мы добрались до спальни, Эштон позволил мне соскользнуть по его телу, и тут же, стоило моим ногам коснуться пола, схватил подол моего платья и потянул вверх, снимая его через

голову. Моё белье последовало за ним. Затем рот Эштона оказался на моём и, когда он опустил меня на кровать, все осознанные мысли покинули мою голову. Правой рукой он водил вверх и вниз по моему боку, лаская, но затем скользнул по руке к запястью и удержал на месте, что-то прохладное и кожаное обернулось вокруг него.

Моментально, и прежде чем я успела что-либо сказать, Эштон поднял мою вторую руку и застегнул ещё одну кожаную манжету.

— Я говорил тебе, что дразнить меня было плохой идеей, — начал он, лаская грудь и сжимая сосок. Желание быть наполненной прокатилось по моему телу, и я начала извиваться на кровати нижней половиной тела.

— Ай-яй-яй. Думаю, ты двигаешься слишком много, — прошептал мне на ухо.

Я понятия не имела, о чём он говорит. Идея умолять просочилась через мой разум за один краткий миг, но реальность заключалась в том, что я хотела увидеть, куда он направит свою игру. Его рука продолжала свой путь вниз по моей груди и через мой центр. Боже, мне было необходимо, чтобы его пальцы остались там подольше. Но они медленно двигались вниз по моим бёдрам и захватили одну из моих лодыжек, впившись в изгиб моей ноги.

— Эштон, — вздохнула я.

Когда я снова почувствовала прохладную кожу и слышала щелчок, моя лодыжка оказалась прикреплённой к кровати, так же, как и мои запястья. Эштон, не теряя времени, проделал то же со второй ногой. Его глаза были прикрыты, зрачки расширены настолько, что я едва могла рассмотреть цвет его радужек.

Похоть.

— О, Елена. Как чертовски сексуально ты выглядишь, распластанной на моей кровати. — Его руки задели мой обнажённый живот. — Теперь я хочу видеть, как много ты сможешь выдержать.

Я задрожала от его слов и посмотрела на него, желая узнать, что он будет делать дальше. Каким-то образом Эштону удалось поместить вибратор на кровать, а я даже этого не заметила. Один только звук заставлял предвосхищение во мне нарастать.

— Пожалуйста, — попросила я.

— О, не переживай, это всё для тебя. — Его голос стал хриплым, когда он прикоснулся вибратором к моему клитору.

Никогда не чувствовала ничего подобного. Желание окутало меня, как лесной пожар.

— О, Боже, не... не останавливайся, — удалось выговорить мне.

— И не собираюсь.

Скорость увеличивалась, а вибрация усиливалась, и когда я этого не ожидала, моё тело направлялось туда, где меня ждал выбор: позволить попытке продолжаться или сигануть с обрыва. Взорвавшись, моё тело напряглось почти до боли, а взгляд затуманился.

Когда эйфория начала спадать, я заметила, что мышцы снова напрягаются. Эштон оставил вибратор на месте, только в этот раз погрузил два пальца в моё влажное тепло, позволяя моему телу объезжать и сжимать их.

— Ещё раз. Люблю смотреть, как ты кончаешь. Как выгибается твоя спина, как открывается рот... — Он издал звук, и вполне возможно, что это был самый эротический звук, который я слышала. Не уверена, сколько смогу вынести, прежде чем моё тело станет слишком чувствительным. Я приготовилась, моя сердцевина дрожала в ожидании.

Это продолжалось всё дальше и дальше.

Я молила Эштона об облегчении, но не имела его ввиду. Сочетание удовольствия и боли было совершенно подавляющим, и я наслаждалась каждой минутой.

После третьего или четвёртого оргазма — я потеряла счёт — мои лодыжки, а затем и запястья, освободили. Эштон растирал слегка раздражённую кожу на руках.

— Ты так хорошо справилась, детка, но теперь ты нужна мне.

Где-то посередине всего этого Эштон снял одежду и очки. Он посадил меня к себе на колени, и я опустилась вниз, его набухший ствол с лёгкостью скользнул в меня. Усталость поспешно ушла в ту же минуту, как Эштон начал двигаться внутри меня; моё тело и разум потерялись в возбуждении. Вскоре я оттолкнула всё в сторону и взяла верх, объезжая его так, будто мне никогда не будет его достаточно.

— Блядь, Елена, пожалуйста скажи, что ты близка, — умолял он,

и я почувствовала, как его член становится больше, растягивая меня.

Опустила голову на его плечо.

— Я не смогу кончить снова.

— Сможешь и кончишь. — Приказ в его тоне и большой палец на моём клиторе заставили моё тело напрячься вокруг него, пульсируя снова и снова.

— О, Боже!

Эштон схватил меня за бёдра, толкаясь всё сильнее, пока не издал крик освобождения. Измученные, мы оба упали на кровать и свернулись в объятиях друг друга.

— Я люблю тебя, Елена, — тихо прошептал Эштон в мои волосы. — Добро пожаловать домой.

Три слова были настолько уместными, что стали причиной слёз на моих глазах. После многих лет я наконец-то нашла своё место.

Место, которое могла назвать домом.

Глава 26.

Эштон

— Говорил же тебе, что она готова, — посмеиваясь, сказал Миллер, примостив свою задницу в противоположной стороне моего офиса. — Вы двое в выходные вообще дом покидали?

Была моя очередь ухмыляться.

— Да. У неё был дневной спектакль вчера. Потом мы пошли домой и пообедали там.

— Счастливый ублюдок, — пробормотал он.

Я закончил просматривать электронную почту на компьютере и откинулся на спинку кресла.

— До сих пор не знаю, как она воспримет всё после того, когда мы в последний раз там были. Она была так напугана. Всё немного вышло из-под контроля.

— Ты брал её туда после предложения папы? Ей нужно увидеть, что каждый раз всегда по-разному.

Растерев мышцы шеи, я снял очки и бросил их на стол.

— Нет, не хочется пугать Елену ещё больше.

— Тебе надо взять её с собой.

У каждого имелась навязчивая идея о том, что мне необходимо взять с собой Елену на сбор ещё одного долга. Показать то, что ей нужно знать, и тогда, возможно, она будет в состоянии принять это. Словно это самый лучший вариант для неё.

Но что, если это не так? Ни для кого из нас?

— Когда-либо думал о том, чтобы *не* делать этого?

— Не делать чего?

— Ты знаешь, что я никогда не хотел этого.

Миллер наклонился вперёд, поставив локти на бёдра.

— Это часть нас, — кратко ответил он.

Было ли это так? Возможно, Миллер и папа были правы.

Возможно, это в нашей крови — без этого я никогда бы не решился открыть хотя бы один ресторан, не говоря о трёх, — но маленькая часть меня просто хотела...

— Да. Да, думаю, ты прав.

— Конечно, прав. Прими это. Никто никогда больше не поймёт Елену. Она — твоя, а это значит, что никто не станет тревожить её, если не захочет иметь дело с нами.

Он был прав. Елена будет в безопасности от всего дерьма, с которым имела дело в прошлом.

— Ты прав. У меня встреча во вторник. Я возьму её с собой.

Миллер пожал плечами.

— В теории что-то должно быть. Мама была рядом с отцом все эти годы и не выгнала его задницу из дома.

Мой телефон завибрировал на столе.

— Лёгко на помине.

— Должно быть, у него уши горели. У меня встреча с Максом Тэрэном. Мудаку лучше держать своё дерьмо при себе. Я не буду помогать ему в этот раз.

Меня всегда удивляло то, как менялся Миллер, когда имел дело с клиентами. Он становился холодным, расчётливым. На второй шанс с Миллером рассчитывать не стоило. Либо ты заплатишь ему, либо окажешься, по крайней мере, с одной сломанной костью, если не больше. Говоря с ним, не подумаешь, что в нём есть такая сторона, но она была, скрытая под поверхностью.

— Мы поговорим позже, — сказал я, беря телефон.

Миллер махнул рукой и закрыл за собой дверь.

Я провёл пальцем по экрану.

— Алло?

— Эштон, ты виделся с братом? Он не отвечает на телефон.

Я усмехнулся.

— Идиот, вероятно, опять врубил беззвучный. Он только что ушёл, чтобы встретиться с Максом Тэрэном.

— Хорошо. Я не был уверен, помнит ли он. — С заднего фона донеслись крики. — Твоя мама хочет сказать, что ждёт не дожждётся встречи с Еленой.

— Я снова был на шоу в воскресенье. Понятия не имел, что она будет так отлично справляться.

— Вам двоим было до ужаса удобно рядом с другом в субботний вечер, — обвинил он.

Мысль о том, как она сидела рядом со мной, вызвала улыбку.

— Она переезжает ко мне.

Папа не отреагировал.

— Ты уже брал её с собой на сбор или заём?

— Пап, она готова всё увидеть. Чёрт, она была в центре этого.

— Как клиент, а не по другую сторону забора.

Я вздохнул.

— Миллер сказал то же самое. Что ей необходимо знать, потому что это часть нашей жизни.

— И он прав. Ты не можешь ожидать того, что она поймёт твою жизнь, если не покажешь ей её.

Вопрос, заданный ранее, врезался в меня как поезд.

Действительно ли это моя жизнь?

— Почему ты хочешь, чтобы я делал это?

Молчание.

Я мог представить его, глядящего на телефон. Его брови сведены, на лице хмурый взгляд.

— Потому что знаю, что ты можешь. Миллер никогда не хотел чего-либо, кроме как иметь часть в нашем бизнесе. Назови меня эгоистом, но я хочу, чтобы ты тоже был его частью. Я знаю, что ты можешь делать и одно, и другое. Сейчас для тебя на первом месте рестораны, а не то, что ты делаешь для семьи. К тому же, ты не встретился бы с Еленой, если бы всего этого не было.

Он был прав. Без этого Елена бы не спала каждую ночь в моей постели, так что я должен быть благодарен, если не учитывать

финансовый аспект.

Мы с папой поговорили ещё чуть-чуть, прежде чем он повесил трубку. Наш разговор дал мне богатую пищу для размышлений, пока я сидел за столом, перебирая стопки документов.

Как, чёрт подери, я должен оставить всё это позади? Ладно, я водил Елену на ужины в надежде, что если и когда она оставит своего мужа, то захочет остаться со мной. Документы нужно было рассмотреть в срочном порядке, так же, как и приказы. Главным образом, нужно было сделать пару звонков, чтобы отчитаться за поставленную провизию и погрузку. Не говоря уже о встрече с новым поставщиком. Чёрт, Джоанн необходимо вернуться из отпуска до того, как бумажной работы накопится ещё больше. Тогда я смогу вернуться к тому, что люблю.

Последние два вечера, наблюдая за Еленой на сцене, я чувствовал, как часть меня немного окутывает ревность. Она становилась той, кем всегда хотела. Не то чтобы я не был успешным, но я поймал себя на мысли, что за эти годы, я всё больше отдаляюсь от того, что люблю в ресторанном управлении. Тратя всё своё время на сбор долгов для отца, я оказался там, где я сейчас. И несмотря на то, что сейчас большая часть занимаемых денег — моя, я знал, что не могу уйти, пока не выясню, как снова сделать так, чтобы отец забрал на себя это дело. В любом случае, я собирался стать шеф-поваром и заняться другими делами в ресторанах. Взяв телефон, я начал набирать первый номер, когда в дверь постучались. Открыл Пьер, а за ним стоял другой мужчина.

— Бен здесь для встречи с вами по поводу поставки алкоголя.

Я встал и протянул руку, которую он вежливо принял в рукопожатии.

— Приятно познакомиться. Присядете?

— Спасибо. Надеюсь, мы быстро решим проблему.

— Наши надежды совпадают.

Мы сели и начали обсуждать его средства и расходные материалы, когда крики и стук привлекли моё внимание. Я бросил ручку, которая была в моей руке, и вышел из кабинета, направившись вперед и надеясь, что никто не пострадал. Когда прошёл через двери, на моё плечо опустилась рука, скрутив меня и толкнув к стене.

— Эштон Хоуз?

Рядом со мной стоял один из копов, другие, по крайней мере, с десяток перемещались по всему ресторану, переворачивая место с ног на голову.

Просто заебись.

Какого чёрта они ищут в ресторане? Ничего здесь не стоит их времени. Я бы никогда не испортил этот бизнес.

— Это я. — Мой голос был приглушён твёрдой поверхностью стены.

— Мистер Хоуз, мы уводим вас для допроса по поводу похищения миссис Елены Толли.

Я пытался оглянуться, чтобы хорошо рассмотреть его лицо, но офицер крепко держал меня, пока не защёлкнулись наручники. Мне никогда не приходило в голову, что для допроса нужны наручники.

— О чём вы, мать вашу, говорите? Елена в театре, репетирует для нового шоу.

— Мы отправим машину.

Потребовалось ещё двое, но в конце концов они заставили меня пройти к дверям. Большинство сотрудников застыли с неверием на лицах: рты открыты, глаза круглые. Блядь, я должен был придумать для них объяснение и надеяться, что они не сбегут. И клиенты. Это дерьмо могло разрушить мой бизнес. Мне необходимо разобраться с этим и быстро.

— Дастин, позвони моему отцу и расскажи, что случилось.

— Сделаю, Эштон, — ответил тот, и я был благодарен, что он не добавил никакой колкости.

Копы толкнули меня через дверь и помогли сесть в автомобиль; это не так просто сделать с застёгнутыми сзади руками. Одна из причин, почему я никогда не использовал металлические наручники для своих игр — они слишком неудобные. Хотя я и пытался получить больше информации от офицеров, ни один из них мне ничего не объяснил. Ситуация стала яснее, лишь когда мы прошли в дверь.

Толли.

Паршивый кусок дерьма сидел за одним из столов. Стоило ему

поднять голову, я увидел, что чёрные и синие гематомы под его глазами ещё не сошли. Парень холодно усмехнулся. Ублюдок организовал всё это. Займёт ли Елена его сторону? Маленькая часть моего разума переживала о том, что это мог быть именно такой случай, а остальная часть не верила в это. Не новая Елена. Этого сукина сына ждало горькое разочарование, когда она попадёт сюда.

Толли вскочил со своего стула, так искусно играя жертву.

— Этот ублюдок украл мою жену. — Двое полицейских остановили его, предлагая ему успокоиться. Мысли о том, чтобы стряхнуть с себя хватку копов и закончить то, что я начал несколько недель назад, были более, чем немного ужасающими, но, к несчастью, если я хотел выйти отсюда, и чем быстрее, тем лучше, мне нужно было держать руки при себе и вести себя наилучшим образом.

Сжав зубы, я не стал драться с копами, когда они привели меня в комнату для допросов. Закрыв за мной дверь, двое остались со мной внутри. Я увидел своё отражение в двустороннем зеркале на дальней стене. Они усадили меня на стул и переместили наручники из-за спины вперёд. Через несколько минут дверь открылась и в комнату вошёл ещё один полицейский в костюме. Он сел напротив меня, а двое другие ушли.

— Мистер Хоуз, — открыв папку перед собой, сказал тот. — Где миссис Толли?

Мой естественный инстинкт жаждал сказать этому парню, чтобы он засунул свой вопрос себе в задницу и дал мне телефон для звонка адвокату. Это было то, что отец вбивал в наши головы время от времени.

Не в этот раз.

Я не похищал никого, и чем быстрее они найдут Елену, тем быстрее отпустят меня.

— Как я уже говорил *джентльменам*, проведшим меня сюда, Елена в центре города в Кентерберском театре. Она получила роль в одном из новых спектаклей.

— Чёрт, вы упрощаете мою жизнь. — Он потряс головой, оскалив предовольную улыбку.

Высокомерный ублюдок подумал, что поймел меня. Я откинулся на спинку стула, выжидая, когда эта игра потеряет смысл. Как только

этот идиот выяснит настоящую причину нахождения Елены на моём попечении, я в кратчайшие сроки выйду отсюда.

— Не хотите рассказать мне, зачем вы похитили миссис Толли?
— спросил он, не отрываясь от бумаги и ожидая моего ответа, чтобы записать каждое слово.

— Я не делал этого. — Это единственный ответ, который он от меня получит, пока Елена или мой адвокат не появятся.

— Вы точно сказали нам, где она, и говорите, что не похищали её?

— Именно.

Дверь открылась и вошёл Артур, адвокат моего отца.

— Достаточно вопросов. Я мистер Колберн, адвокат мистера Хоуза. Как я понимаю, информации, которую он вам предоставил, достаточно, чтобы доказать его невиновность. С этого момента он не будет отвечать на ваши вопросы, пока вы не прекратите относиться к нему как к обвиняемому, вместо того, чтобы понять, что он — жертва.

Детектив сжал челюсти, но не предпринял никаких попыток исправить Артура, вместо этого вышел из комнаты, хлопнув за собой дверью.

Артур сел на стул около меня.

— Что, мать твою, случилось, Эштон? Твой отец готов взять это место штурмом.

— Я так понимаю, отец здесь?

— Можно и так сказать. Я не единственный адвокат, которого он прислал. Теперь не хочешь рассказать, что, блядь, случилось, чтобы я мог пойти туда и успокоить его, прежде чем он ухудшит ситуацию?

— Будущий бывший муж моей женщины обвинил меня в её похищении.

— Елены?

Я кивнул, любопытствуя, откуда Артуру об этом известно.

— Не смотри с таким удивлением. Твой отец рассказал мне о ней всё. Теперь позволь мне пойти туда и успокоить его.

Прежде, чем он успел сделать хотя бы шаг, из главного холла послышался крик, и это был единственный голос, который я хотел услышать.

Глава 27.

Елена

— Сверху, — крикнул Алан откуда-то позади. — Винс, вспомни, какие мы внесли изменения в расстановку.

Мы репетировали один и тот же номер в течение трёх последних дней, когда Алан решил, что номер не получится и нам нужно начинать с нуля. От танцев у меня болели ноги, не говоря уже о першение в горле. В какой-то момент Алану придётся дать нам перерыв.

Началось музыкальное вступление, и я отсчитала ритм. Моя партия шла первой. Я услышала сигнал и начала петь. Внезапно дверь распахнулась, металлическая ручка с грохотом ударилась о стену и напугала всех в комнате. Шесть вооружённых полицейских вбежали в дверь.

Алан вскочил со своего места и вышел в проход с поднятыми руками.

— Не знаю, что произошло, но думаю вы ошиблись местом.

Один из полицейских шагнул вперёд, выкрикнув:

— Елена Толли? — И все головы, за исключением полицейских, повернулись в моём направлении.

— Я — Елена Толли, — пропищала я.

Он убрал пистолет и подошёл ко мне.

— Вам необходимо проехать с нами, мэм.

Я скрестила руки на груди, но осталась неподвижной.

— Я никуда не поеду, пока мне кто-нибудь не объяснит, в чём дело.

— Мэм, Эштон Хоуз под арестом. Его допрашивают по поводу вашего похищения, — пояснил он.

Мои глаза практически выкатились из орбит.

— Что? — прокричала я.

Алан взбежал на сцену.

— Вы арестовали Эштона? — спросил он немного спокойнее, чем я.

Почему, чёрт возьми, они думают, что Эштон меня похитил? На мгновение у меня пропал дар речи, потому что ответ ударил меня в лицо.

Доминик.

Этот мудака до сих пор находит способы разрушать мою жизнь.

— Офицеры, я могу заверить вас, что Эштон не похищал меня. Я с ним по собственной воле.

Полицейские посмотрели на меня, будто я сошла с ума, наверное, думая, что у меня стокгольмский синдром. Но более смехотворно было то, что этот мудака расхаживал по полицейскому участку, скорее всего, высоко задрав нос, и это наносило больший удар, чем что-либо другое.

— Вы уверены, что всё в порядке, мэм?

— Клянусь. Я в порядке. — Я знала, что могу изменить всю эту ситуацию лишь добравшись до участка. Сделав глубокий вдох, я попыталась расслабиться. — Дайте мне секунду, чтобы взять вещи, и я пойду с вами. — Коротко кивнула и спустилась со сцены.

Алан последовал за мной к раздевалке.

— Мне поехать с тобой?

Отрицательно покачала головой.

— Нет, рано или поздно мне придётся набраться смелости и встретиться со своим будущим бывшим мужем — Я положила руку поверх его. — Продолжайте работать. Я исправлю всё и приду завтра.

Он сжал меня в объятиях.

— Я рад, что он послал тебя ко мне. Позаботься о нём сегодня, он будет зол.

— Позабочусь.

Я быстро поцеловала его в щёку и побежала через дверь на сцену. Офицеры всё ещё ждали там.

— Пойдёмте, — сказала я, направившись к дверям.

Мы вышли и оказались в окружении ещё большего количества автомобилей. Сотрудники скорой помощи подбежали ко мне с носилками.

— Вы в порядке, мэм? — спросил один из них, протянув руку, чтобы взять меня и подвести к машине скорой помощи.

Я вырвала руку.

— В порядке. Не было никакого похищения, меня попросту донимает мой супруг, с которым мы разводимся. — Я посмотрела на всех стоящим там. — Теперь, пожалуйста, кто-нибудь отвезите меня в участок, чтобы мы могли исправить это недоразумение.

— Извините, миссис Толли, — обратился подошедший офицер, один из тех, что были внутри. — Пожалуйста, пойдёмте со мной, и мы отвезём вас.

Я последовала за ним к одной из неприметных машин. Подав руку, он помог мне забраться внутрь, прежде чем занять место водителя и завести двигатель. Пока мы ехали, моя кровь кипела, всё, что я когда-либо хотела сказать этому заносчивому придурку, проносилось в моей голове. В этот раз я не стану сдерживаться. В минуту, когда полицейский остановился около участка и открыл мою дверь, я протиснулась мимо него и побежала вперёд, перепрыгивая по две ступеньки за раз. Открыла дверь и поискала того, с кем можно поговорить об освобождении Эштона, когда по мне скользнул *его* голос.

— Елена, моя любимая жена.

Голова сама дёрнулась в его сторону. Эти слова были предназначены для ушей детективов.

Мне было виднее.

Ненависть загорелась в его глазах, и когда Доминик встал передо мной и взял за руку, убеждаясь, что я в порядке, я почувствовала, как его пальцы напряглись, неудобно сжав мою ладонь, хитрая улыбка заиграла в уголках его губ. Я попыталась вырваться из его хватки, но он был сильнее и притянул меня к себе. Он крепко обнял меня за талию, не позволяя сдвинуться, и опустил подбородок мне на плечо, прошептав на ухо:

— Если ты думала, что я за одну секунду позволю тебе развестись со мной, подумай ещё раз. Теперь улыбайся, скажи

«спасибо» и тащи свою жирную задницу в чёртову машину.

Некоторые из моих старых страхов вернулись, но я оттолкнула их как можно дальше. Боковым зрением я увидела, как Миллер удерживает Малколма. Он кивнул мне, и я позволила искрам полететь.

Высвободившись, я обратилась к Доминику, мой голос звучал громко, чтобы все вокруг могли слышать:

— Убери от меня свои чёртовы руки! Я не твоя *любимая* жена, как ты ловко выразился, раз мы окружены полицейскими. Вскоре я стану твоей бывшей женой, потому что ты не знаешь, как обращаться с женщиной. — Я ткнула пальцем в его грудь, переходя в полную ярость. — Ты каждый день последние пять лет втапывал меня в грязь. Я считала, что ни черта не стою, что никто никогда не захочет меня. Ты заставлял меня думать, что я достойна быть лишь твоей игрушкой для секса. Твоя проблема в том, что я нашла другого мужчину. Мужчину, который обращался со мной лучше, чем ты можешь себе представить. Мужчину, который заставляет меня кончать снова и снова, пока я кричу его имя.

Я усмехнулась, когда поняла, что мы стояли в окружении копов.

— И ты только что загнал себя в ловушку, ложно обвинив человека в похищении. Мужчину, с которым я хочу быть вместо тебя. Ты — идиот. Надеюсь, тебе понравится в тюрьме. А я заберу Эштона домой в кровать, — закончила я.

Мои колени ослабли, когда я поняла, что только что сказала, но, к счастью, во время моей тирады Миллер подошёл ко мне сзади и обнял за талию. Полицейские обступили Доминика, который выглядел теперь куда более неловко, чем когда я вошла.

— Я горжусь тобой, маленькая сестрёнка, — сказал Миллер мне на ухо.

— Спасибо. — Эти слова многое значили для него, а от «маленькая сестрёнка» моё сердце учащённо забилося в груди.

Если бы только однажды это стало правдой.

Малколм шагнул вперёд и встал передо мной, опустил руки мне на плечи. Румянец пробежался по моим щекам. Он слышал всё, что я только что сказала.

— Спасибо, что пришла на помощь Эштону.

— О другом я и не думала. — Мысль о том, что Эштона заперли где-то в этом здании, вызвала у меня слёзы.

— Ты — сука, — закричал Доминик, сопротивляясь удерживающему его офицеру, хотя у него, как пить дать, не было никаких шансов освободиться. — Никто не захочет трахать такую уродливую шлюху, как ты. Даже в уплату долга. Эштон сказал мне несколько недель назад, что хочет каждый цент своих денег. — Слюна слетала с его губ с каждым более ненавистным словом.

Малколм развернулся так быстро, что его фигура стала практически размытой.

— Ты, ублюдок, — сказал он, двигаясь на Доминика. — Если ты не закроешь свой чёртов рот, я отрублю твой член и скормлю его тебе по кусочкам.

Миллер обошёл меня и обнял отца за плечи, потянув его обратно, пока полицейские укладывали Доминика на пол и надевали на него наручники.

Адреналин, который я почувствовала, стоя перед Домиником, испарился, и стул в нескольких футах от меня выглядел чрезвычайно привлекательно. Я подошла к нему и опустилась, чем обратила на себя внимание Малколма и Миллера. Они бросили друг на друга краткий взгляд, Миллер опустился рядом со мной, а Малколм, чьи шея и лицо покраснелись, остался стоять. Мне было проблематично взять под контроль свои эмоции. Мои дрожащие пальцы привлекли внимание Малколма.

— Пошли, Елена. Давай посмотрим, что мы можем сделать, чтобы вытащить Эштона.

Высокий мужчина с тёмно-каштановыми волосами вышел в холл. По посаженному по фигуре серому костюму-тройке было ясно, что он не был общественным защитником или детективом; мои подозрения подтвердились, когда Малколм пожал ему руку.

— Артур. — Малколм повернулся и жестом пригласил меня присоединиться к ним. Вся ненависть, испытываемая несколько минут назад, ушла, и я могла почувствовать близость Миллера. Затем он встал рядом со мной и обнял за плечи для поддержки. — Артур Колборн, пожалуйста, познакомься с Еленой Толли. Елена, это мой

адвокат, Артур.

Джентльмен протянул мне руку.

— Приятно с вами познакомиться.

Он махнул рукой в сторону одного из детективов.

— Теперь, когда вы здесь, мы сможем исправить всё в кратчайшие сроки.

Меня подвели к стойке регистрации, где представившийся детектив Линч спросил, могу ли я ответить на несколько вопросов. Руки начали потеть, когда я подумала, сколько придётся соврать ради спасения Эштона от тюрьмы.

— Хорошо. Я могу это сделать.

Он повёл меня к себе в кабинет дальше по коридору, жестами показав, чтобы я села за стол. Артур занял место рядом со мной. Малколм и Миллер вынуждены были ждать в коридоре, зная, что их присутствие не поможет. Детектив Линч сел за стол и открыл папку. Взяв ручку в руки, он поднял на меня глаза.

— Что ж, миссис Толли, вы сказали, что вас *не* похищал мистер Хоуз.

— Совершенно верно. — Я дёрнулась, чтобы встать, но Артур положил руку поверх моей, сигнализируя мне оставаться на месте. — Эштон не сделал ничего, кроме того, что спас от плохого обращения моего так называемого мужа.

— Из разговора, имевшего место несколько минут назад, я так понимаю, что ваш муж не всегда относился к вам хорошо? — У него хватило благородства немного смутиться моим поведением.

— Можно сказать и так. Сомневаюсь, что вам нужны все детали — вы как пить дать получили достаточное их количество ранее, — но Доминик любил унижать меня, заставлял меня чувствовать себя ужасно. Он изолировал меня от моей семьи и друзей. Эштон сделал всё возможное, чтобы заставить меня увидеть, что я достойна того, чтобы со мной хорошо обращались. Что я достойна быть любимой.

— И так мистер Хоуз не требовал денег за три месяца, как заявляет ваш *муж*.

Приближённость сказанного в реальности пугала меня. Что, если

я выдам себя? Пытаясь думать рационально, я рассуждала, что, технически, Эштон не давал никаких денег Доминику за меня или наоборот. Используя эту мысль, чтобы расслабиться и успокоиться, я ответила:

— Нет, он этого не делал.

Его глаза сузились.

— Вы знаете, что ранее мистер Хоуз попадал под расследование нелегального ростовщичества?

Я покачала головой, надеясь показаться невинной.

— Эштон владеет тремя ресторанами в центре города.

— Какие отношения вас связывают с мистером Хоузом?

— Мы с Эштоном живём вместе, — я вырисовывала маленькие кружки на столе. — Когда я увидела Доминика на прошлой неделе, то сказала ему, что подаю на развод. Видимо, он решил навредить Эштону, назвав меня его *рабыней*.

Детектив кивал при каждом слетавшем с моих губ слове. Его глаза прищурились, голос звучал спокойно.

— Я видел такое много раз, миссис Толли, хотя и не в такой крайности, на которую пошёл ваш муж. Для любящего плохое обращение мужа не редкость сделать нечто подобное, когда жена говорит, что уходит, особенно к другому мужчине.

— Это означает, что вы отпустите Эштона?

Мужчина откинулся на спинку кресла и посмотрел на меня.

— Хоть мне и доставит огромное удовольствие арестовать члена семьи Хоуз, — его взгляд метнулся к Артуру, который сидел прямо, глядя перед собой, — это тот случай, когда я считаю, что они невиновны, и на самом деле помогли кому-то в ужасной ситуации.

Я затаила дыхание, ожидая продолжения.

— Так что да, миссис Толли, при данных обстоятельствах мистер Хоуз может быть свободен.

Мне хотелось вскочить и обнять его. Было нечто, что я никогда не говорила Эштону, но он заслуживал услышать эти слова, когда мы останемся одни, а не по телефону и не через стеклянное окно. С

большим усилием я сдержала себя и произнесла только:

— Спасибо.

В уголках его глаз собрались морщинки, когда он улыбнулся.

— Пожалуйста. Хотелось бы предупредить вас, но думаю, вы уже знаете об Эштоне больше, чем говорите.

Мгновение все молчали. Я могла бы уйти, ничего не сказав, но мне нужно было, чтобы детектив Линч знал.

— Эштон любит меня. Он заставляет меня чувствовать себя принцессой, такой, какой я никогда не чувствовала себя раньше. — Чуть не добавила, что мне плевать, чем он занимается, но я полагала, что это слишком много.

Детектив Линч встал.

— Дайте мне несколько минут, чтобы заполнить все документы, и мистер Хоуз будет свободен.

Когда дверь за ним закрылась, я повернулась к Артуру.

— Почему вы ничего не сказали?

Он просто взглянул на меня.

— Потому что это ваша история. Мне не нужно защищать вас от ваших собственных действий.

Теребя подол рубашки, спросила у него:

— Как думаете, много им понадобится времени?

В ответ адвокат покачал головой.

— Не тогда, когда здесь Малколм. Они его терпеть не могут. Захотят выпроводить отсюда как можно скорее.

Я кивнула и принялась играть с тем, до чего могла дотянуться. Вся ситуация заставила меня перенервничать. Обвинит ли меня Эштон в случившемся? Нет. Он не такой. Артур накрыл мою руку и утешительно мне улыбнулся. Ожидание, надо полагать, не оказывало на него большого влияния. Вполне вероятно, это стандартная процедура.

Казалось, прошла вечность, прежде чем дверь открылась.

— Мистер Хоуз свободен.

Спрыгнув со стула, я буквально помчалась к двери. Ладонь опустилась на мою руку, и я посмотрела в глаза детектива Линча.

— Я понимаю, что Эштон относится к вам лучше, чем когда-либо Доминик, и мне кажется, вы прекрасная женщина, просто... пожалуйста, будьте осторожны.

Взглянув на его руку на моей, я ответила:

— Я точно знаю, во что ввязываюсь.

Обойдя его, я побежала по коридору в лобби, белокурая голова Эштона привлекла моё внимание. Он стоял спиной, разговаривал со своим отцом и братом. Миллер указал в мою сторону, и Эштон медленно повернулся, его зелёные глаза, мерцающие за очками, остановился на мне.

На долю секунды я замерла, ожидая его реакции. Когда медленная сексуальная улыбка тронула его губы, я бросилась к нему.

Глава 28.

Эштон

Елена ринулась по коридору прямо ко мне в объятия. Вцепилась в ткань моего пиджака на спине, словно от этого зависела её жизнь. Ощущение её тела, прижимающегося ко мне, казалось таким правильным. Я обнял её одной рукой за талию, а другую поднёс к лицу, наблюдая, как её глаза мерцают от сдерживаемых слёз.

— Елена, что случилось?

— Мне так жаль. Это всё моя вина, — она всхлипнула и уткнулась головой в мою грудь.

— Елена, посмотри на меня, — потребовал я. Её заплаканный взгляд встретился с моим. — Ты *не* виновата в том, что сделал этот идиот.

Мои губы опустились на её — кому есть дело до того, что я стоял посреди полицейского участка? Как пить дать не мне.

Она быстро сдалась поцелую, и тело ещё сильнее вжалось в моё, когда я скользнул языком в её рот, углубляя поцелуй. Я бы взял её здесь и сейчас, но кашель подсказал мне, что пришло время отпустить. У нас будет всё время мира, когда мы вернёмся домой.

Её грудь поднималась и опускалась с каждым затруднённым вдохом.

— Я люблю тебя, — выпалила она.

Забывшись, я поднял её на руки, обвив ногами свою талию.

— Позвоню вам позже, — бросил я через плечо отцу и Миллеру. Я так ждал этих слов от неё, и сейчас, когда она сказала их, я не собирался когда-либо её отпускать.

Я вышел на улицу, и, как и ожидалось, нас ждал Льюис. Когда зрителей вокруг нас не осталось, я посмотрел ей в глаза.

— Я люблю тебя так сильно, Елена. Останься со мной. — Это не было приказом, но я не собирался спрашивать об этом.

— Навсегда. Мы можем поговорить с Артуром об ускорении бракоразводного процесса.

— Потом, — пообещал я, приближаясь к машине. Льюис уже открыл заднюю дверь. Поставив на ноги, я поспешил усадить её внутрь. Мне нужно доставить Елену домой в нашу постель.

— Домой, — сказал я Льюису, закрывавшему дверь.

Усадив Елену к себе на колени, я исследовал её губы, быстро теряя контроль; к тому времени, когда мы добрались до дома, моя рука уже скользнула в её бюстгальтер. Машина остановилась, и я пересадил её, поправляя одежду. Мне вдвойне было насрать на то, что меня поймают, но никто кроме меня, больше никогда не увидит Елену голой.

Взяв за руку, я повёл её к дому и завёл внутрь. Дверь даже не закрылась до конца, когда я прижал её к стене и грубо обрушился на её губы, пробуя каждый дюйм. Простого, горячего, грубого секса будет недостаточно. Она была моей, и пришло время показать ей ещё больше.

Разорвав поцелуй, я положил руку ей на спину и повёл вверх по лестнице в спальню. Игрушки лежали в моём ящике — манжеты для привязывания к кровати, — но ничего из этого мне сегодня не пригодится. Моё тело жаждало чего-то большего, чем обычно. Не то, чтобы *большая* часть из того, чего мне хотелось, было «обычно» по меркам большинства людей.

Мы достигли спальни, и я точно знал, чего хочу. Сел на кровать и посмотрел на Елену, пытаюсь решить, готова ли она.

Девушка подошла ко мне, её бедра изящно покачивались при каждом шаге. Она остановилась передо мной и молча просто смотрела на меня. Через мгновение она опустилась ко мне на колени, прямо на эрекцию, почти болезненно упирающуюся в джинсы.

— Уверен, что в порядке?

— Блядь, да. — Мой голос звучал грубо от желания. Я хотел её так сильно, что едва мог смотреть перед собой.

Её тело нависло над моим, и я сдался.

Схватив её за задницу, я встал и опустил Елену на кровать. Я не отрывал своих глаз от её, принявшись снимать скучную майку и шорты.

— Ты доверяешь мне?

— Да, — ответила она без колебаний.

Я потянулся к комоду и вытащил повязку. Опустив ей на глаза, я наблюдал, как реагирует её тело. Она больше не видела, что я делал. Уберите одно из пяти чувств, и другие усилятся. Прямо сейчас Елена должна сосредоточиться на оставшихся чувствах.

Это было именно то, что я хотел.

Её бёдра сжались, и она начала извиваться на кровати. Нежно провёл пальцами вниз по внутренней стороне её икр, наблюдая, как они дрожат под моим прикосновением.

— Не двигайся.

Глубокий вдох сорвался с её губ, и она кивнула. Бросившись вниз по лестнице на кухню, я схватил чашу и наполнил её кубиками льда, прежде чем снова вернулся к Елене на кровать. Поставил чашу на тумбочку, позволив стеклу зазвенеть, когда оно коснулось дерева.

— Эштон?

— Шшш, — я залез на кровать рядом с ней и принялся гладить по внутренней стороне бедра, по животу и вокруг розовых сосков.

Протянув руку назад, взял кубик из чашки и заменил свой палец им. Звук её визга, когда лёд коснулся кожи, послал волны огня через меня. Крепко удерживая кубик, я обвёл им оба соска, пока они не затвердели. Её дыхание стало прерывистым. Я знал, что толкал её всё ближе и ближе к краю.

Это не остановило меня от того, чтобы скользнуть кубиком вниз по ложбинке между грудей до живота и слизать дорожку талой воды языком. Стон сорвался с её губ, когда лёд скользнул вниз к клитору. Я положил руку на живот, не отнимая холодный кубик, и предупредил:

— Не двигайся, иначе я свяжу тебя.

При упоминании об оковах, по её телу прошла дрожь, затягиваясь в узел в центре. Она тяжело сглотнула и кивнула. Удовлетворённый её готовностью делать, как ей сказали, я скользнул кубиком вниз и провёл по её центру, пока не нашёл влажный вход. Елена приподнялась на кровати нижней частью тела, но взяла себя в руки и опустилась, её грудь быстро поднималась и опускалась.

— Вот так, прекрасно.

Я взял другой кубик льда. Стоны и всхлипы пронизывали воздух, пока она делала всё возможное, чтобы остаться на месте. Это не представлялось возможным, но мой член продолжал твердеть с каждым изданным ею звуком, и если я не скользну в её влажное тепло в ближайшее время, то изольюсь на кровать.

Последний кубик.

Я взял его губами и легонько провёл им по её губам, наблюдая, как она высунула язык и как лёд таит в местах прикосновения к её разгорячённой коже. Скользнув льдом вниз по её телу ещё раз, я позволил своему холодному языку довести её до пика. Елена содрогнулась от волны удовольствия.

— О, детка, так горячо смотреть, как ты кончаешь, — простонал я, залезая на её тело, не в силах больше терпеть. — И на этот раз я собираюсь заставить тебя кончить на мой член.

Елена откинула голову на подушку, когда я медленно скользил в неё дюйм за дюймом.

Вот где моя способность сбавлять обороты и брать себя в руки иссякла.

Выскользнув, я снова вошёл, нарастив темп. Мышцы на бёдрах напряглись. Я делал всё возможное, сдерживая оргазм, желая, чтобы она кончила первая, но, когда её тело задрожало и сжало меня, я чуть не потерял сознание, кончая снова и снова.

Задыхаясь, я потянулся к повязке.

— Приготовься к свету.

Снял ткань с её лица. Елена открыла глаза только через несколько секунд и начала моргать. В конце концов, её взгляд сосредоточился на мне, на губах появилась томная улыбка.

— Это было невероятно.

Целуя её в лоб, я подтвердил:

— Да.

Взяв чашу, я отнёс её в ванную комнату, выбросив остатки льда и воды в унитаз. Когда вернулся в спальню, Елена крепко спала. Выключив свет, я залез под одеяло и притянул её к себе. Тепло распространилось по мне, когда её рука опустилась мне на грудь.

Она сказала эти слова.

Теперь я понимал, что почувствовал мой отец, когда добился маму. Мужчина был определённо жёстким со всеми, кроме неё, и Елена сделала то же самое со мной. Она меняла меня так, как я никогда не ожидал.

События последних дней пробежали в моей голове. Пока мы ждали Елену с Артуром, отец и Миллер рассказали мне, что произошло в лобби: о нелепых обвинениях Толли, о его тираде о Елене. По-видимому, дебил не усвоил урок несколько недель назад, когда я использовал его лицо в качестве боксёрской груши. Они сказали мне, что его арестовали за ложные обвинения в похищении Елены, но это не удержит его в тюрьме надолго. Он или отсидит своё, или внесёт за себя залог.

Ему будет безопаснее отбыть срок.

Так или иначе, у Елены есть время, чтобы научиться обращаться с пистолетом малого калибра. Я начну её обучение завтра утром. Скорее всего, Елена проголодается, когда проснётся, поэтому я заставил себя встать с кровати, натянуть спортивные шорты и очки, и спуститься вниз, чтобы найти что-то на ужин и позвонить отцу.

Телефон издал лишь два гудка.

— Эштон.

— Пап, — сказал я, падая на диван в гостиной.

— Этот ублюдок за всё заплатит.

Упоминание о Толли заставило моё давление повыситься.

— Да, но пока он у копов, мы его не получим.

— Ты же не думаешь, что у меня нет людей, которые следят, когда выпустят этого мудака?

— Уверен, что есть. Я хочу, чтобы Елене научилась стрелять из пистолета и завтра планирую провести некоторое время на полигоне.

Он вздохнул.

— Я прикончу этого сукиного сына прежде, чем он окажется где-нибудь рядом с ней.

— Ты отправлял маму на те же курсы, которые будет брать

Елена, а у неё даже не было сумасшедшего бывшего мужа.

— Ты прав. В нашем бизнесе только так, это не повредит — особенно, если вы двое собираетесь сойтись. И после сегодняшней демонстрации в участке, я думаю, что так и будет.

— Я говорил тебе, она переезжает ко мне.

— Настоящие отношения?

Я закатил глаза, зная, что он не видит меня.

— Да, я хочу, чтобы она была рядом со мной так долго, сколько захочет.

— Хорошо. Просто не делай чего-то чертовски глупого, например, не раскрывая всего, чем занимаешься. Ей нужно знать и чувствовать себя комфортно со *всеми* аспектами твоей жизни. Иначе будешь сожалеть об этом потом, когда она уйдёт.

Папа знал, что я делал в ту ночь в его доме.

— Я расскажу ей. Она должна знать во что ввязывается, и это не будет ограничиваться лишь воспоминаниями о первой ночи.

— Хорошо.

Откинувшись на подушки, добавил:

— Я прослежу, чтобы она продолжала уроки самообороны, но буду посылать с ней Брока, когда она будет выезжать куда-то, пусть даже с Льюисом. О, и я хочу так же повысить уровень безопасности вокруг дома.

— Думаю, это очень хорошая идея.

— Отлично. Теперь мне нужно идти. Хочу приготовить ужин для Елены. Позвоню тебе завтра и дам знать, как успехи.

Мы с папой попрощались, и я повесил трубку.

Спускаясь по лестнице на кухню, я задавался вопросом: не подтолкнуло ли Толли на крайность то избиение? Не по моей ли вине Елена находилась в опасности? Возможно, моё присутствие в её жизни лишь ещё больше обезумело его?

В любом случае, уже слишком поздно.

Глава 29.

Елена

Я проснулась с ощущением восхитительной боли. Пока дремала, Эштон приготовил нам ужин, который мы съели, не одевшись. Несмотря на свой голод, мне едва удалось доестъ; вид его твёрдой длины и мускулистых рёбер буквально будоражил мои нервы. Я сделала всё возможное, чтобы не показывать этого, но недостаточно быстро, потому что Эштон заметил, сгрёб меня со стула и отнёс на плече в нашу комнату. После этого... я больше не отвлекалась.

Наша комната.

Странно было говорить такое, но раз я переезжала сюда, то такой она и была.

Нашей.

Моя жизнь наконец-то потекла в правильном русле. У меня был мужчина, который обращался со мной словно с принцессой, словно я была единственной в мире, кто имел для него значение. У меня была чудесная новая карьера. И через несколько недель я освобожусь от метафорического камня на шее и цепей, которые тянули меня вниз.

Жизнь налаживалась.

Видя, как он заботится обо мне, я решила сделать для Эштона что-нибудь особенное. Бесшумно вылезла из кровати, накинула шёлковый халат, подаренный им, и на цыпочках спустилась на первый этаж, чтобы приготовить завтрак.

Включив кофейник, обыскала кладовку, пока не нашла всё необходимое для фирменных бельгийских вафель по рецепту мамы. Они отлично сочтутся с беконом.

Я как раз наливала кофе, вылила последнее тесто на сковородку, когда две сильные руки обвили мою талию, и Эштон укусил меня за шею.

— Ты не обязана готовить завтрак.

Обернувшись, обняла его за талию.

— Знаю, но мне захотелось. Ты помог мне нагулять зверский

аппетит прошлой ночью. А с утра я умирала с голоду.

Я покрыла вафли клубникой, взбитыми сливками и сахарной пудрой, а затем поставила их на стол. Они пахли божественно, даже если я так себе говорила. Эштон потянулся за кофе, как только я поставила его кружку.

— Ммм. Это именно то, что мне было нужно. — Он откусил первый кусочек и застонал. — У них невероятный вкус.

— Спасибо. Это рецепт моей мамы.

— Говорю на будущее: можешь готовить их в любое время, когда тебе вздумается.

Я хихикнула и приступила к собственному завтраку. Слова, сказанные владельцем трёх ресторанов, означали многое.

Через несколько минут Эштон отложил вилку, на его лице задержалось что-то среднее между волнением и задумчивостью. Это было не то выражение лица, которое я любила, а особенно не тогда, когда он ел фирменные вафли моей мамы. Они напоминали рай на тарелке, поэтому чтобы ни было у него на уме, это не сулило ничего хорошего. Я ждала, но, когда Эштон замолчал, прекратила есть, пытаюсь понять, что у него на уме.

— У тебя нет выступления сегодня?

Покачала головой.

— Нет, у меня только репетиция на несколько часов днём и всё.

— Мне бы хотелось, чтобы ты поехала со мной на сбор.

— На сбор? — Складывалось ощущение, будто я знала, что он имел в виду, но хотела убедиться.

— Долга. У меня сегодня встреча с клиентом в боксе.

В боксе.

Это было одно из *последних* мест, куда я хотела пойти, и Эштон это знал. Должен был. Явно существовала причина, почему он хотел, чтобы я поехала с ним.

— Можно спросить, зачем?

Он наклонился ко мне и взял одну мою руку в свою.

— Вчера ты согласилась остаться со мной — быть моей.

Единственный путь, с помощью которого я узнаю, что это так, это если ты примешь жизнь, которую я веду, а узнать обо всём ты сможешь только если придёшь и увидишь собственными глазами, что это такое и что мы делаем.

Я потупила взгляд.

— Мне уже известно, чем ты занимаешься. В первую ночь, помнишь?

Палец скользнул под мой подбородком, заставляя поднять взгляд.

— Я не забыл, что у тебя осталось много плохих воспоминаний, но, если бы ты не была там в ту ночь, мы бы не были сейчас вместе. Всё по-другому, когда находишься по другую сторону. Доверься мне.

Я боролась сама с собой, не зная, что делать. Если пойду, смогу ли тогда оттолкнуть плохие воспоминания достаточно далеко, чтобы наблюдать объективно, или это слишком меня беспокоит?

В любом случае, я, находясь там и видя, чем занимается Эштон, буду знать, что он делает это только для меня. Для нас. Это был шанс показать ему моё доверие.

— Хорошо.

Он улыбнулся, всё напряжение ушло из его тела, и я знала, что сделала правильный выбор. Мне не было известно, подхожу я для этого или нет. Но, по крайней мере, я должна сделать попытку ради Эштона.

* * *

Немного позже Эштон уехал в «The Bluewater Grill». У него было много работы и мало времени на неё. Пока он был занят, я провела день на телефоне, разговаривая с Артуром и пытаюсь выяснить, можем ли мы ускорить бракоразводный процесс. Я знала, что Доминик не подпишет, но, думаю, где-то в глубине надеялась, что он легко пойдёт навстречу.

Ага, размечталась.

Мой желудок скручивало, пока я принимала душ и одевалась. С

момента переезда к Эштону, он научил меня быть независимой, бороться за себя, признавать, что я стою любви. Мне было тяжело сравнивать этого мужчину с тем, который собирал долги и угрожал неплательщикам. Я не хотела видеть его в действии, чтобы не омрачить своё мнение о нём.

Когда пришло время выезжать, Брок встретил меня перед домом. Я почти не заметила его, мой разум всё ещё не отпускал утренний разговор.

— Эй, Елена, — Брок окликнул меня, когда я добралась до автомобиля.

Его голос вывел меня из хоровода мыслей.

— Привет, Брок. — Эштон говорил мне, что Брок будет рядом, если нет его. После вчерашних событий он беспокоился, что Доминик может сделать что-то ещё. Если его освободят под залог.

— Ты в порядке? — Он открыл для меня дверь машины.

— Да. Просто задумалась.

— Не волнуйся, этот кусок дерьма не сможет оказаться рядом с тобой, — процедил он сквозь зубы.

Я улыбнулась от его сурового тона. Вероятно, мне следовало испугаться исходящей от него угрозы, но страх отсутствовал. Это принесло мне облегчение. Впервые кто-то был готов защищать меня.

— Знаю. Дело не в нём. Я понимаю, что ты и Эштон не позволите ему оказаться рядом со мной. — По какой-то неизвестной причине я чувствовала, что открываюсь кому-то. Оказалось, кроме Брок и Льюиса у меня никого не было, так что он был моим единственным вариантом.

— Я больше беспокоюсь о поездке с Эштоном сегодня.

— На игру? — его брови поползли вверх.

— Я только однажды видела, всё... *в тот день*, и его я предпочитаю забыть.

Мужчина пожал плечами.

— Это в прошлом. Я знаю, что миссис Хоуз однажды присутствовала при этом. Он клянётся, что это основная причина их столь долгого брака.

— Правда?

Хоть и было удивительно услышать подобное, я поняла, к чему он клонит.

Брок кивнул.

— Ты хочешь сказать мне, что причина, по которой Эштон хочет видеть меня там, это чтобы его бизнес не вмешивался в наши отношения?

— Да. Я знаю, что он не особо хотел этого, но готов поспорить, мистер Хоуз или Миллер уговорили его.

Тепло расплзлось по мне после слов Брока, но этого было недостаточно, чтобы ослабить тошноту, досаждающую мне с самого завтрака.

— Всё будет хорошо, — сказал он, когда мы подъехали к театру. — Эштон разговаривал с Аланом, и тот не против, если я посижу на репетиции.

— Я тоже не против.

Брок вышел из машины первым и помог мне.

— Не волнуйся, он всё ещё в тюрьме. Мы узнаем, когда он выйдет.

— Хорошо.

Я понятия не имела, на что был способен Доминик. Он никогда раньше не поднимал на меня руку, но обезумевший взгляд в его глазах не давал мне покоя. Было ясно, что он далёк от стабильности; особенно сейчас, когда три месяца истекли, и я не вернулась домой. Но присутствие Брока заставило меня чувствовать себя в безопасности, и я верила, что он присмотрит за мной.

В течение следующих нескольких часов я пыталась вытолкнуть из мыслей всё лишнее. Если это и отразилось на мне, то Алан ничего не сказал. Но когда репетиция закончилась, он отвёл меня в сторону.

— Всё в порядке? Слышал, вы с Эштоном исчезли после того, как его отпустили.

Пришлось выдавить из себя улыбку.

— Да. Я до сих пор привыкаю к мысли, что теперь постоянно

живу с Эштоном. Очевидно, что из последнего раза, когда я согласилась жить с женщиной, не вышло ничего хорошего.

— Эштон не имеет ничего общего с тем куском дерьма, за которого ты вышла замуж. К тому же, ему нужен кто-то вроде тебя в жизни.

— Почему ты это говоришь?

— Эштону поглощает его работа. Ему нужен кто-то, кто будет напоминать ему, что смысл жизни не в деньгах, — улыбнулся Алан.

Я обняла его за шею и чмокнула в щёку.

— Спасибо. Мне нужно было это услышать сегодня.

— Пожалуйста. Теперь иди, пока Брок не сошёл с ума.

Я практически танцевала, идя по проходу, наконец-то почувствовав себя более уверенно. Впервые с тех пор, как мы встретились, я могла быть чем-то большим для Эштона. Начинала верить, что у нас есть шансы на отношения. И не только это — другие тоже это видели. Чувство было пьянящим — смесь удовлетворения с азартом. Незнакомое, но определённо желанное.

Брок смотрел, как я грациозно шла к машине, идя следом за мной и бормоча что-то невнятное себе под нос. Но мне было всё равно. Моё хорошее настроение было заразительно. Он скоро снова будет улыбается.

Не то, чтобы я никогда не видела улыбающегося Брока... но вспомнить не получалось.

Когда я вернулась домой, до возвращения Эштона оставалось ещё несколько часов, поэтому я решила на горячую ванную с пеной. Пар расслабил мои уставшие мышцы, когда я погрузилась в воду. Глаза закрылись, и я глубоко вздохнула, окутанная запахом лаванды. Это было блаженство.

Лёгкий стук в дверь вывел меня из оцепенения. В проходе стоял Эштон, его взгляд устремился на пену на моей груди.

— Блядь. Если бы нам не надо было оказаться кое-где, я бы присоединился к тебе.

Я подразнила его, покрутив пальцами в пене.

— Было бы весело.

— Вылезай из ванной, пока я снова не отшлёпал твою маленькую попку.

Я позволила ему сделать это в одну из ночей несколько недель назад, и его слова заставили мой центр отозваться болью от воспоминания. И естественно, я не была разочарована.

Прикусив нижнюю губу, я встала и вышла из ванной, убедившись, что каждое движение медленное и излишне подчёркнутое. У нас не было времени, но это не значило, что мне было запрещено веселиться.

Он застонал и шагнул назад.

— Жду тебя внизу. Если останусь рядом с тобой, мы не выйдем сегодня из дома.

Эштон точно знал, как взбодрить в женщине храбрость.

— В таком случае, спущусь быстро, — ответила я, хлопая ресницами. Он покачал головой и улыбнулся, прежде чем уйти, бормоча что-то весь путь.

Как только Эштон оставил меня, я помчалась в комнату, чтобы подготовиться, схватив оранжевый сарафан из шкафа и соответствующие аксессуары из моего постоянно увеличивающегося гардероба. У меня сейчас было больше одежды, чем за всю мою жизнь. Эштона действительно надо останавливать, когда он тратит на меня деньги. Но мы поговорим об этом позже.

Когда я наконец-то была готова, то спустилась вниз и обнаружила Эштона в фойе с ключами в руке. Он вышагивал по комнате так, что мог протереть в полу дыру. Стук моих туфель привлёк его внимание, он обернулся и замер.

— Чёрт. Влажную и обнажённую тебя можно съесть. Но в этом платье.... — Он сделал глубокий вдох со свистом через поджатые губы, — Я мог бы нагнуть тебя над любой поверхностью и трахать, пока ты не сможешь ходить.

Мне пришлось сжать ноги, чтобы не побежать и не запрыгнуть на него. Он схватил меня за руку и потянул к двери.

— Поехали. Мой контроль не безграничен. Просто знай: твоё тело — моё, когда мы вернёмся домой.

Пытаясь раздражить ещё больше, я ущипнула его за задницу.

Затем, без предупреждения, начала идти спиной к машине, пока Эштон пожирал мои губы взглядом. Прежде чем я успела что-нибудь предпринять, он отвёл взгляд и открыл мне дверцу.

— После тебя, — махнул рукой на машину.

Я смотрела на него в течение нескольких минут, не в силах перевести дыхание. Когда он не сдвинулся, я залезла и стала наблюдать за ним, пока он закрывал дверь и обходил вокруг. После того, как мы выехали на дорогу, я повернулась к нему.

— Что это было сейчас?

— Это, — сказал он с ухмылкой, — нужно было проучить тебя, так как ты меня раздражила. Теперь не я один возбуждён.

Не сомневаюсь в этом.

Извиваясь на своём месте, я пыталась унять пульсацию между ног, но ничего не помогало.

— Не переживай, — прошептал он, — я позабочусь об этом по возвращению домой.

Мысли о его «позабочусь» отвлекали меня всю дорогу, и это не прекращалось, пока автомобиль не остановился, и я заметила, что мы приехали на поле. Идя рука об руку с Эштоном, я чувствовала уверенность. По крайней мере, пока мы не пошли по коридору к лифтам, чтобы добраться до боксов.

Воспоминания о моей последней прогулке по этому коридору нападали на меня, преследовали, возвращали знакомые чувства страха и сомнения. Я вдохнула поглубже через нос, но это было бесполезно. Они до сих пор мучали меня. Когда мы дошли до бокса, я превратилась в хаотичную связку нервов. Уверенность, которую я ощущала дома, ускользнула. Мой желудок скрутился в крепкие узлы.

— Елена, что случилось? — забеспокоился Эштон, но я не могла испортить ему вечер. Должно быть, ему через многое пришлось переступить, чтобы привести меня сюда и доверить всё связанное с бизнесом. С теми знаниями, которые мне были известны, я могла уничтожить всю его семью — всё ради чего работали пара поколений Хоузов. Это, может, и было незаконно, но это наследие. Это было огромное доверие с его стороны. Я должна была показать ему, что он может мне доверять.

— Ничего. — Я обводила всё вокруг взглядом, и при этом ничего не видела. — Просто странно снова здесь находиться.

Положив руку мне на спину, он подвёл меня к одному из кресел около окна.

— Сядь и посмотри игру, а я пока принесу напитки.

Он оставил меня, но вернулся через несколько минут с бокалом. Я почувствовала запах белого вина, прежде чем увидела его, и отстранилась, едва не уронив бокал на пол. Его рука потянулась и схватила за ножку, прежде чем фужер выпал из моих пальцев.

— Елена?

Я уставилась за окно широко раскрытыми глазами.

— Слишком много воспоминаний.

Эштон шагнул в поле моего зрения и встал на колени передо мной.

— Да, но на этот раз всё по-другому. Ты другая. Теперь ты *моя*.

Он скользнул рукой по моему затылку и подтянул мой рот к себе. Нежная ласка закончилась в секунду, когда его язык скользнул сквозь мои губы. Потом поцелуй обрёл эротический ритм, его тело прижалось к моему. Если я думала, что была возбуждена в машине, то это было ничто по сравнению с сейчас. Кашель оторвал нас друг от друга.

— Извините, не хотел прерывать, — Брок пересёк комнату, приподняв одну бровь.

Моё лицо вспыхнуло, и мне понадобилось время, чтобы решиться посмотреть на второго в комнате мужчину. Как я могла так увлекаться каждый раз в присутствии Эштона? Независимо от причины, я всё ещё хотела его. Позволила телу остыть с пониманием, что ещё немного — и я бы начала умолять Эштона взять меня в клубе. Встреча покажется мне слишком долгой.

— Всё в порядке, — сказал Эштон. — Мы как раз собирались заказать ужин.

Для меня это стало новостью, но я подыграла в попытке отвлечься. Так или иначе, это будет длинная ночь.

Мы выбрали еду, и Эштон позвонил на кухню. Когда вернулся и

сел рядом со мной, Брок опустился в кресло рядом с другой стороны.

— Репетиция прошла нормально?

Я кивнула.

— Да. Хотя, думаю, Броку было скучно. — Я толкнула его локтем, и тот ухмыльнулся.

— Нет, было забавно.

— Хорошо, потому что я хочу, чтобы он был с тобой всегда.

Глаза Брока сузились.

— Доминик вышел под залог днём, — объяснил Эштон без единой эмоции на лице. Он помолчал мгновение, позволяя осознать сказанное. Потом повернулся ко мне. — Каким движениям тебя обучают на курсах самообороны?

— В основном, как сбежать, если кто-то меня схватит. Коленом в промежность и головой о колено. О, и как сбить кого-то, если тебя прижали к стене.

Пальцы Эштона лаской прошли по моему лицу.

— Рад, что ты знаешь это, пока тот мудака будет разгуливать по улице.

Это напомнило мне вчерашний день и обвинение Эштона в моём похищении.

— Ты должен делать это сегодня? Я имею в виду, после вчерашнего ареста.

Он пожал плечами.

— Так нужно. Если мы отступим, потому что полиция прощупывает наш бизнес в поисках доказательств — доказательств, которые они никогда не найдут, — мы покажем наши слабые места клиентам. Мы не можем позволить им думать, что они могут не платить, если вмешивается полиция.

Брок кивнул.

— Эштон организовал встречу сегодня, что доказывает, что они всё ещё должны платить, и что полиция ничего не сделает, чтобы остановить это.

Прежде, чем я успела ответить, раздался резкий стук в дверь, и

моё сердце подпрыгнуло к горлу. Дверь медленно открылась, и кто-то вкатил тележку.

С нашей едой.

Я сглотнула, пытаюсь скрыть уровень своего страха. Воспоминания о первой ночи стали слегка размытыми после ухода Доминика. Мой желудок начал бурчать. У меня на протяжении всего дня не было настроения для того, чтобы поесть. Я успела проглотить пару кусочков, когда раздался повторный стук. Это был тот человек, который должен был встретиться с Эштоном.

Брок пошёл открывать дверь. Небольшой, статный мужчина с чёрными редкими волосами вошёл с сумкой за спиной. Он был одет как любой другой парень на стадионе: шорты, майка и кроссовки. В нём не было ничего конспираторского. Если бы я увидела его в коридоре, то никогда бы не поверила, что он пришёл сюда, дабы погасить долг.

— Энтони.

Я посмотрела налево и была в шоке от того, что увидела. Мужчина с улыбкой, которая могла растопить моё сердце, больше не сидел рядом со мной. На его месте находился человек с выражением холодной решимости в глазах.

Я заметила лёгкую дрожь в руках парня. Он смотрел на меня секунду, но увидев лицо Эштона, быстро отвёл взгляд.

— Мистер Хоуз, я... эммм... у меня проблемы.

— Кто бы мог подумать. — Тон Эштона был холоден и бескомпромиссен. Это не то, что я привыкла слышать.

— У меня... эээ... есть только... мmmm... часть денег. — Энтони заикался. Было ясно, что он в ужасе.

И я вот-вот узнаю почему.

— Что? Не думаю, что услышал тебя правильно. — Эштон не кричал, как я ожидала. Он даже не повысил голос. Вместо этого слова звучали тихо, угрожающе, и я осознала, что это своего рода прелюдия перед опасностью. Брок продолжал стоять, его плечи поникли, руки сжались в кулаки по бокам.

Брок заставлял меня чувствовать себя в безопасности в его присутствии, но я знала, что парень передо мной не ощущал того же.

И небезосновательно. Вспомнила, какие чувства испытывала, когда впервые увидела его. Брок был импозантным мужчиной. Мне понадобились месяцы, чтобы привыкнуть к нему.

Потребовалась вся моя сила воли, чтобы ничего не сказать или сделать. Эштон и Брок занимались этим многие годы. Каков бы не был их план, я должна наблюдать со стороны, убеждаясь, что всё на своих местах, если собиралась принять обдуманное решение об этой стороне его жизни.

— Мистер Хоуз...

Эштон поднял руку, и Энтони сразу же закрыл рот.

— Сколько?

Энтони сглотнул.

— Семьдесят пять тысяч.

— Не хватает двадцати пяти.

— Да, сэр.

Эштон сцепил пальцы перед лицом и посмотрел на Энтони. Через несколько секунд он наконец заговорил.

— Тебе повезло, что сегодня я в хорошем настроении. — Энтони кивал головой, пока Эштон продолжал: — Так как это впервые, когда ты принёс не полную сумму, я дам тебе второй шанс. У тебя есть две недели. — Плечи Энтони расслабились, но было слишком рано. — Но ты принесешь мне сорок тысяч, не правда ли?

— Да, сэр, мистер Хоуз. Я смогу сделать это.

Не теряя времени, Энтони попятился к двери. Когда его ладонь обхватила ручку, Эштон окликнул его в последнем предупреждении:

— Главное помни — если снова вернёшься без полной суммы, разговора, как сейчас, не будет.

— Да, да. Спасибо, мистер Хоуз.

Эштон даже не взглянул на мужчину, когда тот уходил. Просто взял нож и вилку и продолжил ужинать. И затем до меня дошло — Эштон играл роль. Его аудитория, может быть, и меньше, его представление более уединённо, но это было именно оно. Представление.

Когда занавес поднимался и свет софитов падал на него, Эштон становился тем, кем необходимо быть. Следовал сценарию, написанному, переработанному и усовершенствованному его отцом. Мы с Эштоном были одинаковыми. И если он смог принять мои изменения, когда я занималась своей работой, я конечно же могла принять то же самое?

Я знала Эштона. Он не был монстром, каким его считали. Но если меня попросили бы выбрать, я бы хотела, чтобы он играл свою роль совершенно. Потому что игра Эштона обеспечивает ему безопасность.

Как только дверь закрылась, Эштон расслабился, став тем милым мужчиной, который украл моё сердце.

— О чём думаешь? — спросил Эштон, ища ответы на моём лице.

— Потом расскажу, — я подмигнула ему, заметив, как напряжение покинуло его плечи и морщинки вокруг глаз разгладились.

— Ну, тогда доедай ужин, и мы уезжаем. Сможешь рассказать мне по дороге домой.

По мне пробежало желание. Подобно воде, он находил путь к каждой частичке меня, и моё тело гудело от ожидания. Я хотела десерт, но взгляд в глазах Эштона сказал мне, что дома ждёт гораздо более вкусное.

Так что я доела свой ужин.

Быстро.

Глава 30.

Елена

Мы были на полпути к дому, когда Эштон посмотрел на меня.

— Позже.

Я точно знала, чего он хотел, но решила поиграть в скромницу.

— Полагаю, это случается, когда проходит время.

Он усмехнулся.

— Когда успела стать философом?

— Давай просто скажем, что у меня был великий учитель. — Я сделала глубокий вдох, тем самым придав голосу серьёзности. — Я кое-что узнала о тебе сегодня ночью.

Он сжал руки на руле, ожидая моих слов.

— И что же?

— Твоим *клиентам* повезло иметь дело с тобой, а не с твоим братом или отцом. — Эштон посмотрел на меня, будто хотел что-то сказать, но я продолжила, не дав ему шанса:— Не пойми меня неправильно, они вели себя замечательно с момента нашей встречи. Но я знаю, что они ни за что не выпустили бы из бокса мужчину, не принесшего им деньги. Ты готов давать второй шанс людям, когда они действительно его заслуживают. — Я опустила руку на его бедро. — Может, и не идеально, но я понимаю.

Глубокий вздох сорвался с губ, и хватка Эштона ослабла, в уголках рта заиграла улыбка.

— Звучит так, будто я рыцарь.

Я хихикнула.

— Тёмный, сексуальный рыцарь, пожалуй.

— Ты считаешь меня сексуальным?

Дежавю заставило меня ответить на этот вопрос так же, как это сделал он, казалось, вечность назад.

— Блядь, да, я считаю тебя сексуальным.

Он застонал.

— Боже, люблю, когда ты ругаешься.

Эштон нажал на педаль газа, и я вжалась спиной в сиденье. Казалось, он с трепетом ожидал возвращения домой, как и я. Можно лишь представить, что он подготовил для меня дома.

Что бы это ни было, я была более, чем готова.

* * *

Неделя прошла без каких-либо признаков Доминика. Бумаги на развод были поданы, и Артур уверил меня, что уже попросил назначить дату рассмотрения в суде, потому что Доминик отказался подписать документы. В любом случае, наш брак должен быть расторгнут.

— Елена, ты где?

— В твоей комнате.

Я собирала вещи для сегодняшнего выступления. Суббота напоминала ад, потому что нужно было успеть на репетицию, а вечером и на выступление.

— Сколько раз мне нужно напоминать тебе — что это *наша* спальня, а не моя.

— Прости. Я всё ещё привыкаю к этому. Всё немного странно для меня.

Эштон улыбнулся и обнял меня за талию.

— Хотел пожелать тебе ни пуха, ни пера сегодня. Мне не очень нравится, что я пропускаю оба шоу.

Я до сих пор не могла поверить, что он был на каждом моём выступлении, несмотря на то, что был занят ресторанами и работой на Малколма. Так или иначе, ему всегда удавалось покупать одно и то же место — так что я знала, где его искать. Не смотря на моё согласие по поводу того, что ему нужно на работу, было странно видеть кого-то другого на «его» месте.

— Знаю, но одно пропустить не страшно. У нас ещё пять недель

выступлений. Тем более, сегодня тебе нужно разобраться с той свадьбой.

— Но ведь не значит, что это должно мне нравиться.

— Нет, но Брок и Льюис привезут меня к тебе, когда я закончу, и мы сможем поужинать.

— Думаю, это отличная идея. Ты смирилась с постоянным присутствием Брока и Льюиса с тобой?

Я кивнула.

— Да. Надеюсь, Доминик уехал из города.

— Ублюдок до сих пор должен мне денег, но я готов потерять их, если ты останешься со мной.

— Всё будет отлично. Теперь иди, увидимся вечером.

Прежде чем уехать в ресторан, Эштон подарил мне больше, чем быстрый поцелуй, чтобы я вспоминала о нём. Я бросила несколько последних вещей в сумку и вышла.

Когда мы подъехали к театру, я сказала Броку и Льюису, что им не обязательно просиживать оба выступления. Я буду с охранниками театра. Так что они могут вернуться около девяти после антракта.

— Только, если ты уверена, — ответил Брок.

— Да. Брок, ты был здесь так часто, что уже знаешь шоу не хуже меня. Я здесь в безопасности, сделай перерыв.

Мужчина смотрел на меня на секунду, но потом кивнул.

— Хорошо. Мы заедем перекусить чуть ниже по улице. Будем возвращаться и проверять тебя время от времени.

— Хорошо, — ответом им была моя улыбка.

Я не пыталась избавиться от него — он мог бы остаться, если бы захотел, но это было впервые, когда ему нужно было присутствовать на двух выступлениях в один день. Я просто не могла так с ним поступить. Всё со мной будет в порядке, у нас есть охрана, которая не пропустит психов за кулисы, так что пока я на сцене, ничего не случится.

С двумя шоу скучать не придётся. Между проверкой звука и переодеваниями, перерывами на обед и выступлениями, день прошёл

быстро.

Когда финальное выступление закончилось, я направилась в свою гримёрку, чтобы переодеться для встречи с Эштоном. Брок уже был внутри, и я сказала ему, что приду через пару минут. Он проверил комнату и сказал, что будет ждать в машине. Таков был наш распорядок дня в течение последних нескольких недель с тех пор, как Эштона арестовали. Брок всё ещё пугал меня до определённой степени, но я начала видеть проблески его *настоящего*, и мы выстроили определённую рутину. Он был хорошим парнем, и я радовалась тому, что он присматривал за мной.

Я шагнула через дверь, и свежий ночной воздух окутал меня, охлаждая кожу. На противоположной стороне парковки стоял Бентли. Все остальные были внутри, выпивали, праздновали выступление, но я извинилась перед ними и ушла, желая поскорее оказаться с Эштоном. Не видеть его на шоу было более странно, чем я думала, и мне очень хотелось добраться до него.

Я сделала лишь пару шагов в сторону машины, когда меня схватили за руку и потянули, заставляя остановиться. Дрожь промчалась по спине, когда над ухом раздался голос.

— Моя маленькая тупая жёнушка думает, что перешла к большим и лучшим вещам, не так ли? — Голос Доминика ящерицей скользнул по моим чувствам.

— Убери от меня свои руки.

— К чёрту. Ты пойдёшь со мной домой, где тебе и место.

Я попыталась вырвать руку из его хватки. Мой взгляд метнулся к машине, и я увидела, что он увёл меня из зоны видимости. В конце концов, меня хватятся, но для этого было ещё рано. Мне придётся разобраться с Домиником самостоятельно.

— Моё место не рядом с тобой. Тебе нужна рабыня, которую ты сможешь уничтожить эмоционально, а не жена.

— Жена должна прислуживать своему мужу во всём.

Когда Доминик поднял голову, я заметила сумасшедший блеск в его глазах. Он всегда был жесток по отношению ко мне, но сейчас выглядел так, будто полностью потерял контроль. Я сжала кулаки, чтобы скрыть дрожь в руках.

— Нет, брак — это партнёрство. Эштон показал мне, какого именно обращения я заслуживаю, и оно абсолютно не похоже на муки, которые приносил мне ты.

Он зарычал, ударив меня по лицу с такой силой, что появились слёзы, и с силой толкнул в стену здания. Боль растеклась по спине. Обеими руками Доминик удерживал меня за плечи. Вспомнив уроки самообороны, на которых настоял Эштон, я ударила его коленом в пах что было силы. Он мгновенно опустил меня, прижав руки к промежности.

Беги, Елена. Беги!

Не видя преград, я рванула к машине, но на полпути упала на землю под весом Доминика. Изворачиваясь всем телом, я сбросила его, но была недостаточно быстрой — он вскочил на ноги и двинулся на меня, доставая из-за пояса пистолет.

— Сейчас ты пойдёшь со мной спокойно, иначе я направлю этот пистолет на головорезов в машине.

Был только один способ изменить ход этих событий.

Выбросив ногу, я сбила мужа на землю. Лязг металла о бетон привлёк моё внимание к пистолету. Я полезла вперёд, пытаюсь добраться до него первой. Когда моя рука скользнула вокруг рукояти, я перевернулась на спину и направила пистолет на Доминика.

Нажала на спусковой крючок, и по парковке эхом пронёсся звук выстрела.

Донёсся топот шагов по тротуару в нашу сторону, когда глаза Доминика встретились с моими и он прикрыл руками дыру в животе. Он упал на колени.

Появилась кровь.

Много.

Везде.

— Елена, — крикнул Брок, схватив Доминика за рубашку и оттолкнув его от меня.

Льюис вытащил телефон из кармана и позвонил сначала в полицию, а затем Эштону. Брок сел рядом со мной и забрал пистолет из руки.

— Ты в порядке, Елена?

Вид тела Доминика, из которого вытекала жизнь, заставил меня окаменеть.

— Физически она в порядке. — Голоса звучали так, будто доносились из тоннеля. — Да, я не уверен, что она ответит. Кажется, у неё шок. Конечно, я вызвал грёбаную полицию. У нас нет причин разгребать это сами. Она защищалась. Подожди.

Мне в руку положили телефон и подвинули к уху.

— Елена?

Я не могла говорить. Мой голос был в ловушке.

— Она слушает, — крикнул мужской голос. — Просто говори с ней.

— Елена, детка, пожалуйста, слушай меня. Я в дороге. — На заднем фоне зазвучал клаксон. — Я знаю, что ты не хотела причинить ему вред, но он не оставил тебе выбора.

Сирены звучали ближе и ближе.

— Елена, пожалуйста, поговори со мной. Я люблю тебя. Пожалуйста.

Что-то в умоляющим тоне Эштона отрезвило меня.

— Эштон? — прошептала я.

— Да, детка, как хорошо услышать твой голос. Я скоро буду. Ты в порядке?

Нас окружили сверкающие огни.

— Приехала полиция. — Мои слова звучали плоско, бесчувственно.

— Елена, пожалуйста, продолжай говорить со мной. Просто слушай мой голос.

Полиция была повсюду, копы кричали нам, чтобы мы подняли руки. Мне не хотелось терять связь с Эштоном, но выбора не было. Я бросила телефон на асфальт и подняла руки ладонями к ним.

Определив, что мы не вооружены, офицеры разделили нас. Меня отвели к медикам, которые после осмотра начали задавать вопросы о произошедшем.

— Елена, — Эштон позвал меня из-за полицейской ленты.

Ему не позволили пересечь её. Разве они не понимают, что он мне нужен? Не обращая внимания на разговаривающего со мной офицера, я развернулась и побежала в сторону Эштона. В секунду, когда его руки обняли меня, я сломалась: тяжёлые рыдания разорвали моё тело, когда я упала на него. В конце концов Эштону позволили пройти, когда им стало понятно, что это единственный способ заставить меня отвечать на вопросы.

Где-то вдалеке я слышала, как Брок и Льюис извинялись перед Эштоном. Я продолжала отвечать на вопросы. Моё тело работало на автопилоте. Всё было настолько плохо, что я едва заметила, как Эштон отвёл меня к машине и усадил внутрь.

Весь путь домой я смотрела в окно. Вид безжизненного тела Доминика не покидал мои мысли.

Мы остановились возле дома, и Эштон, оставив машину у тротуара, поднял меня на руки и пронёс через входную дверь. Поставил меня на кухне, и, достав полотенце, начал вытирать мою кожу, проверяя. Я даже не понимала, были ли у меня повреждения.

Его пальцы скользнули по моей щеке, и я вздрогнула. У него дрожали руки, и он сжал их в кулаки.

— Если бы этот ублюдок не был уже мёртв, я бы убил его.

Мои глаза снова наполнились слезами, и Эштон выругался.

— Малышка, я не хотел тебя расстраивать. Я просто так чертовски зол, что не был там, чтобы защитить тебя.

— Я... убила... человека, — плакала я.

Эштон притянул меня к себе, его рука скользнула в мои волосы, чтобы удержать голову у своей груди.

— Детка, я знаю. Но ты должна была это сделать. Ты не представляешь, как мне жаль, что я не тот, кто сделал это за тебя.

В течение долгих мгновений он держал меня в своих объятиях. Запах его одеколона начал оказывать на меня влияние. Я хотел его и хотела очень сильно. Посмотрев вверх, увидела, что Эштон смотрит на меня с тем же вождением.

А затем его рот оказался на моём. Язык скользнул внутрь, лаская

каждый дюйм.

— Елена, ты так чертовски мне нужна. Мне необходимо понять, что ты в порядке. Если не хочешь этого, скажи сейчас.

Я провела пальцами по его лицу.

— Ты можешь брать меня в любое время.

Первое, что полетело на пол — моя рубашка, затем лифчик, тут же последовала рубашка Эштона. Наши губы снова слились в поцелуе, его большой палец задел мой сосок, и ощущения хлынули через меня прямо к центру. Я была музыкальным инструментом Эштона, а он — проклятым виртуозом, игравшем на мне.

Его губы двинулись вниз по моей шее, остановившись и ощутив мой пульс, затем продолжили своё путешествие, пока он не обхватили ими сосок, заставив мои колени подогнуться. Эштон поднял меня и подтолкнул к двери, удерживая своим весом.

Мне нужно больше.

Его рук и рта было недостаточно. Мои бёдра тёрлись о его. Одной рукой он залез под мою юбку, отодвинув трусики в сторону, и когда его пальцы скользнули по клитору, мои бёдра непроизвольно сжались.

— Пожалуйста, ещё раз.

Меня не волновало, что я умоляла.

Мне нужно было кончить.

Я хотела Эштона внутри себя.

Его пальцы снова скользнули по клитору.

— Пожалуйста, я не хочу медленно и сладко, я хочу, чтобы ты трахнул меня.

Его глаза расширились на мгновение, а затем похоть взяла верх: ремень был расстёгнут, штаны за секунду скользнули вниз по ногам, и его член свободно качнулся перед ним. Эштон даже не потрудился снять мою юбку и трусики. Удерживая меня за задницу, он погрузился глубоко внутрь.

Ощущение было восхитительным.

— Ты настолько хороша, — прорычал он.

— Пожалуйста, двигайся.

Мне не пришлось просить дважды. Прижимая меня к стене, он двигался быстро и резко, пока я не почувствовала, что мои мышцы затягиваются, а тело достигает апогея. Я знала, что Эштон близок. Его взгляд просверливал во мне дыру, и я видела в нём ошеломляющую страсть.

Когда меня охватило огнём быстрее, чем я когда-либо считала возможным, я закричала, повторяя его имя снова и снова, пока не охрипла. Эштон последовал за мной практически сразу, его дыхание с трудом вырывалось из груди.

Послышался глухой стук от удара его головы о дверь. Не спеша, мы восстанавливали нашу силу, и я развела ноги, которыми обвивала его талию, позволив Эштону поставить меня на пол.

Мужчина смотрел в мои глаза, нежно поглаживая синяк, который, скорее всего, появлялся под моим глазом.

— Елена, я так сильно люблю тебя. Ты весь мой мир.

Слёзы размывали картину перед глазами, но у меня не получалось их остановить.

— Я тоже тебя люблю. Спасибо, что спас меня.

— Я не спасал тебя. Ты сама себя спасла.

И в первый раз за свою жизнь я почувствовала себя спокойно. У меня был прекрасный мужчина, который любил меня и показывал, какой должна быть истинная любовь. Он научил меня стоять на собственных ногах и познакомил с миром удовольствия, которого я не знала ранее.

Я была уверена, что жизнь не может быть лучше.

Эпилог.

Эштон

Прошло пять недель с той ночи, когда Елена была вынуждена убить бывшего мужа, чтобы сохранить собственную жизнь. Понадобилось время, чтобы исцелить её разум. После тщательного расследования полиция признала её действия самозащитой, но в первую очередь было трудно убедить в этом саму Елену. Кошмары мучали её, став причиной беспокойства и усталости. Я делал всё возможное и изнурял её каждую ночь, чтобы она могла уснуть.

Но ничто не мешало ей ходить в театр каждый вечер и выкладываться на полную. Эта женщина доказала мне, что можно сделать всё, что захочешь.

Её слова придали мне мужества, и я поговорил с отцом о его бизнесе. Елена заставила меня осознать, что лучше я буду собирать долги, чем Миллер или мой отец. По-видимому, меня было легче уговорить. В любом случае, я согласился только на сбор. Деньги в долг они вынуждены будут давать сами.

Сегодня было последнее выступление. Елена рассказала мне, что хоть и сожалеет, что это конец, но она была рада продолжать увеличивать свой опыт в театральном мире. Алан сказал, что она может выступать в любом его шоу. Это вызвало такую улыбку на её лице, что я был готов спонсировать шоу, дабы снова её увидеть.

Свет погас, и я уселся на своё место в ожидании любимой части. Занавес поднялся, и её голос разнесся по залу. Это было красиво и успокаивающе. Затем Елена вышла на сцену, и все мысли об остальной части шоу пронеслись в моей голове.

Великолепная соблазнительница на сцене была женщиной моей мечты. Мы, может, и пришли к этому посредством не совсем удачных обстоятельств, но я бы ни на что не изменил этого. Больше всего на свете мне хотелось, чтобы она стала моей женой. Когда-нибудь она будет готова, и тогда я надену кольцо ей на палец.

Кто бы мог подумать, что, идя на стадион в ту ночь, я не только верну деньги, но и обрету лучшую часть моей жизни.

Заметки

[←1]

прим. перев.: бейсбольная команда

[←2]

прим. сверщика: «ран» в бейсболе приравнивается к одному очку